

**БИБЛИОТЕЧКА
РОССИЙСКОГО
ЮРИДИЧЕСКОГО
ЖУРНАЛА**

Страницы

из дневника следователя

Л. Я. Дранкин

ЕКАТЕРИНБУРГ 2016

УДК 82-311.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Д72

Драпкин Л. Я.

Д72 Страницы из дневника следователя. 2-е изд., доп. – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2016. – 216 с., [10] отд. л. ил. – (Библиотечка «Российского юридического журнала»).

ISBN 978-5-7845-0529-3

В настоящей книге представлены автобиографические эссе доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ Л. Я. Драпкина. Каждая страница – это подробный рассказ об интересном уголовном деле и тех приемах и методах, которые были использованы при его расследовании. В книгу также вошли стихи Л. Я. Драпкина, посвященные войне, работе, друзьям.

Студентам, аспирантам, преподавателям юридических вузов и факультетов, а также судьям, работникам прокуратуры и других правоохранительных органов

*В тексте изменены некоторые фамилии
и отдельные обстоятельства уголовных дел*

УДК 82-311.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-7845-0529-3

© Л. Я. Драпкин, 2012
© Л. Я. Драпкин, 2016
© Российский юридический журнал, 2012
© Российский юридический журнал, 2016

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Все мы в молодые годы были отчаянными романтиками, мечтали об интересном будущем и, конечно, о единственной и самой лучшей профессии, профессии «на всю жизнь». Суровая действительность вносила коррективы и очень часто от этих розовых мечтаний ничего или почти ничего не оставалось. Но некоторые, по моему мнению, очень счастливые люди упорно претворяют свои юношеские мечты в реальность.

Я с детства мечтал быть следователем. Несомненно, это желание возникло под влиянием классической литературы, прежде всего очень тонких и умных рассказов Артура Конан Дойля и Эдгара По. Меня восхищало умение их литературных героев распутывать коварные хитросплетения, превращать сложное и загадочное в простое и понятное, находить четкие ответы на, казалось бы, нерешаемые вопросы. Но воплотить мечту о следственной деятельности помешала Великая Отечественная война. Сразу после окончания средней школы в 17 лет я добровольно вступил в ряды Красной армии, окончил Челябинскую военно-авиационную школу механиков и с марта 1943 года до победного мая 1945 года (с небольшим перерывом) был на фронте.

Мечта о следственной работе не оставляла меня, и после демобилизации в 1949 году я поступил в Свердловский юридический институт, который окончил через четыре года. Однако до работы следователя по объективным причинам мне удалось «добраться» лишь к концу августа 1956 года. Это была прокуратура Свердловской области, где я проработал более 11 лет вначале следователем Железнодорожного района города Свердловска, затем старшим следователем областной прокуратуры, а с 1963 года по октябрь 1967 года – прокурором-криминалистом.

Работа прокурором-криминалистом оказалась, пожалуй, наиболее интересна с профессиональной точки зрения, по-

скольку я занимался раскрытием особо сложных, так называемых бесфигурантных дел, по которым нет сведений о виновных лицах. Так, при расследовании убийств проблемная ситуация (комплекс существенных трудностей, препятствующих их раскрытию) обычно возникает в отношении выявления убийц и доказывания виновности последних. По данной категории преступлений в самом начале расследования довольно быстро устанавливаются время, место, способ совершения общественно опасного деяния, но затем перед следователем и оперативными сотрудниками возникают труднопреодолимые барьеры. Однако разрешение проблемных ситуаций – это не только сложный, но и очень интересный познавательный процесс, особенно если он успешно завершается. Установив убийц, доказав их вину, любой следователь, выполнивший профессиональный долг, испытывает огромное моральное удовлетворение.

Работа старшего следователя (в настоящее время должность именуется «старший следователь по особо важным делам») также исключительно интересна. В нашем следственном отделе существовала определенная специализация, хотя и недостаточно последовательная. Мне обычно передавали уголовные дела о так называемых хозяйственных преступлениях: присвоениях, растратах, мошенничестве, валютных операциях, других экономических деликтах. Расследуя их, приходилось решать проблемы, связанные с установлением события преступления и способа его совершения. Но после доказывания этих двух обстоятельств выявление виновных лиц чаще всего становится менее сложной задачей, поскольку создается довольно надежная «информационная цепочка», ведущая к непосредственным исполнителям криминальных деяний, а от них – к организаторам.

Кроме проблемных ситуаций следователям и оперативным работникам (и ранее, и сейчас) достаточно часто приходится сталкиваться с конфликтными ситуациями и тесно связанным с ними тактическим (оперативным) риском. В основе кон-

фликтных ситуаций лежат острые противоречия между следователем (оперативным сотрудником) и противодействующими ему подозреваемыми, обвиняемыми и другими лицами, проходящими по уголовному делу. При этом существует информационная неопределенность в отношении возможных действий обеих конфликтующих сторон или, по крайней мере, одной из них.

Ситуации тактического (оперативного) риска также часто возникают в процессе расследования преступлений, особенно в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности.

В следственной и оперативно-розыскной деятельности нередки и так называемые неупорядоченные организационно-управленческие ситуации. Они связаны с отсутствием планирования и взаимодействия между всеми участниками расследования, недостатком сил, средств и времени, отсутствием необходимых профессиональных качеств у следователя и оперативных работников.

Прошу извинить меня за некоторое углубление в основы криминалистической теории, но без этого трудно представить себе сложную и нередко опасную работу следователя и оперативного сотрудника, творческий характер их деятельности, направленной на преодоление многочисленных и разнообразных препятствий.

Мне хотелось бы подробнее остановиться на способах решения указанных выше проблемных ситуаций.

Наиболее эффективным орудием успешного их разрешения, несомненно, является метод выдвижения и проверки версии. Версия – это обоснованное предположение следователя об основных и вспомогательных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела; вероятностный вывод, который должен быть подтвержден или опровергнут в ходе тщательной, доведенной до конца проверки как следственным, так и оперативным путем.

Именно таким способом Шерлок Холмс раскрывал запутанные преступления. Писатель Артур Конан Дойль полагал,

что подобный путь раскрытия преступления, который использовал его литературный герой, носит дедуктивный характер: от общего к частному. Вслед за ним метод раскрытия преступлений, применяемый Шерлоком Холмсом, в научной литературе стали называть дедуктивным. Однако это не совсем так, а вернее, совсем не так. Метод Шерлока Холмса есть типичный версионный способ раскрытия преступлений, в котором наряду с элементами дедукции используются приемы аналогии, индукции, обобщения, анализа, моделирования. Несмотря на вероятностный характер выдвигаемых им версий, он всегда допускал и иное возможное объяснение расследуемого события (контрверсию). В отличие от версионного (вероятностного) вывода дедуктивный вывод всегда достоверен. Подобные дедуктивные выводы возможны лишь при наличии непротиворечивой, объективной, полной и достаточной исходной информации.

Основная направленность следственных и оперативно-розыскных версий носит информационно-поисковый характер, в связи с этим версии относятся к одной из разновидностей эвристического (поисково-вероятностного) метода познания. Важной особенностью метода является движение познания не от причины к следствию (например, солнце взошло, трава высохла), а наоборот, от следствия к причине (трава высохла, вероятно, либо солнце взошло, либо ночь стояла теплая, либо подул сильный ветер, либо была другая причина). Подобный эвристический метод и позволяет следователю разрешать проблемные ситуации, прокладывая «информационно-доказательственный» путь от следов (признаков) преступления к лицам, его совершившим, и иным обстоятельствам уголовного дела.

Основной же метод преодоления конфликтных ситуаций составляют тактико-психологические приемы производства следственных действий, а предотвращение или уменьшение вредных последствий, связанных с ситуациями тактического риска, осуществляется путем реализации резервных (подстра-

ховывающих) схем следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Неупорядоченные организационно-управленческие ситуации разрешаются комплексом методов, включающим организацию взаимодействия всех участников расследования, в первую очередь следователей и органов дознания, четкое планирование, своевременное создание следственных групп, а при необходимости – передачу уголовного дела другому следователю.

Даже самое краткое изложение наиболее типичных трудностей, возникающих при расследовании преступлений, свидетельствует о важнейшей роли следователя в этом сложном и многоэтапном процессе. В соответствии с российским уголовно-процессуальным законодательством следствие является главным звеном досудебного доказывания, материалы следственного производства играют весомую роль в судебном рассмотрении. Дополнительные материалы, представленные по ходатайству сторон, чаще всего носят вспомогательный характер, позволяющий всесторонне проанализировать и оценить выводы следствия. Что касается оперативно-розыскных данных, то, несмотря на их огромное значение в раскрытии преступлений, они не считаются процессуальными доказательствами, чтобы стать ими, эти данные должны пройти тщательную проверку путем производства следственных действий.

В связи с введением в российское судопроизводство коллегии присяжных заседателей роль следователя еще больше возросла, ибо малейшие ошибки предварительного расследования могут привести к самым негативным последствиям, исправить которые не всегда возможно.

На следователях лежит большая ответственность за судьбы и жизни людей, за охрану государственных и общественных интересов. Им также необходимо строжайше соблюдать закон. Хотя суровая статистика свидетельствует о невозможности раскрытия всех преступлений, каждому следователю надо стремиться к этой цели, используя все силы, знания и умения.

В одном из своих ранних стихотворений выдающийся поэт Борис Пастернак писал: «Однажды Гегель ненароком и, вероятно, наугад назвал историка пророком, предсказывающим назад». И в деятельности следователя возникают трудности как ретроспективного характера, так и чисто предсказательного. Поэтому следственная профессия – очень сложная специальность, она требует исключительно высоких профессиональных качеств, основанных на постоянном поиске доказательств, разумном риске и тщательной проверке всех возможных решений.

Недавно, листая одну из забытых мною книг, я нашел в ней несколько пожелтевших страниц из своего следственного дневника, в котором когда-то делал краткие записи о наиболее интересных, с моей точки зрения, уголовных делах. Может быть, процесс их расследования будет интересен читателям и в определенной степени полезен будущим следователям, прокурорам и оперативным сотрудникам правоохранительных органов. С этой скромной надеждой я и заканчиваю изрядно затянувшееся вступление.

Чтобы немного скрасить однообразную прозу, я предлагаю вам стихотворение, написанное мной в далекие шестидесятые годы после раскрытия одного из хорошо замаскированных убийств. Несомненно, следственной деятельности присущи не только творческий поиск, но и романтика.

БУДНИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Когда печальные известия
Вдруг поступают из милиции,
С осмотра места происшествия
Я начинаю по традиции.

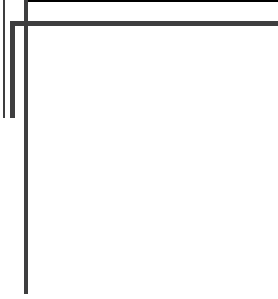
Таков уж следствия удел –
Из мрака выходить на свет,
Тебе поможет райотдел,
Как помогал десяток лет.

Но все ж надейся на себя,
На интуицию и труд.
И, оперданные любя,
Не забывай в них заглянуть.

Знай, что на каждого мосье
Есть сверхсекретное досье,
Ты покопайся в нем, дружок,
И пусть тебе поможет Бог.

Не надейся лишь на ноги,
Больше думай и смотри,
Пред тобой не три дороги,
А наверно, тридцать три.

Быстро версии построишь,
План составь и смело в бой,
А не то «уедет поезд»
И «висяк» навек с тобой.

И к концу десятых суток,
Измотавшись, как барбос,
Когда будет не до шуток,
Вдруг найдешь вещдоков воз.

Задержание и обыск,
Камера злодея ждет,
Славный уголовный розыск
Информацию дает.

Ты допрос проводишь четко,
Стал злодей совсем ручной.
Старший опер тащит водку,
Чтобы чокнуться с тобой.

Мы работали с умом,
Победили – водку пьем.
Всем спасибо, всем отбой,
Я иду к жене, домой.

Вот уже два месяца я работаю следователем в прокуратуре Железнодорожного района Свердловска. Очень стараюсь не отстать от более опытных товарищей. В сентябре отправил в суд семь уголовных дел, в октябре – восемь, но мой коллега, прекрасный и умудренный жизнью следователь с 30-летним стажем Петр Федорович Рыженко, качая седой головой, тихонько говорит с мягким украинским акцентом: «Нет, мой дорогой, ты еще не слидчий, ты еще писарчук». И тут же объясняет, что прокурор передает мне для расследования не очень сложные уголовные дела, где есть надежная информация о виновных лицах, а мне остается лишь завершить работу оперативных сотрудников и дознавателей милиции: провести очные ставки, предъявить обвинение и допросить обвиняемых, при необходимости назначить судебные экспертизы, передопросить некоторых свидетелей, выявить и допросить новых.

Таковы были процессуальный порядок и подследственность в 50-е годы XX века. В прокуратуры тогда передавали из милиции уголовные дела самых различных категорий (разбойные нападения, грабежи, кражи и др.), по которым уже проведена значительная часть первоначальных следственных действий. Поэтому я был полностью согласен с милым, но немного ехидным Петром Федоровичем и спокойно ожидал «своего часа». Этот час наступил даже раньше, чем я предполагал.

Я пришел на работу 2 ноября как всегда: без десяти девять. Еще в коридоре услышал, что в моем кабинете «надрывается» телефон. Быстро открыл дверь и схватил трубку. Звонил старший оперуполномоченный уголовного розыска Татьянников: «На твоём следственном участке в районе станции Звезда обнаружен труп неизвестного мужчины без верхней одежды с признаками насильственной смерти. За тобой через пять минут приедет машина. Будь готов». Я был готов и, выяс-

нив, что судебно-медицинский эксперт уже вызван, схватил следственный портфель и выбежал на улицу. Через несколько минут подъехал милицейский «газик», я бодро прыгнул в салон автомобиля и вместе с оперативниками помчался в давно ожидаемую и манящую неизвестность.

Место происшествия находилась в 150 метрах от станции Звезда и в нескольких шагах от насыпи железнодорожных путей. Нас ждал участковый уполномоченный, очень толковый и хорошо знающий оперативную обстановку молодой человек, с тремя пожилыми мужчинами и женщиной, которые обнаружили потерпевшего. Труп неизвестного мужчины очень крупного телосложения почти полностью лежал в ручье, разлившемся после непрерывных осенних дождей. На потерпевшем были лишь брюки и тельняшка, на земле рассыпаны мелкие монеты. Никаких внешних следов насилия при самом тщательном осмотре и предварительном медицинском обследовании обнаружить не удалось. Однако на насыпи до самого ручья отчетливо виднелся след волочения.

Действия следователя в подобной ситуации стандартны, проверены многолетней практикой. Во-первых, направляю труп в морг для судебно-медицинского исследования и вручаю эксперту постановление о производстве экспертизы для установления причин смерти, времени ее наступления, состояния опьянения, следов борьбы, наличия телесных повреждений и получения ответов на другие не менее важные вопросы; во-вторых, даю поручения сотрудникам милиции найти очевидцев происшествия, лиц, которые могли бы опознать потерпевшего, а также выяснить оперативную обстановку и с помощью негласных источников получить сведения о возможных преступниках.

После осмотра места происшествия и наружного осмотра трупа я занялся допросом четырех свидетелей, которые обнаружили потерпевшего. Ничего интересного они не сообщили, уточнив лишь время обнаружения трупа. Свидетели были вполне добропорядочными людьми, работавшими на одном

из предприятий в районе станции. Правда, один из них не очень уверенно сказал, что потерпевшего он, кажется, видел на соседней с его работой базе областного управления торговли. Я немедленно сообщил об этом оперативным сотрудникам, а сам поехал в морг, так как договорился с экспертом, что вскрывать труп будем после трех часов дня.

Экспертное исследование проводили двое очень опытных экспертов, которые после нескольких часов напряженной работы пришли к следующим выводам:

1) смерть потерпевшего наступила около девяти часов вечера 1 ноября;

2) следы борьбы (самообороны) отсутствуют;

3) незначительные телесные повреждения на теле потерпевшего являются следами волочения по твердому и частично каменистому грунту железнодорожной насыпи;

4) возраст потерпевшего около 40 лет;

5) потерпевший физически развит очень хорошо, возможно, регулярно занимался спортом или физической работой;

6) смерть потерпевшего наступила в результате сильного удара, нанесенного в переднюю часть шеи (область гортани и сосудисто-нервного пучка), что оказало резкое внешнее воздействие на блуждающий нерв и привело к нервному шоку и мгновенной механической асфиксии.

На дополнительно поставленный вопрос о том, чем был нанесен удар, они ответили: вероятнее всего, ребром ладони человека, владеющего специальными приемами.

Получив экспертное заключение, я вернулся в Железнодорожный райотдел милиции, где собрались все члены следственно-оперативной группы.

Потерпевшим оказался бригадир грузчиков базы областного управления торговли Равиль Исанаев (38 лет, женат, двое детей, характеризуется положительно, но есть один недостаток, правда, не очень мешающий его работе, – любит «закладывать за воротник»). Удалось выяснить также, что вечером 1 ноября после работы вся бригада Исанаева получила за-

работную плату и в комнате отдыха, как обычно, устроила «большой выпивон с небольшой закуской». В ходе распития водки и пива между Исанаевым и тремя грузчиками, недовольными распределением премий, произошла ссора, которая переросла в драку. Исанаев, по словам очевидцев, вырвался из рук нападавших и, успев схватить со стола недопитую бутылку водки, убежал с территории базы. «Ну что же, – решил я, – это первая вполне обоснованная версия убийства на почве ссоры, будем ее проверять... Хотя... есть и факты, свидетельствующие о разбойном нападении. Правда, возможно, Исанаева раздели и взяли у него деньги уже после убийства...»

Вторая версия была основана на оперативных данных о том, что в районе станции Звезда действует организованная преступная группа, возглавляемая ранее судимым Николаем Кирсановым, члены которой вечерами совершают нападения на пьяных, избивают их, снимают одежду, отнимают деньги, ценные вещи. В группу Кирсанова входят несколько подростков 16–17 лет. Преступная группа оперативно разрабатывается отделами уголовного розыска Железнодорожного райотдела милиции и транспортной милиции.

Обсудив полученную информацию, члены следственно-оперативной группы наметили план действий на следующий день и договорились о встрече в десять часов утра 3 ноября.

В намеченное время я пришел в райотдел милиции и, уточнив намеченный ранее план, приступил к допросу путевых обходчиков и других сотрудников станции Звезда, которые работали 1, 2 ноября. Наиболее важные показания дала путевая обходчица Валентина Филимонова. В половине восьмого вечера она совершала обычный обход и примерно в 150 метрах от станции обнаружила сильно пьяного мужчину. Филимонова попыталась оттащить пьяного от железнодорожного полотна, но не смогла. Увидев проходивших мимо двоих молодых людей, одетых в темную одежду, она попросила их помочь ей.

Точно описать приметы парней Филимонова не смогла, но заявила, что если их покажут, то узнает. Один из парней,

высокий молодой человек лет 25–28, ответил ей: «Иди, тетя, перетащим пьянчугу». Обходчица пошла дальше, а когда возвращалась на станцию, то ни парней, ни пьяного мужчины не заметила. Второй парень был значительно моложе первого и ниже ростом. На плечах они несли какие-то прямоугольные чемоданы, которые бросили прямо на землю, когда она обратилась к ним за помощью. При этом один из чемоданов, ударившись о рельсы, издал глухой металлический звук.

Полученные данные позволили выдвинуть третью весьма перспективную версию. Однако ее сложность заключалась в розыске молодых людей, ибо малочисленные приметы имели самый общий характер. Оптимальный розыскной признак – «проклятые» чемоданчики, которые они несли на своих плечах, именно на плечах, а не в руках, – не давали мне покоя. Я выдвигал и проверял различные варианты: от металлических ящиков для инструментов до украденных где-то «бабушкиных сундучков».

Примерно к середине дня 3 ноября были полностью проверены и отвергнуты версии в отношении троих грузчиков, подозревавшихся в убийстве бригадира, а также версия о возможной причастности к расследуемому убийству преступной группы Н. Кирсанова. Как выяснилось, грузчиков задержали сторожа базы и отправили в медвытрезвитель, откуда их отпустили лишь в девять часов утра 2 ноября. Что касается преступной группы Кирсанова, то все ее члены с шести часов вечера 1 ноября до семи-восьми часов утра 2 ноября находились в своих квартирах. Их алиби было установлено проведенными оперативными, в том числе негласными, мероприятиями и следственными действиями.

К этому времени появилась еще одна труднопроверяемая версия: убийство совершено человеком, владеющим самбо, карате или другим видом единоборств. Все были согласны с ней, однако к возможности ее быстрой проверки отнеслись довольно скептически. Тем не менее к проверке приступили сразу же.

В коротких перерывах между допросами и анализом оперативных данных я выходил на крыльцо райотдела, чтобы глотнуть свежего воздуха. Но даже в эти короткие минуты отдыха таинственные и не поддающиеся разгадке «чемоданчики» не выходили из головы. Автоматический перебор возможных вариантов продолжался непрерывно.

В семь часов вечера решили поужинать: включили огромный чайник, принесли батон и колбасу. Пока чайник нагревался, я вышел на крыльцо и увидел, как к райотделу милиции подъехал служебный микроавтобус. Из него двое милиционеров стали «нежно» выводить сильно пьяных «пациентов». Водитель микроавтобуса, увидев, что радиатор сильно «парит», выскочил из кабины и открыл капот. Мое сознание будто молния озарила: «чемоданчики» – это не что иное, как автомобильные радиаторы. Да, интуиция – удивительное свойство человеческого подсознания, вероятно, зародившееся у наших далеких предков задолго до современного логического мышления!

От сделанного мной открытия я едва устоял на ногах. Ворвавшись в кабинет, я закричал: «Кончай чаевничать, поехали брать злодеев!» На меня посмотрели как на сумасшедшего, а затем самый разумный из всех нас, капитан Татьянников, деловито спросил: «Кто-то стукнул?» Я быстро рассказал коллегам о новой версии и, к моему удивлению, они не только согласились с ней, но и уточнили мое предположение. Оказалось, что недалеко от станции расположена большая база вторсырья и в ночное время активные молодые люди иногда проникают на ее территорию, воруют цветной металл (он дороже) и сдают его в приемные пункты. Участковый уполномоченный тут же добавил: «Судя по направлению движения парней, они несли радиаторы к тете Клаве».

Вместе с тремя сотрудниками милиции на выделенном нам «газике» мы помчались к тете Клаве. Минут через 20 были на месте. Участковый уполномоченный уверенно вошел в частный дом, где жила приемщица вторичного сырья, я – следом. Тетя Клава в окружении большой семьи смотрела какой-то

фильм по телевизору «КВН» с линзой (по тем временам он был еще редкостью). Мы прервали семейную идиллию, а теть Клава после короткой беседы с обещанием «забыть о приёме ворованных радиаторов» рассказала, что вечером 1 ноября Петька Шевченко, которого она хорошо знала, и незнакомый высокий парень принесли ей два радиатора, которые она приняла за «десятку». Женщина повела нас во двор, где находился ее склад, и я осмотрел лежащие там радиаторы. Они были для меня уже не «проклятыми чемоданчиками», а самыми «родными» вещественными доказательствами.

Пока я быстренько составлял протоколы осмотра и выемки радиаторов, допрашивал тетю Клаву (Клавдию Елисееву), оперативники уточняли место жительства Петра Шевченко (сотовых телефонов тогда не было, а ближайший таксофон надо было еще найти). Когда я закончил оформлять протоколы, адрес подозреваемого был уже установлен и мы выехали к долгожданному «фигуранту».

Петька Шевченко, 17-летний балбес, проживал вместе с родителями в двухэтажном деревянном бараке, расположенном вблизи станции Звезда. Он нигде не работал и не учился, деньги добывал мелкими кражами. Отец и мать Петьки не удивились нашему приезду, спросили лишь о том, что же он в этот раз натворил. Дома Петьки не оказалось, он ночевал у своей девушки – буфетчицы Кати Сорокиной. Его мать сообщила нам адрес.

Отправив оперативников за подозреваемым, я приступил к обыску трехкомнатной квартиры Шевченко и почти сразу же нашел в одной из комнат, где, по словам матери, спал ее сын, новенькие ботинки 44-го размера, которые не могли принадлежать ее щупленьким мужу и сыну (по показаниям жены и дочери потерпевшего Исанаева, за два дня до его убийства они купили ему новые туфли 44-го размера). Но других предметов одежды, которые бы могли принадлежать Исанаеву, в квартире я не нашел. Обыскал дровяник и тоже безрезультатно. Вместе с понятыми забрался на чердак дома и там за

печной трубой обнаружил целый склад: рубашки, пиджаки, осенние куртки, обувь. Одежды хватило бы на пять-шесть человек. Все обнаруженное я оформил протоколом обыска и отпустил понятых.

Вскоре вернулись сотрудники милиции и привезли с собой не только Петра Шевченко, но и его возлюбленную, даму лет 30, весьма крупного телосложения. Петю привезли уже «тепленького», по дороге под плач Кати оперативники получили от него не только признание в нападении на Исанаева, но и сведения об организаторе разбойного нападения и исполнителе убийства – Архангельском Федоре Петровиче – и местах его возможного проживания. Пришлось разлучить плачущих возлюбленных и отвезти Шевченко в райотдел милиции, обязав Екатерину Сорокину явиться на допрос к девяти часам утра.

После детального допроса Шевченко нам многое стало ясно. Архангельский, дважды судимый за разбойные нападения, недавно вернулся из заключения, нигде не работал, жил то у родителей, то у знакомых женщин. Случайно познакомившись с Архангельским, несовершеннолетний Шевченко полностью попал под его влияние. Они вдвоем совершили около десяти грабежей и разбоев. Дележ происходил весьма своеобразно: почти все деньги забирал себе Архангельский, отдавая «мелочевку» и самую грязную одежду своему партнеру. Допрос я закончил уже под утро 4 ноября, поручив оперативникам выявить все зарегистрированные факты нераскрытых разбоев и грабежей, совершенных в сентябре-октябре, установить потерпевших для последующих допросов и опознаний.

Пришедшая жена потерпевшего Исанаева среди кучи одежды, изъятых в квартире и на чердаке дома Шевченко, опознала куртку, ботинки и рубашку мужа. Обыски, проведенные работниками милиции на квартире родителей Архангельского и у его знакомых женщин, не дали положительных результатов, поэтому допрос подозреваемого предстоял нелегкий. Привезли Ф. П. Архангельского – высокого крепкого мужчину. Я решил применить тактический прием психологического ожида-

ния и лишь затем допросить задержанного, создав тем самым у него впечатление о том, что мне все известно и в его показаниях я не очень-то нуждаюсь. К счастью, Архангельский допустил ошибку: он отрицал и знакомство с Шевченко, и совершение совместных с ним грабежей и разбоев, и убийство мужчины на станции Звезда, и кражу радиаторов, и сдачу их в приемный пункт вторсырья. Поэтому после довольно краткого допроса Архангельского были последовательно проведены его опознания Петром Шевченко, Клавдией Елисейевой (приемщицей вторсырья), Екатериной Сорокиной (подругой Пети Шевченко, в буфете которой друзья и сообщники неоднократно выпивали). В ходе опознаний Архангельский держался твердо и все отрицал, но после очных ставок он изменил тактику и, признав участие во всех совершенных им совместно с Петром Шевченко преступлениях, попытался переложить основную вину на младшего партнера. Впоследствии мне удалось установить, что во время прохождения службы в конвойных подразделениях МВД Архангельский изучал спецприемы самбо (самооборона без оружия) и даже участвовал в спортивных соревнованиях, так что его роль в убийстве Исанаева была совершенно очевидна. Прошлые судимости Архангельского за разбойные нападения также косвенно подтверждали этот вывод.

К концу дня я предъявил для опознания Валентине Филимоновой (путевой обходчице) обоих подозреваемых. На этот раз Архангельский уже «не ерепенился», а так же, как и Шевченко, подтвердил показания женщины.

Итак, за трое суток (2, 3 и 4 ноября) наша следственно-оперативная группа раскрыла убийство Исанаева и практически установила основные обстоятельства по нескольким разбоям и грабёжам (некоторые из них не были даже зарегистрированы). Разумеется, предстояла еще большая и нелегкая работа, но она носила уже обычный характер.

Из полученного мною за эти три дня урока я понял, что в раскрытии преступления главную роль играет версионный

метод, при этом версии выдвигаются не только эвристическим (вероятностным, поисково-информационным) способом, но и с помощью интуитивных догадок, которые ведут чаще всего к простым, но недоступным при логических рассуждениях выводам.

Интуитивное озарение, к сожалению, посещает следователей, как и других людей, крайне редко. Обычно оно возникает, когда все другие способы и средства уже исчерпаны. В этой тупиковой ситуации, после напряженной умственной работы, когда следователь уже перебрал десятки, а иногда и сотни различных вариантов и ни один из них не привел к решению проблемы, в результате сложнейших комбинаций, казалось бы, давно забытых ассоциаций и приходит интуитивная догадка.

Утром 5 ноября на оперативном совещании у прокурора района я выслушал краткую благодарность за быстрое раскрытие особо опасного преступления. Это была первая благодарность, полученная мной от нашего строгого на оценки прокурора.

В конце рабочего дня в мой кабинет зашли Петр Федорович Рыженко и помощник прокурора Борис Соснин. Они закрыли за собой дверь и из старого, необъятных размеров портфеля достали бутылку водки и несколько пирожков. «Ну, – сказал Петр Федорович, – сейчас, Леонид, ты стал настоящим следователем, за это надо выпить». Я посмотрел на часы, было без пяти шесть вечера. «Да, – философски заметил Соснин, – пять минут пройдут быстро, подождем». После шести часов мы разлили содержимое бутылки, чокнулись и закусили чуть теплыми пирожками. Еще никогда дешевые ливерные пирожки не казались мне такими вкусными. Мы втроем тихонько, чтобы не потревожить засидевшегося за своими важными бумагами прокурора района, вышли в коридор, попрощались и разошлись по домам.

Был обычный декабрьский вечер 1957 года. Я задержался в Железнодорожном райотделе милиции, где допрашивал последних свидетелей по уголовному делу о серии краж фруктов из хранилищ базы Горплодоовощторга. Меня, как это часто бывало, «поджимали» процессуальные сроки, и я спешил закончить расследование до Нового года. Мне активно помогали ребята из отдела уголовного розыска, поэтому я на несколько дней перебрался из прокуратуры в райотдел милиции.

Около десяти вечера, когда я собрался домой, в кабинете звонил телефон и дежурный по Железнодорожному райотделу скороговоркой прокричал в трубку: «Хорошо, что Вы не уехали! На улице Азина, около бараков, изнасиловали глухонемую женщину, выезжайте, автомобиль уже стоит у крыльца». Хотя это и не мой следственный участок, но изнасилования в соответствии с процессуальным законом были подследственны следователям и прокуратуре, потому я вместе с двумя оперативниками срочно выехал на место. Пробегая через комнату дежурного, я крикнул ему, чтобы он вызвал эксперта-криминалиста и судебного медика, связался по телефону с отделением милиции на «Сортировке» (моим следственным участком) и попросил обеспечить переводчика. Рядом с отделением милиции находилось правление общества глухонемых, и в милиции знали адреса многих переводчиков. (Кстати, переводчик появился в моем кабинете лишь на следующий день.)

Так называемые азинские бараки считались довольно спокойным местом. Там постоянно совершались мелкие кражонки (воровать-то особенно было нечего), совсем не мелкие грабежи и разбойные нападения и происходили пьяные драки. В центре этого тревожного микрорайона находилось грязное, обшарпанное пивное заведение, попросту «пивнушка», с романтическим названием «Голубой Дунай».

Нас встретил участковый уполномоченный, который в отличие от многих своих нынешних коллег знал все или почти все: он-то и сообщил мне, что стоящая рядом с ним, постоянно жестикулирующая женщина – Нефедова Зинаида, проживающая вместе с семьей в одном из бараков, расположенных в 50–60 метрах от места происшествия. Примерно полчаса назад неизвестный мужчина совершил на нее нападение. Рядом с потерпевшей находились также оживленно жестикулирующий ее муж, Петр Нефедов, глухонемой, двое их детей и даже несколько соседей. Дети не только хорошо говорили, но и полностью владели языком жестов глухонемых и были отличными переводчиками, особенно дочь – девочка лет пятнадцати. Она очень толково перевела мне жесты матери, сообщив, что, когда Зинаида Нефедова возвращалась домой после окончания второй смены (она работала упаковщицей на хлебомакаронной фабрике), на нее напал высокий худощавый мужчина, одетый в какую-то темную одежду. Он схватил женщину за горло и пытался затащить в пустующий полуразрушенный барак, стоящий около пивного заведения. Нефедова отчаянно сопротивлялась и, уловив удобный момент, вцепилась преступнику в щеки. В это время из «Голубого Дуная» вышли несколько сильно пьяных посетителей и, несмотря на неустойчивое состояние, поспешили (по мере своих возможностей) на помощь. Преступник отпустил женщину и скрылся в сторону улицы Челюскинцев.

Определив место происшествия и его границы, я провел тщательный следственный осмотр при свете фар трех автомобилей, нашел мужскую зимнюю шапку и три осколка от линз очков. Четких следов обуви, пригодных не только для идентификации, но и для установления их групповой принадлежности, обнаружить не удалось. Затем вместе с судебно-медицинским экспертом изъял содержимое из-под ногтей потерпевшей. Осмотр одежды Зинаиды Нефедовой особых результатов не дал: пуговицы от зимнего пальто еле-еле держались на вытянувшихся нитках, но держались, костюм и белье были в полном порядке.

В процессе освидетельствования Зинаиды Нефедовой были установлены отчетливые следы сдавливания горла руками преступника. Судебно-медицинский эксперт с учетом взаимного расположения потерпевшей и нападающего сделал вывод о том, что преступник – левша.

Пока я производил следственные действия, оперативные сотрудники провели сплошной опрос жителей ближайших барачков, который не дал положительных результатов. Инструктор-кинолог пытался проработать следы скрывшегося преступника. Однако дойдя до улицы Челюскинцев, служебно-розыскная собака потеряла след. Аккуратно упаковав шапку преступника в плотный и чистый (без посторонних запахов) пакет и собрав осколки от стекол очков в конверт, я допросил (без всякого успеха) двоих продавцов «Голубого Дуная» и вернулся в районный отдел милиции.

На следующий день я доложил прокурору района о ночном происшествии и он, несмотря на то что преступление было совершено не на моем следственном участке, поручил его расследование мне. Никакого удовольствия от этого решения я не получил, но приказ есть приказ, его нужно выполнять и как можно лучше.

Дождавшись наконец-то официального переводчика, я подробно допросил Зинаиду Нефедову и ее мужа. Потерпевшая уточнила, что возраст напавшего на нее мужчины не превышал 35–40 лет. Кроме того, она показала, что ее соседка Екатерина Липина в конце ноября также подверглась нападению двоих мужчин, которые под угрозой избиения и изнасилования отняли у нее деньги, часы «Заря» и новенькую меховую шапку. Оба преступника были вооружены ножами, действовали очень дерзко и несколько раз ударили Липину по голове, хотя потерпевшая не сопротивлялась.

Я поручил оперативным сотрудникам уголовного розыска получить в информационном центре ГУВД области сведения обо всех нераскрытых изнасилованиях (в том числе покушениях), совершенных на территории города за последние два

года, полагая, что на первом этапе расследования этого временного периода вполне достаточно. Кроме того, в письменном поручении содержалось задание об оперативной проверке лиц в возрасте 30–45 лет, ранее судимых за преступления сексуального характера и проживающих в Свердловске.

Договорившись с заведующим бюро областной судебно-медицинской экспертизы о внеочередном проведении экспертного исследования, я назначил судебно-биологическую экспертизу окрашенных кровью частиц кожи, изъятых из под ногтей потерпевшей.

Решив провести судебно-офтальмологическую экспертизу, чтобы максимально использовать научные возможности, я направил ведущему окулисту города осколки линз от очков преступника и в тот же день получил ответ: у подозреваемого сильная близорукость.

Поисковые действия милиции во многом зависят от точного и подробного словесного портрета преступника, поэтому к его описанию, кроме примерного роста, возраста подозреваемого, его худощавой комплекции, я добавил: исцарапанное лицо (на первые 5–6 дней поиска), сильную близорукость (носит очки) и указание о том, что нападавший, вероятно, левша.

В последующие два дня я допросил несколько потерпевших по нераскрытым ранее аналогичным преступлениям, но ничего полезного не узнал, поскольку нападавшие на них преступники явно не походили на «нашего» подозреваемого ни по признакам внешности, ни по возрасту, ни по способу совершения криминальных деяний.

Приближался новый 1958 год, все следователи нашей прокуратуры составляли декабрьские отчеты о работе. 29 декабря я также засел за свой отчет. Всего за этот месяц я закончил расследование по девяти уголовным делам, по шести из них предварительное следствие вел от возбуждения дела до его направления в суд, а по трем производствам, направленным в прокуратуру из милиции, завершал расследование в соответствии с действовавшими на тот период процессуальными

нормами. Настроение было хорошее, оставалось всего два дела с минимальными сроками предварительного следствия.

В это время зазвонил телефон, и радостный голос оперуполномоченного Александра Слюсаря ошеломил меня: «Я его нашел! Задержал и почти расколол!» Я сразу же понял, что он имеет в виду преступника, напавшего на Зинаиду Нефедову, и поэтому, не спрашивая его ни о чем, ответил, что буду в райотделе через 15–20 минут.

Александр Слюсарь слыл увлекающимся человеком. Он любил свою работу, но нередко пренебрегал строгими нормами процессуального закона и излишне доверял агентурным данным. Однако работать с ним было интересно, поскольку он не делал особых тайн не только из результатов, но и из самого процесса негласной деятельности. Он встретил меня на крыльце райотдела милиции и сразу же начал рассказывать об обстоятельствах задержания подозреваемого. «Понимаешь, – скороговоркой и отрывочно объяснял Слюсарь, – я встретил его на улице Свердлова, он был без шапки, лицо сильно исцарапано и по вертикали, и по горизонтали. Увидев, что я подхожу к нему, мужчина попытался перебежать дорогу – почувствовал „мента“, но я задержал его и, несмотря на явное нежелание, доставил в райотдел. Затем я поместил задержанного в камеру предварительного заключения, где он уже три часа находится с лучшим моим информатором. Полчаса назад я „выдернул“ агента, якобы на допрос к следователю, и он сообщил мне, что задержанный Сергей Коптелов совершил серьезное преступление, очень боится и удивляется, как это мент „вычислил“ его и задержал». Выслушав взволнованный рассказ Слюсаря, я посмотрел документы задержанного и засомневался в версии оперативного работника: Коптелову было 22 года, тогда как потерпевшая определила возраст преступника в 35–40 лет. Но исцарапанное лицо, худощавое телосложение и отсутствие шапки (тогда молодые люди не пренебрегали головными уборами в зимнее время), а главное – нервозность подозреваемого и агентурное сообщение

о серьезном преступлении, совершенном Коптеловым, заставили меня более внимательно отнестись к оперативной версии.

«Саша, – сказал я оперуполномоченному, – веди злодея в кабинет и на всякий случай надень на него „браслетики“ (наручники) для психологического воздействия». Через несколько минут Александр Слюсарь ввел в кабинет задержанного – высокого, худощавого, сильно исцарапанного молодого парня в наручниках. «Ну, присаживайтесь, – медленно произнес я, – кто же это Вас так красиво отделал и где шапка?» Коптелов с надеждой посмотрел на меня и быстро ответил: «Я ни на кого не нападаю, напали на меня, исцарапали и выгнали из дома две моих приятельницы. Но вначале они подрались друг с другом из-за меня и лишь затем, объединившись, вытолкали из квартиры, шапку я где-то потерял. Проживаю я в Первоуральске, нигде не работаю, недавно освобожден из Нижне-Тагильской колонии, где я отбывал наказание за квартирную кражу. Жил у своей подруги Веры Сергеевой, а иногда ходил „в гости“ к другой знакомой – Клаве Поповой. Обе женщины жили в одном доме по улице Луначарского, работали продавцами в магазине „Молоко“. Узнав о моей „двойной“ жизни, они вначале поссорились друг с другом, а затем обе набросились на меня».

Кроме того, Коптелов сообщил, что в ночь с 25 на 26 декабря (время нападения на Зинаиду Нефедову) он находился у своих родителей в Первоуральске. У них он взял 200 рублей и утром 26 декабря вернулся к Вере. Судебно-медицинский эксперт, которого я вызвал для исследования повреждений у задержанного, определил время их получения и характер: царапины на лице Коптелова причинены менее чем сутки назад, вероятно, ногтями человека.

Освидетельствование Коптелова врачом-окулистом не выявило у подозреваемого ни близорукости, ни дальнозоркости и вообще никаких дефектов зрения. Не был Коптелов и левшой.

Я поручил Саше Слюсарю допросить ревнивых подружек Веру и Клаву обо всех обстоятельствах драки с Коптеловым,

а также допросить в Первоуральске родителей и соседей Коптелова о его пребывании в этом городе 25 и 26 декабря, но энергичный оперативник попросил, чтобы задание выполнили его коллеги, а сам предложил мне провести достаточно редкое в то время одорологическое мероприятие: использовать служебно-розыскную собаку и по запаху изъятой на месте происшествия зимней шапки исключить участие Коптелова в покушении на изнасилование. Хотя непричастность парня к расследуемому преступлению для меня была очевидна, я согласился. При этом вспомнил замечательный рассказ Михаила Зощенко «Собачий нюх», в котором с большим юмором описаны почти фантастические способности служебно-розыскной собаки, легко раскрывающей различные преступления и проступки.

Конечно, наиболее сильным доводом в пользу предложения А. Слюсаря было сильное волнение Коптелова и категорическое утверждение информатора о серьезном преступлении, совершенном задержанным.

Взвесив все обстоятельства, я предположил, что Коптелов совершил какое-то другое преступление, а не нападение на Зинаиду Нефедову, которое, разумеется, необходимо раскрыть, составил подробный план производства одорологической выборки, повысив ее эффективность некоторыми тактическими приемами и обеспечив последующее развитие достигнутых результатов.

К счастью, я не допрашивал Коптелова об основаниях и обстоятельствах его задержания, не говорил ему о покушении на изнасилование Зинаиды Нефедовой, а проводил весьма осторожный, чисто разведывательный допрос, интересуясь в основном царапинами на лице, потерянной шапкой и нахождением в ночь с 25 на 26 декабря («время икс»). Это и обусловило успех одорологического мероприятия.

Мы договорились, что приедет инструктор-кинолог с лучшей служебно-розыскной собакой, с помощью которой были раскрыты десятки серьезных преступлений. Я решил не показывать подозреваемому шапку, найденную на месте проис-

шествия, так как она, по его же описанию, совершенно не походила на потерянный Коптеловым головной убор. Об этом я предупредил кинолога, и мы не стали вынимать шапку из бумажного пакета, где она находилась, а лишь приоткрыли его. Конечно, планируемое мероприятие было во многом авантюрным и логически не обоснованным, однако успех превзошел все ожидания...

Одородологическая выборка проводилась в быстром темпе, чтобы усилить психологическое воздействие на подозреваемого и не дать ему опомниться в случае положительного результата. Вначале собака совершила контрольную ходку, обнюхав четырех задержанных за мелкое хулиганство и Коптелова. Затем собака-медалистка понюхала злополучную шапку и, спокойно пройдя мимо предъявленных вместе с подозреваемым лиц, активно обляяла Коптелова и попыталась даже прыгнуть на него. Коптелов чуть ли не встал на колени и закричал: «Уберите пса, уберите... Я вам все расскажу и все покажу!» Все оперативники, присутствовавшие при этом, в том числе Александр Слюсарь, с трудом скрывали удивление. Я тоже не был исключением, но сдержал эмоции и, быстро оформив протокол, приступил к допросу Коптелова.

Я попытался создать у него впечатление полной осведомленности о преступлении, за которое его задержали, для чего не задавал конкретных вопросов, поскольку о том криминальном деянии я ничего не знал, а ограничился лишь самыми общими намеками. Решив, что «следствию все известно», Коптелов тяжело вздохнул и объяснил, что он вместе со своим приятелем Николаем Осинцевым, проживающим в Первоуральске по соседству с его родителями, в ночь с 25 на 26 декабря в магазине «Время» совершил кражу наручных и небольших настольных часов. Они проникли в магазин, взломав запоры дверей служебного входа, которые не были оборудованы охранной сигнализацией. Преступники не заходили в торговый зал, поскольку после окончания работы директор магазина включал сигнализацию и сдавал магазин под контроль отделу вневедомствен-

ной охраны. Обо всех этих особенностях был осведомлен Николай Осинцев, который ранее работал экспедитором в этом магазине.

Сорок наручных часов Коптелов взял для продажи в Свердловске, остальную добычу он оставил в квартире сообщника и утром вернулся к своей приятельнице Вере Сергеевой. Украденные часы он спрятал в гараже другой своей подруги – Клавы Поповой. Вместе с оперативниками и задержанным я немедленно выехал к месту хранения часов и в присутствии владелицы гаража обнаружил под грудой различных вещей хозяйственную сумку, в которой и находилось украденное. Остальное, как говорится, было «делом техники» и не представляло почти никакой сложности. В Первоуральске задержали Николая Осинцева, при обыске у него в квартире изъяли 25 настольных и 15 наручных часов. Он сразу же подробно рассказал о совершенной совместно с Коптеловым краже. На следующий день уголовное дело передали в прокуратуру Первоуральска для дальнейшего расследования.

Несколько раз я спрашивал у Александра Слюсаря, каким образом служебно-розыскная собака прореагировала на запахах шапки, не принадлежавшей Коптелову, но оперуполномоченный упорно уходил от ответа. Так я и не разгадал эту загадку.

Уголовное дело о нападении на Зинаиду Нефедову я расследовал несколько месяцев. Было проведено много процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, но установить преступника длительное время не удавалось. Следует отметить, что в ходе интенсивной работы нам удалось раскрыть ранее приостановленное за неустановлением виновных лиц уголовное дело об изнасиловании потерпевшей Н. и привлечь к уголовной ответственности двух напавших на нее преступников.

В феврале 1958 года следственно-оперативная группа раскрыла серьезное преступление – разбойное нападение на Екатерину Липину (соседку Нефедовой).

Прошло несколько месяцев. В апреле 1958 г. Зинаида Нефедова и ее муж Петр зашли в гастроном № 5, расположенный на углу улиц Ленина и Толмачева. Подойдя к отделу «Молочные продукты», потерпевшая увидела стоящего в стороне мужчину и мгновенно опознала в нем напавшего на нее преступника. Она быстро сообщила об этом специальными знаками языка глухонемых своему мужу. Он, не раздумывая, схватил с прилавка бутылку молока и с силой ударил человека по голове. Тот закричал и рухнул на пол. К участникам непонятного для окружающих инцидента бросились люди, находившиеся в гастрономе, в том числе двое работников милиции. Кто-то держал за руки Петра Нефедова, кто-то поднимал окровавленного, но быстро пришедшего в себя неизвестного мужчину, кто-то вызывал бригаду «скорой помощи», а Зинаида Нефедова довольно откровенными жестами очень убедительно объясняла всем любопытным, за что ее муж ударил мужчину, что этот человек пытался совершить, и просила немедленно доставить его в отдел милиции.

К удивлению, окружающие сразу же поверили супругам Нефедовым и, несмотря на возражения и ругань мужчины, доставили его в Кировский районный отдел милиции, а оттуда уже официально передали в наш Железнодорожный райотдел. Мы немедленно установили его личность – Мельков Николай Павлович, преподаватель одного из техникумов города, ранее не судим, проживает один в двухкомнатной квартире. Мелькова задержали на основании показаний потерпевшей и результатов его довольно эффективного опознания.

На следующий день я допросил подозреваемого, который, конечно, не признал вину и вел себя очень агрессивно. Затем я провел обыск в его квартире и в ящике письменного стола обнаружил важнейшие вещественные доказательства: погнутую оправу очков и несколько еле-еле державшихся в ней разбитых осколков линз. Зачем Мельков сохранил эти ненужные предметы, он объяснить не смог.

После проведения судебно-офтальмологической и трасологической экспертиз удалось идентифицировать вещественные доказательства, обнаруженные на месте происшествия и изъятые во время обыска на квартире подозреваемого, а результаты биологической экспертизы подтвердили, что группа крови подозреваемого и группа крови частиц кожи, изъятых из-под ногтей Нефедовой, совпадают. Лишь после этого Мельков признал вину. Проведя еще несколько следственных действий, я завершил расследование. После утверждения прокурором обвинительного заключения уголовное дело было направлено в суд.

Однако тайна необъяснимого опознания по запаху человека, который не имел никакого отношения к нападению на Зинаиду Нефедову и, разумеется, к зимней шапке, изъятая во время осмотра места происшествия, так и осталась тайной. Конечно, предположения у меня были, и довольно обоснованные, но я их оставлю при себе: должно же в любом детективе оставаться немного интриги.

СТРАНИЦА ТРЕТЬЯ
«ДО ЧЕГО ЖЕ СОБЛАЗНИТЕЛЬНЫ
ЭТИ ЯБЛОКИ»

Осенью 1958 года на базе № 1 Свердловплодоовощторга были совершены две крупные кражи импортных яблок и апельсинов. Преступники вывезли на автомашинах несколько тонн этой вкусной продукции. В первый раз я не участвовал в осмотре места происшествия, но, когда через неделю стало известно о новом преступлении, прокурор приказал мне взять это дело к производству, тем более что кражи произошли на моем следственном участке.

Выделить следы протекторов автомобилей преступников оказалось практически невозможно, поскольку ежедневно по территории базы в разных направлениях «сновали» сотни автомашин. Поэтому основное внимание во время осмотра я уделил хранилищу, из которого были похищены фрукты. Поиск следов взлома запоров положительных результатов не дал. Но если не отчаиваться и работать с твердой уверенностью в успехе, то в конце концов обязательно придет удача. В нашем случае она действительно пришла.

Преступники взламывали запоры и двери хранилища, используя ломик, закрепленные на противопожарных щитах. На самих ломиках, брошенных ворами в грязь, никаких следов не было, но на одном из щитов удалось обнаружить сохранившийся список лопат, топоров и других необходимых средств тушения пожара. На этом листе достаточно отчетливо были видны свежие следы пальцев рук. «Неужели повезло? – подумал я. – Наверно, повезло, ведь к этому щиту никто не подходил несколько месяцев и ни к чему не прикасался, а следы-то свежие».

Вместе с экспертом-криминалистом в присутствии понятых я осторожно изъяс этот драгоценный листок и отправил его для проведения дактилоскопической экспертизы. Через

несколько дней пришло заключение эксперта: следы оставлены неким Шотлановым Петром Сергеевичем, ранее трижды судимым за крупные кражи.

Шотланов – очень редкая фамилия, тем более что имелись и другие данные. Поэтому мы без труда установили места его работы и жительства. С помощью оперативных служб быстро выявили интересующие следствие связи Шотланова, в частности с директором магазина Агафоновым, через которого и сбывались похищенные фрукты. После этого был разработан план дальнейших следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, в том числе задержания Шотланова – главаря воровской шайки. Его решили задержать в первую очередь.

Шотланов работал сварщиком на строительстве жиркомбината, был прописан в общежитии строительной организации, но фактически проживал у любовницы. Вместе с двумя сотрудниками уголовного розыска я приехал на строящийся комбинат, через начальника отдела кадров уточнил, на каком объекте работает подозреваемый. Пришлось забраться на самый верх здания по шатким лестницам. Шотланов оказался крепким, подтянутым мужчиной. Чувствовалось, что в бригаде он пользуется авторитетом. Я представился судебным исполнителем и попросил его объяснить причины задолженности по алиментам на ребенка. Он ответил, что в ближайшее время задолженность будет погашена, и согласился вместе со мной пройти в бухгалтерию. Когда мы спускались по качающимся лестницам, он как-то странно посматривал на меня. Внизу, на первом этаже, нас ждали оперативные работники. Увидев их, Шотланов побледнел и, глядя на меня, произнес: «Жаль... надо было подтолкнуть тебя на лестнице... Почему-то я был не уверен, что ты мент, этих-то сразу видно, хоть они и в штатском...» Мы надели на него наручники и отвезли в райотдел милиции.

Остальных подозреваемых задержали почти одновременно и изолировали друг от друга, что позволило быстро получить

от них правдивые показания, установить и доказать серию ранее не раскрытых краж, совершенных шайкой не только со складов горплодоовощторга, но и из различных магазинов города, а также сбыт похищенного через универсальный магазин, где директором был В. Н. Агафонов. Удалось выявить и сбытчиков похищенного. В ходе многочисленных обысков обнаружили часть краденых вещей, деньги, другие ценности. Глава шайки Шотланов и директор магазина Агафонов длительное время не признавали себя виновными, однако под давлением обличительных показаний сообщников на очных ставках и после предъявления обнаруженных на квартире любовницы Шотланова и в самом магазине многочисленных вещественных доказательств постепенно начали сдавать свои позиции.

Вскоре уголовное дело было направлено в суд.

Я написал о данном событии не потому, что дело какое-то исключительное, выделяется из общего числа уголовных дел. Оно интересно в другом отношении: казалось бы, случайное обнаружение на листе бумаги, приклеенном на противопожарном щите, следов пальцев левой руки преступника привело к раскрытию серии серьезных преступлений. Разумеется, случай имеет определенное значение в деятельности следователя. Случаи бывают как негативные, так и позитивные. Поэтому случайные события (а случай – проявление необходимости) надо всегда «превращать» в союзника, но сделать это, конечно, нелегко. В описанном эпизоде следователь просто смоделировал действия преступников, в том числе до взлома дверей в хранилище, и выдвинул поисковую версию о возможном оставлении следов на противопожарном щите, хотя он и находился в 60–70 метрах от места преступления. Вот почему нельзя рассматривать обнаружение следов как случай, это просто четкое выполнение правил криминалистики о выдвижении всех фактически возможных поисковых версий и их тщательная проверка в ходе осмотра места происшествия.

Разумеется, к четкому выполнению всех криминалистических правил следует добавить поисковую направленность следственных и оперативно-розыскных действий и хотя бы немного творчества (конечно, лучше, если бы этого творчества было побольше).

Заканчивая этот короткий, но поучительный рассказ, я вспомнил одну деталь. После допроса Шотланова в качестве обвиняемого, когда он вынужден был признать свою вину, в кабинет, где я работал, сотрудники милиции внесли несколько ящичков только что изъятых красивых, крупных импортных, кажется венгерских, яблок. Увидев привлекательные фрукты, Шотланов попросил одного из милиционеров угостить его, тот протянул ему самый крупный плод. Обвиняемый взял этот фрукт и глубокомысленно произнес: «До чего же соблазнительны эти яблоки!» Я вспомнил библейский рассказ о нашей прародительнице Еве, протянувшей Адаму яблоко познания, и о яблоке, подаренном Парисом (сыном царя Трои) прекрасной Елене, и вынужден был согласиться с этим эмоциональным высказыванием.

СТРАНИЦА ЧЕТВЕРТАЯ
«НЕТРАДИЦИОННАЯ ПРОФИЛАКТИКА»

Летом 1958 года в трамваях, движущихся по улицам Толмачева и Свердлова (тогда там были проложены рельсы), с завидной регулярностью – один раз в неделю – совершались крупные карманные кражи. Специальные бригады милиции, работавшие по карманникам, несмотря на все прилагаемые усилия, не могли поймать преступника. Стало ясно, что работает «профессионал». Видимо, причина неудачных поисков крылась в том, что преступник знал свердловских оперативников. Жалобы потерпевших в конце концов дошли до высокого милицейского начальства. Было принято решение, что на этом «заколдованном» маршруте будут действовать две бригады оперативников из Нижнего Тагила.

Несколько дней напряженной работы не дали положительных результатов. Но затем пришел долгожданный успех: в момент совершения карманной кражи у приехавшего из Иркутска мужчины задержали ранее судимого, нигде не работающего 18-летнего Игоря Сидорова. Во время обыска у него изъяли две остро заточенные монеты и украденные из разрезанного бокового кармана пиджака потерпевшего деньги.

Когда тонкий томик уголовного дела Сидорова оказался у меня на столе, за его бесстрастными листами вырисовалась настоящая трагедия молодого человека.

Отец Игоря погиб на фронте в 1943 года, на руках у матери осталось трое детей: Игорь и две его сестры. Жили они очень трудно, и мальчишка был предоставлен самому себе. В 13 лет Сидоров вместе с группой 17–18-летних парней был арестован за квартирные кражи. Преступные деяния полубеспризорного мальчика состояли в том, что он через открытые форточки проникал в отсутствие хозяев в квартиры первого и второго этажей, открывал замки, впускал старших сообщников, а сам быстро уходил с места совершения преступле-

ния. Главарь шайки позднее «выделял» Игорю 15–20 рублей, которые он тратил на еду и посещение кинотеатров.

В колонии для несовершеннолетних, куда его отправили по приговору суда, Игорь отлично учился в школе, но, попав под влияние «авторитетов», приобрел преступную квалификацию карманника, значительно превзойдя в преступном мастерстве своих учителей.

В 15 лет он вышел на свободу, а через несколько месяцев его вновь арестовали за совершение карманных краж в магазинах города. Приговор оказался более суровым: три года лишения свободы и вновь колония для несовершеннолетних. Опять школа и большое увлечение шахматами. Школу он окончил на одни «пятерки», разумеется, кроме поведения. «Золотую» медаль не получил, хотя вплоть до освобождения из колонии вел безуспешную переписку с Министерством образования РСФСР.

Вернувшись в Свердловск, Игорь попытался поступить на работу (в колонии он приобрел специальность слесаря-сборщика), однако устроиться никуда не сумел, видимо, кадровики настроенно отнеслись к двум его судимостям.

В этот раз вместе с Сидоровым задержали 17-летнюю выпускницу 10-го класса Валентину Пелевину. Во время совершения карманной кражи она ловко прикрывала действия своего приятеля от окружающих, поднимая в нужный момент на необходимую высоту большую хозяйственную сумку. На допросах в милиции и Игорь, и Валентина отрицали участие девушки в совершении краж.

Первый допрос Игоря Сидорова я провел в Железнодорожном райотделе милиции, куда его доставили. Перед допросом я часа три беседовал с подозреваемым. Он оказался весьма интересным собеседником: прекрасная грамотная речь, неплохое знание школьной литературы, любовь к шахматам, отличное понимание дебютных шахматных разработок оставляли хорошее впечатление, а его стремление взять всю вину на себя, чтобы спасти от уголовной ответственности любимую

девушку, несмотря на наши различные позиции в этой конфликтной ситуации, вызывало определенное уважение.

После предъявления обвинения и допроса я опять вернулся к разговору с Игорем Сидоровым «за жизнь». Молодой человек вызывал у меня неподдельный интерес и даже некоторое сочувствие. Несомненно, тяжелое и полуголодное детство было одной из основных причин его криминального поведения. Игорь рассказал, как старшие ребята постепенно втянули его в совершение квартирных краж, расплачиваясь с ним «мелочевкой», а после провала и задержания не только выдали его, но и пытались переложить на него часть своей вины. Во время доверительной беседы Сидоров выразил сожаление о том, что жизнь у него сложилась так неудачно, что по малолетству он поверил в романтику и притягательность воровской дружбы. Я попытался сделать все, чтобы усилить возникшие у него сомнения в правильности сделанного им когда-то выбора, и, по-моему, мне это удалось.

Затем я осторожно сделал второй шаг, с пониманием и сочувствием заговорил о тяжелом будущем его возлюбленной Вали, вина самого Сидорова, втянувшего девушку в преступную среду, и о его мужском долге облегчить ее участь. И вдруг во время этого разговора Игорь как-то по-детски расплакался и прерывающимся от волнения голосом начал рассказывать, что они с Валею договорились совершить несколько карманных краж для того, чтобы собрать деньги на свадьбу и свадебное путешествие, а после этого твердо решили «завязать» и жить честной жизнью. Всего, добавил обвиняемый, в результате восьми карманных краж они «набрали» около 5000 рублей, которые решили истратить на ремонт Валиной однокомнатной квартиры, покупку мебели и свадебное путешествие. Игорь добавил, всхлипывая и утирая слезы, что через два дня они должны были зарегистрироваться в загсе и сразу же уехать на юг. Билеты на поезд уже купили, истратив на это около 100 рублей из наворованных денег.

Отправив Игоря Сидорова в камеру, я допросил несовершеннолетнюю Валю Пелевину в присутствии педагога. Она полностью подтвердила показания Сидорова, уточнив место, куда они спрятали деньги. После допроса я вместе с оперативниками отвез Валю на ее квартиру. Там она выдала 4850 рублей, пояснив, что около 100 рублей они истратили на железнодорожные билеты. Я изъясил и билеты и убедился в том, что через два дня Валя и Игорь собирались ехать в Сочи.

Забегая вперед, хочу сказать, что всем потерпевшим от карманных краж после окончания расследования нанесенный ущерб полностью возместили.

Через несколько дней следствие по обвинению Сидорова и Пелевиной было завершено. Самым трудным на этом этапе расследования оказался вопрос об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого Сидорова. Несмотря на его прежние судимости и преступную активность, обвиняемый вызывал сочувствие и тревогу за его судьбу. Я предложил прокурору района рискнуть и избрать в качестве меры пресечения подписку о невыезде. Наш прокурор Андрей Панкратьевич Отрожек – человек строгий, организованный и свято соблюдавший все требования закона, – лично допросил Сидорова, выясняя главным образом не обстоятельства совершенных им преступлений, а условия всей его короткой жизни. Особенно подробно он расспрашивал его о первой судимости и об учебе на «отлично» в школе при колонии для несовершеннолетних.

После допроса и беседы с Игорем Сидоровым прокурор сказал мне, что он подумает и посоветуется с руководством областной прокуратуры. На следующий день Отрожек вызвал меня и сказал, что «можно рискнуть, так как из Москвы веет либеральный ветерок». В суде он пообещал выступить лично.

Я провел с Сидоровым и Пелевиной длительную «душещипательную» беседу и избрал в отношении обоих подписку о невыезде. Через несколько дней мне удалось устроить Сидорова на один из заводов нашего района слесарем-сборщиком.

Прокурор района выполнил свое обещание: сам поддерживал обвинение в суде и просил не лишать обвиняемых свободы. Суд удовлетворил его просьбу.

Через несколько месяцев я перешел на работу в областную прокуратуру и потерял Сидорова и Пелевину из виду. Прошло несколько лет. Летом 1962 года на заводе, расположенном на территории Железнодорожного района, произошло серьезное нарушение правил безопасности при ведении строительных работ, в результате которого погибли два человека и еще один был тяжело ранен. Поскольку расследование подобных уголовных дел входило в подследственность прокуратуры, начальник следственного отдела С. П. Лукин срочно отправил меня для проведения осмотра места происшествия. Взяв с собой следственный портфель, я позвонил судебно-медицинскому эксперту, чтобы тот немедленно выехал на завод, а сам связался с руководством предприятия и попросил подготовить понятых.

Когда я подъехал к проходной завода, меня встретил начальник отдела кадров и повел к месту происшествия. Мы шли по заводской Аллее Славы. По обе стороны были установлены портреты передовиков труда. Я на ходу, думая о предстоящем следственном осмотре, мельком посматривал на лица ветеранов и молодых рабочих. Вдруг одно из них показалось мне знакомым. Я внимательно взгляделся и остановился как вкопанный. Да, это был портрет моего старого знакомого. Я подошел поближе и с удовольствием прочитал: «Игорь Викторович Сидоров – бригадир бригады коммунистического труда, лучший слесарь-сборщик завода». Начальник отдела кадров с удивлением посмотрел на меня, а затем спросил: «Вы знаете Сидорова? Замечательный парень, прекрасный работник и хороший руководитель, в бригаде у него полный порядок и жесткая дисциплина. Он один из лучших наших рационализаторов». Я не стал спрашивать начальника отдела кадров о семье передовика, потому что не сомневался, у него и там полный порядок.

Когда напряженно работаешь по сложному уголовному делу и в конце концов успешно расследуешь его, преодолевая многочисленные препятствия, тебя охватывает ни с чем не сравнимое чувство победителя. Именно такие эмоции захлестнули меня, когда я увидел портрет Игоря Сидорова и услышал его замечательную характеристику из уст строгого начальника отдела кадров. Я ощутил себя победителем вдвойне, человеком, выполнившим самую важную задачу: я вернул оступившегося паренька в общество, в хороший трудовой коллектив, где он обрел уважение товарищей и радость честного труда.

СТРАНИЦА ПЯТАЯ
«СОВСЕМ НЕ СКУЧНАЯ РАБОТА»

В сентябре 1958 года я вернулся из отпуска и прокурор района сразу же загрузил меня целой кучей уголовных дел. Я разложил эту «кучу» по полочкам своего сейфа, а затем, определив очередность (прежде всего «арестантские» дела), начал их изучать. Я всегда придерживался «железного правила»: материалы каждого уголовного дела необходимо анализировать тщательно и всесторонне, не жалея времени, выявляя и используя малейшую деталь, каждую «мелочь», которые затем очень часто становятся решающими доказательствами. В ходе подобного исследования, как правило, создается надежная информационная база для выдвижения перспективных следственных версий и планирования. Разумеется, времени на все это уходит немало, но в процессе расследования временные издержки окупаются сторицей.

Так и на этот раз я почти двое суток изучал шесть переданных мне уголовных дел, выдвигал всевозможные версии в ситуациях расследования, характеризующихся информационной неопределенностью, а потом составлял планы предстоящей деятельности. К счастью, все уголовные дела поступили из милиции в достаточно хорошем состоянии (что бывало не так уж часто) и не представлялись особо сложными для расследования, да и по объему они были сравнительно небольшими. Поэтому в течение двух недель я выполнил почти все необходимые процессуальные действия и по некоторым из них приступил к ознакомлению обвиняемых и их адвокатов с материалами уголовных дел.

Расследование всех преступлений шло без сбоев и серьезных конфликтов, небольшие трудности преодолевались относительно быстро, а оперативное сопровождение следственных действий не вызывало нареканий. Как и большинство следователей, я был немного суеверен (хотя и скрывал это),

поэтому, несмотря на успешное расследование и быстрое приближение к конечной цели, всегда ожидал какого-нибудь нежелательного подарка от нашей следственной судьбы в виде сложнейшего, с многочисленными проблемами и тупиками, уголовного дела.

Предчувствие меня не обмануло. В конце третьей недели после выхода из отпуска, когда летний загар уже начал сходиться, в мой кабинет заглянула помощник прокурора Наталья Владимировна Зубкова и, как-то хитро улыбнувшись, пригласила меня к шефу – Андрею Панкратьевичу Отрожекко. Мы вдвоем зашли в кабинет прокурора района. Он, поздоровавшись, как всегда кратко произнес: «Наталья Владимировна провела проверку ресторана „Экспресс“ и выявила на складе большую недостачу, причину которой, время возникновения и окончательный объем установить не удалось. Зубкова введет Вас в курс дела. Надо разобраться во всем, видимо, придется возбудить уголовное дело».

После этой лаконичной тирады мы покинули кабинет нашего молчаливого шефа, и Зубкова, уже не улыбаясь, передала мне пухлую папку с документами проверки и сочувственно пожелала успехов. Она добавила, что дело очень трудное, заведующая складом ресторана – «тертая штучка», ничего не объясняет и все отрицает, никакой оперативной работы по материалам проверки не проводилось, зато проверка началась внезапно, через два месяца после плановой инвентаризации, по очень обоснованному анонимному письму. «Так что трудись и дерзай, но недостача совершенно непонятная и дело будет очень скучное», – в заключение нашей краткой беседы добавила Зубкова.

После этого дружеского напутствия я засел за исследование многочисленных справок, объяснений, копий документов и актов инвентаризации. Пришлось потратить на изучение содержимого этой пухлой папки, анализ и проверку всевозможных стыковок и нестыковок, сопоставлений и подсчетов более суток, после чего удалось установить, что проверка не

разрешила ряд серьезных загадок. Во-первых, сумма недостачи (около 50 000 рублей) по тем временам была огромной и не соответствовала оборотам материальных ценностей по складу ресторана. Во-вторых, образовалась она за небольшой срок – немногим более месяца. В-третьих, ранее у заведующей складом Клавдии Вакулевиной никогда не было даже незначительных недостач. В-четвертых, внеплановая проверка прокуратуры проводилась по весьма убедительному анонимному письму «доброжелателя», хорошо знакомого с обстановкой в ресторане.

Исследуя материалы проверки, я обратил внимание на то, что обе инвентаризации (вторая проводилась по требованию Вакулевиной) пришли к одинаковым выводам. Почему же она потребовала проведения второй инвентаризации спустя четыре дня после окончания первой? Первая версия состояла в том, что Вакулевина приняла несколько бестоварных приходных накладных от пока еще неизвестного поставщика и рассчитывала либо на выписку и возврат расходных накладных на эту же сумму, чтобы затем, ссылаясь на забывчивость или другие надуманные причины, предъявить их ревизорам. Вторая, менее вероятная, версия строилась на том, что недостача носила длительный, постоянно нарастающий характер и умело скрывалась опытной заведующей складом. По этим двум основным версиям я и решил проводить расследование.

Возбудив уголовное дело, сразу же столкнулся с серьезным препятствием: бухгалтерская ревизия, проведенная по результатам инвентаризации, оказалась совершенно негодной, не установлены группы товаров, по которым возникла огромная недостача, а время ее возникновения не было максимально сужено. Имелись и другие, менее значимые, недостатки. Конечно, можно было бы назначить вторую, более квалифицированную ревизию, но это значительно увеличивало сроки предварительного следствия и могло привести к негативным результатам. Чтобы не допустить волокиты по делу, я избрал другой вариант – назначить судебно-бухгалтерскую экспер-

тизу на информационной базе уже проведенных инвентаризаций и ревизий. С большим трудом удалось договориться с руководителем бюро судебно-бухгалтерских экспертиз, и мне выделили опытнейшего и умнейшего эксперта А. Утробина, а также молодого, но очень перспективного эксперта Н. Шишканова. Это было большой удачей, так как «заполучить» сразу даже не одного, а двух специалистов высочайшего уровня представлялось для следователя районного звена почти фантастикой.

Я в тот же день встретился с экспертами, отдал им постановление о производстве судебно-бухгалтерской экспертизы, уточнил задание и обещал в течение двух дней передать все необходимые официальные документы, а также обнаружить и неофициальные, обычно имеющие не меньшее, а значительно большее доказательственное значение.

Обеспечив себе экспертную поддержку, я вручил начальнику Железнодорожного райотдела милиции письменное следственное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении заведующей складом К. С. Вакулевиной и связанных с ней лиц, прежде всего основных поставщиков товарной продукции с базы треста ресторанов и кафе. Уточнив с оперативными сотрудниками ОБХСС (отдел борьбы с хищениями социалистической собственности) детали следственного поручения и получив заверения в поддержке, я в состоянии сдержанного оптимизма направился к расположенному по соседству с райотделом милиции зданию ресторана «Экспресс» и засел в бухгалтерии на несколько часов. Я изъясил все необходимые основные бухгалтерские и вспомогательные документы (транспортные, внутриресторанные: отпуск продукции в буфеты, внешние киоски и ларьки, производство и т. д.). Кроме того, собрал бумаги на возврат продукции со склада и на ее списание в результате порчи или боя. Все это я самым внимательным образом осмотрел и на следующий день передал некоторые из них экспертам-бухгалтерам.

К. С. Вакулевина была отстранена от работы заведующей складом ресторана, а склад опечатан (все товары получала новая заведующая, а вновь организованному складу выделили другое помещение). Я провел обыск на прежнем складе и в конторке Вакулевиной обнаружил несколько разорванных приходных накладных и какие-то пока непонятные черновые записки. Перелистывая амбарные (складские) книги, которые вела сама Вакулевина для внутреннего учета движения материальных ценностей, я увидел прикрепленную простой канцелярской скрепкой странную расписку. В ней содержалось обещание Николая Петровича Конисова вернуть Клавдии Сергеевне Вакулевиной 49 000 рублей в течение одного месяца.

Позднее, утверждая обвинительное заключение, прокурор района внимательно посмотрел на меня и убежденно произнес: «Ну вот, Вам опять повезло, и наверняка будет и дальше везти, если будете упорно трудиться».

Когда я собрал разорванные приходные накладные на вино-водочные изделия, якобы поступившие на склад ресторана «Экспресс» в августе 1958 года, стало ясно, что накладные – это лишь черновые варианты, в которых Вакулевина и Конисов подгоняли стоимость товаров к общей сумме, указанной в долговой расписке (49 000 рублей). По официальным документам бухгалтерии ресторана, этот долг почти полностью совпадал с суммой вино-водочных изделий, фиктивно принятых Вакулевиной с базы треста ресторанов и кафе, и суммой недостачи. Это неслучайное совпадение подтверждало первую из ранее выдвинутых версий. Разумеется, предстояла еще большая работа по процессуальному доказыванию всех обстоятельств уголовного дела. Но меня очень радовало, что главное направление расследования было определено и можно быстро и эффективно двигаться к конечной цели.

Действительно, последующий этап расследования проходил быстро и, как сейчас модно говорить, системно. Хотя оба подозреваемых на допросах не признавали свою вину, их объ-

яснения были настолько путанными и неубедительными, что каждый раз эти следственные действия заканчивались истериками не только Вакулевиной, но и Конисова.

Оперативные данные подтвердили очень близкие отношения между подозреваемыми, их постоянные встречи, поэтому я принял решение о задержании, а затем и об аресте Вакулевиной. По складу винно-водочных изделий треста ресторанов и кафе по моему постановлению проводилась инвентаризация материальных ценностей, и чтобы Конисов мог присутствовать на этом ответственном мероприятии, я избрал в отношении него в качестве меры пресечения подписку о невыезде. Но сразу же после окончания бухгалтерской ревизии Конисов также был заключен под стражу. Конечно, возникли некоторые трудности для общения обвиняемых с экспертами, пришлось доставлять и Конисова, и Вакулевинову в прокуратуру района.

Кроме убедительных выводов судебно-бухгалтерской экспертизы, которая была проведена не только быстро, но и очень эффективно, большое доказательственное значение имели анализ транспортных документов и путевых листов и их сопоставление с официальными документами по ресторану «Экспресс» и базе треста ресторанов и кафе. Анализ этих документов позволил сделать бесспорный вывод о том, что в период с 17 по 20 августа 1958 года на склад ресторана был совершен лишь один рейс автомашины с грузом винно-водочных изделий (согласно путевым листам), а остальные девять рейсов были совершены на другие предприятия треста. Это подтвердили и водители автомобилей, и грузчики ресторана, а также бухгалтерские и товаросопроводительные документы этих предприятий. Директор и главный бухгалтер также показали, что подобного завоза продукции на склад не могло быть, поскольку это в шесть-семь раз превышало месячную потребность. В то же время они дали отличную характеристику Вакулевиной, хотя и отметили ее странные отношения с Конисовым.

Бухгалтерская экспертиза установила, что учет по складу треста был сознательно запущен. Для того чтобы выявить

действительное состояние материальных ценностей, пришлось провести несколько трудоемких мероприятий: восстановление количественного учета, контрольное сличение остатков, хронологический анализ движения товаров по базе треста ресторанов и кафе, сопоставление автотранспортных накладных с пропусками и некоторые другие. Кроме того, эксперты установили фиктивность документов, подготовленных Конисовым на списание винно-водочных изделий в результате сверхнормативного боя. Стало очевидно, что Конисов с помощью фиктивных документов пытался скрыть недостачу, возникшую по его складу. По оперативным данным, Конисов получил от своих приятелей из бухгалтерии треста важную информацию о том, что в конце августа по его складу будет проведена внезапная инвентаризация, поскольку руководство треста обеспокоено тем обстоятельством, что в течение трех лет он не уходил в отпуск, в связи с чем инвентаризация на складе не проводилась.

После окончания судебно-бухгалтерской экспертизы была точно определена сумма недостачи по складу Конисова (разумеется, с учетом фиктивных расходных накладных о якобы совершенном отпуске товаров в ресторан «Экспресс»). Она составила большую сумму – около 70 000 рублей, значительную часть которой он пытался завуалировать бестоварными накладными на общую сумму более 48 000 рублей. Эксперты также убедительно обосновали период возникновения недостачи по складу ресторана «Экспресс», которая образовалась с 17 по 20 августа 1958 года в результате принятых Клавдией Вакулевиной фиктивных приходных накладных.

Девять из десяти водителей автомобилей, на которых якобы перевозили винно-водочные изделия в ресторан «Экспресс», показали, что в дни, указанные в автотранспортных накладных, они никаких товаров на склад Вакулевиной не перевозили. Изъятые и приобщенные к материалам дела путевые листы полностью подтвердили эти показания. Лишь один из водителей сообщил, что 16 августа он совершил два рейса

в ресторан «Экспресс», перевозя со склада Конисова коньяк и вина.

Проведенные следственные эксперименты подтвердили явную невозможность вывоза с базы треста того огромного количества винно-водочных изделий, какое было указано в фиктивных накладных. Был проведен также следственный эксперимент возможности размещения ящиков с товаром, якобы завезенных в ресторан, в помещениях склада. При всех вариантах размещения в самом складе и в подсобных помещениях можно было бы разместить не более чем 140 ящиков, тогда как, по фиктивным накладным, на склад поступило 630 ящиков.

Под давлением неоспоримых доказательств вначале Вакулевина, а потом и Конисов полностью признали себя виновными и дали подробные показания. В течение трех лет Конисов пьянствовал с многочисленными приятелями, продавал прямо со склада по заниженной цене водку, коньяк, вино, а деньги присваивал. Размер недостачи постепенно возрастал. Боясь разоблачения, расхититель три года не уходил в отпуск, а затем попытался скрыть недостачу, выписав фиктивные накладные на склад ресторана «Экспресс» и подготовив подложные документы на списание продукции со своего подотчета.

Несмотря на значительный объем работы, благодаря привлечению к участию в расследовании лиц, обладающих специальными знаниями (инвентаризаторов, ревизоров, экспертов, других специалистов), уголовное дело было расследовано менее чем за два месяца.

В художественной литературе, кинофильмах, телепрограммах детективной направленности основное внимание уделяется расследованию уголовных дел о заказных убийствах, бандитских нападениях, организованных разбойных посягательствах, захвате заложников и других подобных криминальных деяниях. Такая односторонняя направленность вызвана обостренным интересом значительной части читателей и зрителей к перестрелкам, силовой борьбе с обязательным при-

менением приемов восточного единоборства, сложнейшему психологическому соперничеству изощренного и циничного преступника и умного следователя или оперативника. Однако по делам об экономических преступлениях противодействие воли, интеллектов, сложнейших рефлексивных рассуждений конфликтующих сторон не менее, если не более, значительно, хотя и носит весьма часто завуалированный характер. Что же касается таких «привлекательных» для зрительской аудитории перестрелок и силовых приемов, то они также нередко происходят при расследовании экономических преступлений, тем более что на службе «беловоротничковой» мафии находятся собственная хорошо вооруженная охрана и киллеры.

Хотя помощник прокурора Н. Зубкова, по ее выражению, очень не любила «скучные цифры и числа», ей все-таки пришлось выступать в суде и обвинять подсудимых Коницова и Вакулевицу. После успешного проведения судебного следствия и убедительной обвинительной речи она зашла в мой кабинет очень довольная вынесенным приговором и со свойственной ей твердостью заявила: «Не такие уж скучные эти хозяйственные дела, мне было очень приятно приводить математические расчеты и легко парировать доводы адвокатов. Вся сумма материального ущерба, до последней копейки, была подтверждена судом. Большая сила эти цифры...»

И действительно, логика профессионально проведенных расчетов не только убедительна, поскольку ей трудно противостоят, но и чрезвычайно интересна, так как внутренняя стройность и четкая структура экономико-математических построений весьма привлекательны, отражают глубинные, а не внешние стороны способов совершения преступлений, процесса расследования, возможности человеческого разума, действующего во имя справедливости и закона.

В то же время нельзя рассматривать заключения экспертов и специалистов как наиболее сильные доказательства. В соответствии с законом (ч. 2 ст. 17 УПК РФ) «никакие доказательства не имеют заранее установленной силы». Поэтому

лишь система, в которой достойное место занимают названные виды доказательств, приведет к успеху расследования самых сложных и запутанных преступлений, какие бы барьеры и препятствия ни стояли на пути следователей и оперативных сотрудников.

Я рассказал об этом не очень сложном расследовании прежде всего потому, что это было первое относительно серьезное завуалированное преступление в сфере экономики, которое находилось в моем производстве. После этого расследования я уверовал в силу методов экономического анализа и с большим интересом и успехом расследовал эту категорию уголовных дел. Безупречность выводов экспертов и специалистов, их неотразимая логика, сокрушающая замаскированные хитросплетения мошенников, всегда захватывают и увлекают не менее, чем блестяще проведенный захват вооруженных преступников, а числа и расчеты, которыми оперируют следователи, при самом небольшом воображении могут показаться нотами самых блестящих музыкальных произведений. Надо только вдумчиво и с интересом учиться, а затем профессионально играть по этим нотам.

СТРАНИЦА ШЕСТАЯ
«СТАРЫЕ ДЕЛА ОБ УБИЙСТВАХ
МОЖНО УСПЕШНО РАСКРЫВАТЬ...»

Я не сторонник знаменитой, но, к сожалению, крайне сомнительной формулы: «Все преступления могут и должны быть раскрыты». Статистика – упрямая наука, и она убедительно констатирует непреложный факт: есть преступления, которые, несмотря на все старания следователей, сотрудников оперативно-розыскных подразделений, экспертов и специалистов, остаются нераскрытыми. Хуже того, преступники, обнаглелившие от безнаказанности, находясь на свободе, вновь совершают все более и более тяжкие криминальные деяния. Но как конечная цель, к которой надо стремиться, как идея, зовущая к настойчивой творческой работе, эта формула весьма и весьма полезна и приемлема. Поэтому когда прокурор нашего района А. П. Отрожек принес мне из своих «архивов» нераскрытое дело, приостановленное более трех лет тому назад, я, ни слова не говоря, взял его с не очень твердой надеждой на успех. Уже уходя из моего кабинета, Андрей Панкратьевич как-то не по-прокурорски, впервые за два с половиной года обращаясь ко мне на «ты», тихо произнес: «Леонид Яковлевич, забирают тебя в конце месяца в облпрокуратуру старшим следователем... Жалко. Попробуй за оставшиеся дни разобраться с этим делом. Не успеешь – передашь своему преемнику. Желаю успеха, постарайся, дело-то об убийстве, есть жалоба с резолюцией Генерального, сам понимаешь...»

Я, конечно, понимал и сложность приостановленного более трех лет тому назад уголовного дела, и ответственность за его раскрытие, многократно усиленную строгим указанием Генерального прокурора СССР, а поэтому, отложив все в сторону, взялся изучать переданные мне материалы.

Фабула преступления была довольно простой. Работник саратовского авиапредприятия, второй пилот пассажирского

лайнера Николай Иванович Черемушкин 6 ноября 1955 г. приехал в столицу Урала на свадьбу своей дочери, которую он не видел более 15 лет. В Саратове у него была вторая семья, но, извещенный о предстоящем замужестве дочери, он с радостью приехал на ее бракосочетание. Черемушкин прибыл в Свердловск на проходящем поезде около двух часов ночи. Ему надо было пройти до дома дочери от вокзала по улице Челюскинцев менее двух кварталов. С собой у Черемушкина был кожаный чемодан светло-коричневого цвета и маленькая сумка с продуктами. Он быстро пересек привокзальную площадь, прошел мимо кинотеатра Дворца культуры железнодорожников, и у последней колонны этого здания, примерно в 100 метрах от районного отдела милиции, на него напали преступники. Судя по ссадинам на руках потерпевший оказал преступникам сопротивление и был убит ударом ножа в горло. Нападавшие обыскали убитого и, взяв у него деньги и чемодан с вещами, скрылись в сторону железнодорожного вокзала.

Все эти короткие и отрывочные сведения я почерпнул в результате тщательного изучения протокола осмотра места происшествия и трупа, заключения судебно-медицинской экспертизы, рапорта инспектора-кинолога, показаний вдовы потерпевшего и его дочери и других материалов дела. Однако информации для выдвижения перспективных и конкретных версий было явно недостаточно. Тем не менее к концу рабочего дня, изучив все сведения, заключенные в тоненькую папку, «вдоль и поперек», обнаружил один интересный факт, вернее, «фактик». Он заключался в том, что при наружном осмотре трупа у потерпевшего не было обнаружено часов, ни карманных, ни наручных. Было просто невероятно, чтобы у солидного 45-летнего летчика «Аэрофлота», одетого очень дорого и модно (для того времени), не было часов. Несомненно, что вместе с деньгами и чемоданом убийцы взяли и часы потерпевшего. Значит, надо искать часы или же их следы. Проверкой этой поисковой версии я решил заняться сам,

а проверку остальных версий – поручить сотрудникам уголовного розыска.

Утром следующего дня, еще до проведения оперативного совещания («оперативки») в Железнодорожном райотделе милиции, я «нагрязнул» в кабинет заместителя начальника отдела милиции майора Плюснина. Вначале я ознакомил его с планом раскрытия убийства, который он одобрил и даже добавил парочку пунктов. Затем очень тактично вручил поручение о производстве оперативно-розыскных мероприятий, которые он прочитал и принял со значительно меньшим воодушевлением. В плане были перечислены несколько эффективных, но довольно трудоемких ОРМ, видимо, их сложность и необходимость применения негласных методов и вызвали озабоченность майора Плюснина. Тем не менее мы договорились о немедленной реализации основных пунктов этого плана, и я тщательно обсудил с непосредственными исполнителями все детали нашего взаимодействия.

В протоколе допроса вдовы потерпевшего А. С. Черемушкиной были указаны номера домашнего и служебного телефонов. Я сразу же позвонил ей, и она сообщила, что у мужа были часы «Салют», которые она подарила ему в день рождения вместо испорченных старых. Более того, Черемушкина сказала, что остались коробочка и паспорт часов. Обрадованный этой новостью, я направил в прокуратуру Саратова следственное поручение (тогда оно называлось «отдельным требованием») о допросе потерпевшей и выемке у нее паспорта часов. Для ускорения этой работы прокурор района (по моей просьбе) позвонил нашим саратовским коллегам и убедительно попросил их как можно быстрее выполнить это поручение. Через несколько дней я получил протокол допроса свидетеля Черемушкиной, а также долгожданный паспорт часов и протокол его выемки.

События, о которых идет речь, происходили в феврале 1959 года, а в то время все данные о скупке у населения часов сотрудниками ремонтных часовых мастерских хра-

нились в архивном отделе городского объединения различных организаций бытового обслуживания. Я опасался, что через три года хранения документы за 1955 год могут быть уничтожены, и поэтому, получив из Саратова паспорт, немедленно отправился в архив объединения и, предъявив служебное удостоверение, приступил к осмотру документов за ноябрь, а затем за декабрь 1955 года. Довольно быстро я нашел квитанцию от 1 декабря о приобретении часов «Салют» для разборки на запчасти в мастерской, расположенной тогда на улице Малышева, в небольшом двухэтажном доме. Часы были куплены у некоего Сергея Михайловича Мазурина мастером-приемщиком Константином Николаевичем Белоглазовым. В присутствии понятых я произвел выемку квитанции, составив соответствующие постановление и протокол.

В городском адресном бюро я запросил данные о продавце часов и узнал, что в городе проживает трое однофамильцев (С. М. Мазуриных), но двое из них имеют паспорта с иными реквизитами, чем указанные в изъятой квитанции.

Срочно дав задание сотрудникам уголовного розыска о проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении Мазурина и Белоглазова (опросы соседей и сослуживцев, наведение справок, наружное наблюдение), я отнес драгоценную квитанцию в Уральскую криминалистическую лабораторию Министерства юстиции. В этой лаборатории у меня были хорошие знакомые, и я попросил их нарушить очередность и провести почерковедческую экспертизу. Перед экспертом Г. Е. Макушкиной был поставлен всего лишь один вопрос: кем исполнена подпись о продаже часов от имени Мазурина: самим Мазуриным, Белоглазовым, другим лицом? В качестве сравнительного материала эксперту были предоставлены: квитанция о покупке часов и личные дела Белоглазова и Мазурина, изъятые в отделе кадров по месту работы проверяемых лиц.

Через два дня был получен ответ. Оказалось, что Мазурин – вполне благопристойный человек, инженер одного из

отделов крупного завода, ранее не судим. В отношении Белоглазова сведения были совершенно другого характера: осужден за карманные кражи в возрасте 19 лет, после отбытия наказания переехал из Верхней Пышмы и, выучившись на часового мастера, стал работать по специальности.

В то же время я получил заключение почерковедческой экспертизы: подпись от имени Мазурина выполнена Белоглазовым. Во время допроса Мазурин рассказал, что он действительно продал свои наручные часы мастеру-приемщику в мастерской по улице Малышева, и это было в самом начале декабря 1955 года. Я еще раз наведлся в архив объединения «Быттехники» и нашел квитанцию о сдаче Мазуриным часов 1 декабря 1955 года.

Все стало ясно. У преступной цепочки появилось первое звено – К. Н. Белоглазов. Для обеспечения должного психологического напряжения я попросил, чтобы Белоглазова на допрос доставил сотрудник милиции, и не в прокуратуру, а в отдел уголовного розыска Железнодорожного райотдела.

Во время допроса я сразу же предъявил Белоглазову все имеющиеся доказательства: квитанцию о покупке часов, заключение экспертизы о подделке подписи Мазурина и квитанцию о сдаче часов самим Мазуриным от 1 декабря 1955 года. Увидев, что эти доказательства произвели на допрашиваемого сильнейшее впечатление, я «выложил на стол» самые веские улики: паспорт часов, показания вдовы убитого и заключение судебно-медицинской экспертизы о смерти Н. И. Черемушкина.

Я внимательно смотрел, как Белоглазов изучал эти документы, как его лицо покрывалось потом, как тряслись руки, как он весь как-то ссутулился, прижавшись к спинке стула. Дождавшись, когда он дочитает, я спокойно и даже с каким-то сочувствием произнес: «Как же ты достукался до соучастия в убийстве, ты же карманник, и вдруг „мокруха“?» Белоглазов еще тише, прерывающимся голосом прошептал: «Я не знал, что часы с „мокрухи“, он же был чистый карманник».

Я сразу, без всякого перерыва, крикнул: «Кто он? Кто принес тебе часы?» Белоглазов обреченно посмотрел на меня и сказал: «Петька Ухо... Петр Ухов из Верхней Пышмы. Я с ним учился в школе до 8-го класса, а потом встретился с ним в колонии, где мы оба отбывали наказания „за карман“. Он и сдал мне эти часы, но я уверен, что убивал не он. Это мог сделать только его старший брат Геннадий, который несколько раз был судим за разбой и грабежи».

Затем Белоглазов уточнил важные данные о братьях Уховых, о встречах с ними, об их связях.

Закончив допрос и отправив подозреваемого в камеру предварительного заключения, я совместно с оперативными сотрудниками уголовного розыска разработал план первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Оперативники сразу же связались со своими коллегами из Верхней Пышмы. Когда мы через час приехали в этот небольшой город, в горотделе милиции нам уже приготовили довольно подробную справку на хорошо знакомых местным оперативникам братьев Уховых.

Я особенно настаивал на отдельном задержании подозреваемых и их строгой изоляции друг от друга, и сотрудники милиции четко выполнили это поручение. Все прошло успешно: младшего задержали в строительной организации, где он трудился столяром высокого разряда, а старшего – дома, он уже месяц не работал после очередного увольнения за пьянство и прогулы. Не допрашивая подозреваемых, я отправил их на разных автомашинах в КПЗ Железнодорожного района Свердловска, а сам с местными оперативниками и следователем Верхнепышминской прокуратуры провел обыск в квартирах Уховых.

У младшего брата он окончился безрезультатно, зато в квартире Геннадия Ухова меня ожидал сюрприз. В прихожей на двухметровой высоте была оборудована широкая полка для хранения различных вещей: банок с консервами, каких-то ящиков и прочего имущества. Но сверху этого старья я сра-

зу же увидел светло-коричневый чемодан с ремнями и блестящими застежками, который был очень похож на описанный вдовой убитого. Со сдержанной радостью я извлек этот чемодан и тщательно осмотрел содержимое. Там находились школьные учебники, изданные еще в 1956–1957 годы. Это я тоже отразил в протоколе обыска, поскольку стало ясно, что книги были сложены в чемодан уже после того, как он попал в дом подозреваемого. Увидев мое особое внимание к чемодану, оперативники спросили: «Что, попали в цвет?» «Да, попал, – ответил я, – да еще в какой цвет, самый необходимый, светло-коричневый! Жадность фраера сгубила».

Когда наша группа возвратилась в Свердловск, сотрудники уголовного розыска обрадовали меня первыми результатами оперативной разработки Геннадия Ухова. Еще по дороге из Верхней Пышмы они сумели немного разговорить подозреваемого. Он клялся, что после последней «отсидки» полностью «завязал», перебивался случайными заработками по наследственному столярному призванию, ему материально помогал младший брат. Оперативные сотрудники очень тонко намекнули, что его задержали не за новые «делишки», хотя они у него и есть, а за старое, очень серьезное дело. Ухов сразу помрачнел и стал каким-то жалким и растерянным. По негласной информации, полученной в ходе хорошо организованного оперативного внедрения, Ухов очень боялся, что его могут «надолго посадить, а то и припаяют вышку» за какую-то старую «мокруху», которую совершил «его друг с его помощью». И это старое преступление произошло недалеко от райотдела милиции, в который его доставили. «Все, задержался, – сказал мне старший оперуполномоченный уголовного розыска Яков Татьянников, – пока не допрашивай злодея, через пару часов совсем расколется».

Я решил начать с допроса младшего из братьев. Когда поздним вечером я приступил к допросу Петра Ухова, то с первого взгляда понял, что он находится в чрезвычайно напряженном состоянии. Я сразу же задал ему вопрос о сда-

че часов в мастерскую по улице Малышева. Он не отвечал и долго смотрел на меня каким-то отчужденным взглядом. «Зря молчишь, Петя, ни себе, ни брату, ни своему дружку Белоглазову молчанием не поможешь, – с сочувствием произнес я, – сейчас тебе о всех твоих грехах напомнит Константин. Но будет лучше для тебя, если ты обо всем расскажешь сам». Подозреваемый молчал. Тогда я попросил ввести в кабинет Белоглазова и до его прихода продолжал цитировать допрашиваемому нормы Уголовного кодекса, предусматривающие смягчение наказания в случае чистосердечного признания и активной помощи следствию. Конечно, я сопровождал цитирование норм УК РСФСР соответствующими комментариями, в том числе ссылками на конкретные уголовные дела, по которым судами было значительно снижено наказание, вплоть до условного.

Как только в дверях кабинета появился Белоглазов, Ухов закричал: «Не надо, не надо, уведите его! Я все расскажу, все, все, все, уведите его!» Белоглазова увели, и допрос был продолжен. Посмотрев на растерявшегося и подавленного Петра Ухова, я спокойно сказал ему: «Ты еще не потерял шанс: очной ставки с Белоглазовым и твоим старшим братом еще не было». Ухов внимательно посмотрел на меня и как-то подавленно произнес: «А что, Генка уже раскололся?» Я кивнул и тактично промолчал.

Петр Ухов рассказал, что осенью 1955 года его брат Геннадий освобожден из нижнетагильской колонии, где отбывал наказание за грабеж. Он нигде не работал, помогал отцу строить садовые домики и дома в Верхней Пышме. Вместе со своим другом Николаем Гвоздевым он частенько ездил в Свердловск, возвращался с подарками отцу и матери и, пока не кончались деньги, пил вместе с Гвоздевым. Затем он несколько дней помогал отцу, а потом снова уезжал, и все повторялось.

Гвоздев был дважды судим за разбойные нападения, в общей сложности он «отсидел» более десяти лет. Гвоздев болел туберкулезом, в 1957 году ему сделали операцию, но неудачно, и через несколько месяцев, в апреле 1958 года, он умер.

Далее Петр сообщил, что сдать часы его попросил брат, деньги, полученные от Белоглазова, он полностью отдал Геннадия. Это произошло более трех лет назад. Ухов предположил, что часы его брат где-то украл, хотя карманником тот не был. Примерно в это время в доме у брата появился шикарный светло-коричневый чемодан. Откуда он взялся, Петр не знал, так же как и об убийстве человека на улице Челюскинцев. «Геннадий не мог убить человека, – уверял Ухов-младший, – он трус и находился под большим влиянием Гвоздева, который был жестоким и дерзким человеком, настоящим преступным „авторитетом“».

Петр Ухов еще долго говорил о Гвоздеве, его отношениях с братом. Затем он рассказал о карманных кражах, о своем задержании в возрасте 17 лет. В колонии для несовершеннолетних он отсидел полтора года, за хорошее поведение его освободили на шесть месяцев раньше. После освобождения Петр работал по своей специальности (столяром), стал бригадиром. С кражами, как неоднократно подчеркивал подозреваемый, он «прочно завязал».

Все эти данные были документально подтверждены. Положительно характеризовали Петра руководство строительной организации, его соседи и сослуживцы. Он не только хорошо работал, но и постоянно являлся наставником выпускников производственно-технического училища, которые направлялись на работу в их строительную организацию.

В то же время старшего из братьев Уховых характеризовали отрицательно: дважды судим за грабежи, совершенные группой, пьянствовал, постоянно нигде не работал, жил на иждивении отца и жены, помогал ему и младший брат. Еще хуже была характеристика Николая Гвоздева. Он негативно влиял на молодых людей, полностью подчинил себе бесхарактерного Геннадия Ухова. Оба подозревались в совершении преступлений в Свердловске, но в Верхней Пышме вели себя относительно тихо.

Доказательств участия Геннадия Ухова в убийстве Черемушкина было достаточно, и его допрос шел по моему сценарию. На самое видное место, помня рассказ Льва Шейнина «Пара туфель», я поставил изъятый в квартире подозреваемого светло-коричневый чемодан. Когда Ухова ввели в кабинет, он начал возмущаться, размахивал руками и вел себя довольно агрессивно. Но стоило ему увидеть чемодан, и он сразу же сник. Я пригласил его *присесть*, он как-то уныло протянул: «Уж сказали бы прямо: „Садись, Ухов“, чего уж тут, и так все ясно!»

Записав его анкетные данные, я задал ему вопрос об участии в убийстве, совершенном в ноябре 1955 года. Ухов помолчал минуты две-три, а затем, с ненавистью взглянув на чемодан и разложенные на столе документы, обреченно произнес: «Никаких доказательств не надо, и показания брата не читайте, и очной ставки с ним не надо. Я все Вам расскажу и так. Может быть, чистосердечное признание зачтется судом?» Взяв авторучку, я уверенно ответил: «Конечно, суд учтет Ваше поведение на следствии. Расскажите все честно и подробно».

Из показаний Геннадия Ухова следовало, что вместе с Николаем Гвоздевым в 1955 и 1956 годы они специально ездили в Свердловск и в районе привокзальной площади и прилегающих к ней улиц совершали нападения на сильно пьяных мужчин, отнимали у них деньги, шапки, куртки, чемоданы и сумки. Большую часть денег забирал Гвоздев. Вещи он сбывал через знакомых «барыг», часть вырученных денег передавал Ухову. Осенью 1956 года у Гвоздева обострилась болезнь легких, поэтому с того времени никаких преступлений они не совершали.

Убивать мужчину осенью 1955 года преступники не собирались, рассчитывали просто отнять у него чемодан и деньги. Однако мужчина оказался крепким и неробкого десятка. Он бросил чемодан на дорогу, прижался спиной к колонне кинотеатра и отбивался руками и ногами. «Вдруг я увидел, – про-

должил Геннадий, – что Гвоздев вытащил из кармана большой перочинный нож, быстро раскрыл его и ткнул длинным тонким лезвием под подбородок мужчины. Тот схватился за горло и стал сползать по колонне на тротуар. Я схватил чемодан, а Гвоздев обыскал потерпевшего, забрал деньги, сорвал с левой руки часы, и мы быстро побежали в сторону вокзала». Что стало с потерпевшим, Ухов так и не узнал. Вещи из чемодана Гвоздев продал, золотую цепочку и кольцо подарил своей любовнице Кларе, а пустой чемодан и часы отдал Ухову.

Остальное мне было хорошо известно. Я дослушал показания задержанного, уточнил данные о Кларе, сожительнице Гвоздева, и, оформив протокол допроса, отправил Геннадия Ухова в камеру.

На следующий день вместе с сотрудниками уголовного розыска я снова выехал в Верхнюю Пышму, где допросил Клавдию Новикову (Клару) и изъял у нее золотое кольцо с небольшим камнем (александритом), которое ей подарил Гвоздев. Золотую цепочку она сдала в ломбард, но так и не выкупила ее. Я изъял в ломбарде документ о сдаче золотой цепочки К. С. Новиковой 12 января 1956 года и вернулся в прокуратуру района.

Там я доложил прокурору о проделанной работе. Он похвалил меня, а затем распорядился передать дело новому следователю, который уже устроился в моем кабинете. «Ну что ж, – сказал А. П. Отрожко, – со вчерашнего дня ты уже старший следователь облпрокуратуры. Мне уже дважды звонили из следственного отдела. С утра выходи на новую работу, там тебя ждет большое хозяйственное дело о крупной недостаче. Желаю успеха. Дело ты раскрыл, довести его до суда будет легко».

Я с сожалением простился с коллективом прокуратуры Железнодорожного района и поехал на новое место работы, как потом оказалось, еще более интересной, ответственной, но и более трудной.

СТРАНИЦА СЕДЬМАЯ
«МАЛЕНЬКИЙ КЛЮЧИК
К БОЛЬШОМУ И СЛОЖНОМУ ДЕЛУ.»

В марте 1959 года меня перевели на должность старшего следователя прокуратуры Свердловской области. Откровенно говоря, я не хотел покидать ставшую родной для меня прокуратуру Железнодорожного района Свердловска, тем более что к осени мне твердо обещали выделить двухкомнатную квартиру в новом доме. Но приказ есть приказ и, простившись с прежним коллективом, я предстал перед внимательным и изучающим взглядом начальника следственного отделения Степана Петровича Лукина. Он, видимо, хорошо изучил мою биографию, знал отзывы прокуроров отдела, курировавших районы города, и поэтому, не задавая лишних вопросов, вручил мне три пухлых тома, произнеся при этом немного настораживающее: «Я знаю, что Вы недавно успешно расследовали сложное хозяйственное дело о крупных хищениях в магазине „Молочные продукты“ и гормолокозаводе и хорошо разобрались с фиктивными документами, маскирующими длинную цепочку преступлений. Но уголовное дело, которое я Вам передал, еще сложнее. Его уже пытались раскрыть два опытных следователя, но доказательств хищения не нашли, хотя не сомневаюсь, что они есть, только очень глубоко и умело запрятаны. Уверен, Вы найдете необходимые улики. Очень надеюсь на это. Уж так много вреда причинил этот хитрюга Левинский, надо его вывести на чистую воду! Желаю успеха!»

Взяв эти три злополучных толстенных тома и в придачу тоненькую папочку «наблюдательного производства», я направился в выделенный мне кабинет и надолго засел за изучение всех материалов, начав с последнего документа – постановления о прекращении уголовного дела. Осознав, какие барьеры придется преодолеть, начал в хронологической по-

следовательности исследовать результаты большой кропотливой и по-настоящему самоотверженной работы моих предшественников.

По делу был собран весьма значительный и качественный материал, полностью подтверждающий крупную недостачу (более 183 тысяч рублей), возникшую в течение 1957–1958 годов в УРСе (Управлении рабочего снабжения) у заведующего базой Георгия Петровича Левинского. Номенклатура хранящихся на этой базе товаров была весьма необычной: от пуговиц и сервизов до автомобилей и мотоциклов. Несмотря на большую и умышленную запущенность учета, следователям, работавшим до меня, удалось путем многочисленных бухгалтерских ревизий, документальных проверок и судебных экспертиз установить, что вся сумма материального ущерба складывалась в основном из недостачи восьми мотоциклов, сахара, сухофруктов, кондитерских изделий и разнообразной консервированной продукции. Объясняя причины недостачи, Левинский довольно убедительно ссылаясь на отсутствие охраны, установленные мелкие кражи, плохие условия хранения, порчу товаров и бой посуды. В свое оправдание завбазой в течение почти двухлетней работы постоянно представлял различные докладные записки, акты на сверхнормативные потери, объяснения и другие крайне сомнительные «оправдательные» документы. Однако после длительной проверки руководство УРСа отвергло все его доводы, за исключением нескольких случаев кражи кондитерской продукции и водки на общую сумму около 2 тысяч рублей, и направило материалы в прокуратуру области, уволив Левинского за нанесенный базе и всему УРСу огромный ущерб, а также двух бухгалтеров за запущенность учета и бесконтрольность.

Восстановив с помощью ревизоров и экспертов количественный учет по основным группам товаров, следователи совершенно правильно ухватились за наиболее важное для расследования и самое слабое для расхитителя звено – недостачу восьми мотоциклов. Их заводские номера коллегам удалось

установить по документам, и оба, последовательно расширяя зону поисков, направляли запросы в регистрационные отделы управления госавтоинспекции (ГАИ) по Свердловской области, а затем и в другие регионы Советского Союза. Но ответы на запросы, аккуратно собранные в отдельный том, были отрицательными.

Похищенные мотоциклы пытались обнаружить и оперативно-розыскными, и следственными действиями. Однако ни оперативное внедрение, ни выявление связей подозреваемого, ни многочисленные допросы сотрудников базы, в том числе грузчиков, контролеров и охранников, результатов не дали. Десятки мотоциклов, отпущенных с базы, были законно реализованы и списаны с подотчета Г. П. Левинского. Но этих восьми мотоциклов не доставало, и их надо было искать, чтобы распутать хитросплетенный клубок завуалированных хищений.

Ключик к разгадке, вне всякого сомнения, был спрятан в материалах дела¹. Исследовав вдоль и поперек три увесистых тома, выделив и прокрутив в голове полдюжину версий, я пришел к выводу, что основное направление расследования моими коллегами было выбрано правильно, но конкретные приемы поиска восьми исчезнувших мотоциклов были избраны неверно, что и привело к неудаче.

Вначале я составил традиционный план дополнительного расследования, чтобы учесть все, даже мельчайшие детали, самые незаметные нюансы этого замысловатого преступления. После допросов Левинского, нескольких учетчиц, бухгалтеров и других сотрудников базы и Управления рабочего снабжения, которые в значительной степени были формальными, поскольку вопросы и ответы во многом повторяли уже известные ранее ситуации, полностью войдя в курс дела, я все-таки дал поручение оперативным работникам УБХСС (Управления по борьбе с хищением социалистической собственности)² провести наружное наблюдение («наружку»)

и некоторые другие негласные оперативные мероприятия, хотя и не был полностью уверен в их успехе.

Из пяти выдвинутых мною поисковых версий, направленных на обнаружение похищенных мотоциклов или их следов, я выбрал две, на мой взгляд, наиболее перспективные: заводские номера машин были изменены путем перебивки одной из шести цифр либо преступник, не перебивая номеров, изменил их в документах на реализацию. Но для этого был необходим преступный сговор Левинского с работниками магазина и, может быть, с сотрудниками госавтоинспекции. Я не исключал и третью версию, объединяющую названные.

Выдвижение версий было лишь половиной дела, вернее, четвертью: надо было выявить наиболее вероятную комбинацию цифр измененного номера мотоцикла, чтобы быстро обнаружить его следы. После некоторого раздумья я нашел высоковероятное решение, исходя из возможных действий злоумышленников, основанных на известном принципе простоты: «Не усложняй сущности без особой нужды»³. Чтобы найденное решение было понятно, проиллюстрирую его практическое воплощение. Так, на одном из мотоциклов стоял заводской шестизначный номер – 871280. Наиболее простой, легкой и естественно вероятной была бы переделка (перебивка) цифры «1» на цифру «4» путем подставки маленькой «ступеньки» – L, тогда все число приобретало совершенно иное значение (874280) и было бы зарегистрировано в фальсифицированном виде по документам госавтоинспекции. Разумеется, поиск по старым, неизменным номерам был обречен на неудачу. Далее я понял, что, кроме единицы, Левинский и его сообщники могли изменить пятерки на шестерки (5 → 6) и девятки на восьмерки (9 → 8).

К этим выводам я пришел поздно вечером, на четвертый или пятый день изучения дела, и, уточнив период образования недостачи мотоциклов, отправился домой. Утром, едва дождавшись начала рабочего дня, я уже был в регистрационном отделе областной госавтоинспекции и, предъявив слу-

жебное удостоверение и заранее подготовленное постановление, принялся изучать документы. Я был так уверен в успехе, что даже не удивился, когда выявил один за другим неумело подделанные документы на регистрацию трех мотоциклов, проданных в специализированном магазине в Березовском, и пяти мотоциклов, реализованных в Первоуральске. Никто, кроме меня и сотрудников регистрационного отдела госавтоинспекции, не знал об этих находках, поэтому фактор внезапности, действующий исключительно эффективно в процессе допроса подозреваемых, был полностью сохранен.

Я был так обрадован и взволнован успехом, хотя и ожидаемым, что, изъяв все найденные документы, несколько минут сидел за столом, обхватив голову руками. Затем составил протокол осмотра и выемки документов, имеющих решающее значение для уголовного дела, и пешком (мне казалось, что общественный транспорт двигался очень медленно) направился в городское управление внутренних дел. Там я встретился с двумя выделенными мне в помощь сотрудниками отдела БХСС, майором В. И. Шевелевым и капитаном Г. П. Тихомировым, с которыми договорился о совместном плане дальнейших действий. С оперативниками я был хорошо знаком в связи с совместной работой по довольно сложному уголовному делу о хищении импортных сервисов «Мадонна» в одной из крупных торговозакупочных баз, расположенных в Железнодорожном районе Свердловска. Оба они были настоящими профессионалами и прекрасно дополняли друг друга.

У Василия Ивановича Шевелева был особый комбинационный дар, он исключительно тщательно готовил оперативные мероприятия. Связанная с этими особенностями его характера некоторая медлительность полностью компенсировалась решительностью и быстротой действий Георгия Павловича Тихомирова и его разумным оперативным риском в проведении многоходовых комбинаций.

В течение двух дней в результате интенсивной работы нам удалось установить покупателей всех восьми мотоциклов (это было совсем нетрудно, поскольку нужные данные находились в регистрационном отделе областной инспекции, которые я уже изъясил и приобщил к материалам дела) и допросить их об обстоятельствах покупок. В это же время была получена оперативная информация: сразу же после первого допроса, проведенного мною в основном именно с этой целью, Левинский на своем автомобиле «Москвич» съездил в Березовский и Первоуральск, где встречался с директорами магазинов Пироговым и Павловым. Стало ясно, что Левинский, узнав о возобновлении уголовного дела, договорился с сообщниками о выработке единой линии поведения. Поэтому мы решили прервать подготовительный этап первоначальных следственных действий и начать главную часть хорошо спланированной тактической операции⁴.

В нашу маленькую следственно-оперативную группу временно включили еще несколько оперативных сотрудников, и в соответствии с составленным мною планом мы немедленно приступили к решительным и быстрым, я бы даже сказал стремительным, действиям. Одновременно были задержаны Левинский и его сообщники (директора специализированных магазинов) Сергей Пирогов в Березовском и Николай Павлов в Первоуральске. Их сразу же доставили в Управление милиции Свердловска, надежно изолировали друг от друга, и без всякого перерыва мы начали проводить активные оперативно-розыскные мероприятия комбинационного характера⁵. В частности, проведенный в короткое время комплекс интрузивных мероприятий позволил получить некоторые важные сведения, которые были оптимально использованы в ходе допросов.

Обыски в отсутствие задержанных в их служебных и жилых помещениях ничего не дали, да и не могли дать исходя из конкретных обстоятельств и условий, однако их результаты, неизвестные подозреваемым, не могли их не тревожить. По подавляющему большинству уголовных дел, если не были

известны места хранения искомых предметов, я всегда удалял подозреваемых с места проведения обыска, чтобы в случае неудачи этого сложного следственного действия компенсировать ее в ходе допроса, используя разнообразные тактико-психологические приемы и информационную неосведомленность допрашиваемого. Так произошло и в тот раз.

Сделав двухчасовую психологическую выдержку и ознакомившись с самыми первыми оперативными данными, я начал допрос Пирогова, так как считал его наиболее слабым звеном преступной цепочки. Заполнив все анкетные данные еще до официального допроса, проводя разведывательную подготовку, я между прочим, как-то особенно небрежно спросил у Пирогова: «Как это Вы, Сергей Викторович, не удосужились уничтожить или спрятать все компрометирующие доказательства? Ведь у Вас было очень много времени! А сейчас придется все объяснять, все-все, не считая этих мотоциклов. Учтите, что этот допрос, как бег с препятствиями: кто первый расскажет правду, тот и может рассчитывать на снисхождение. Давайте, начинайте, у Вас еще есть шанс...» Выслушав мою тираду, Пирогов пристально посмотрел на меня, а затем спросил: «С чего начинать?» Я мгновенно отреагировал: «Оставьте мотоциклы на самый конец, а рассказ начните с Вашего преступного знакомства, кто кого втянул в хищение социалистической собственности? Какова Ваша роль? Какова роль Левинского и других сообщников? Рассказывайте все и обо всем! Я слушаю Вас».

Пирогов сразу же начал свою исповедь. Он рассказал, что с Левинским знаком года три, познакомились они на крымском курорте, в Ялте, быстро сошлись, когда вернулись на Урал, знакомство переросло в дружбу. Однажды Левинский предложил ему новый холодильник «ЗИЛ» за полцены. Эти холодильники были большим дефицитом, и такое приобретение было большим подарком. Левинский объяснил ему, что два холодильника оказались у него «в излишках» (вместо холодильников он отправил в какой-то северный ОРС (отдел рабочего снабжения) сухофрукты и сахар). Излишки он

создал путем недоотправки этих товаров в какие-то другие торгово-снабженческие предприятия.

Спустя некоторое время также за половину стоимости Пирогов приобрел у своего друга радиолу с проигрывателем, уже не интересуясь происхождением товара. Ну а затем Левинский попросил реализовать через магазин три мотоцикла с измененными заводскими номерами на двигателях и в документах. Поскольку они были друзьями, к тому же Левинский сделал ему два щедрых подарка, Пирогов согласился и, минуя бухгалтерию и оприходование ценного товара, продал их надежным покупателям (фамилии которых он сразу же назвал) за полную стоимость с оформлением всех положенных документов. Кто перебивал заводские номера на двигателях мотоциклов и исправлял цифры в документах, ему неизвестно. Все деньги после продажи мотоциклов он передал Левинскому. Они по кассе магазина, разумеется, не проходили. Больше никаких дел он с заведующим базой не имел. Ему известно, что какие-то «темные» делишки были у Левинского с директором магазина из Первоуральска Николаем Павловым. С ним он познакомился на дне рождения у Левинского.

Закончив свою продолжительную исповедь, Пирогов опустил голову и тихо спросил: «Что со мной будет?» Я ответил: «Если все, что Вы сообщили следствию, правда, и больше никаких „темных“ дел не было, то я буду просить прокурора области избрать в отношении Вас в качестве меры пресечения подписку о невыезде». Услышав эти слова, Пирогов разрыдался. Я добавил: «Для этого Вам придется воздействовать на Вашего приятеля Павлова, которого сейчас доставят для допроса в мой кабинет... И вообще надо помогать следствию во всем, я считаю, что мы договорились». Продолжая всхлипывать, Пирогов закивал головой и сквозь слезы поспешно произнес: «Да... да... я, конечно, согласен...»

Оставив Пирогова в кабинете, я попросил оперативного сотрудника привести Павлова. Когда его ввели в кабинет, я понял, что он по своим психологическим качествам более сильный противник в тактическом отношении, чем его при-

атель. И поэтому спокойно спросил: «Ну что, Николай Осипович, будете присаживаться или садиться, выбирайте. Доказательств Вашей вины много... полный набор, даже с верхом». Я говорил очень уверенно и даже небрежно, создавая впечатление, что не очень-то и нуждаюсь в его показаниях. Характер и тон моего вопроса, присутствие в кабинете Пирогова серьезно озадачили его, он растерялся и поспешно начал искать новую тактическую позицию. Не давая Павлову прийти в себя, я добавил: «Забудьте, что говорил Левинский, когда приезжал к Вам и Пирогову договариваться о совместном поведении. Они отказались от этой договоренности. Я правильно говорю, Сергей Викторович?» – обратился я к Пирогову. Тот не только подтвердил мои слова, но и добавил: «Николай, признавайся... следователю известно все, даже то, что Левинский продавал нам разный дефицит за половину цены». Павлов с ненавистью посмотрел на приятеля, а затем, обращаясь ко мне, с ухмылкой произнес: «Лучше присаживаться, чем сидеть, согласен рассказать правду, если до суда буду на свободе, тогда и суд вынесет более мягкий приговор». Я сказал ему, что от его показаний во многом зависит его судьба, и пообещал убедить прокурора области избрать в отношении его и Пирогова в качестве меры пресечения подписку о невыезде. Затем я отправил Пирогова в камеру предварительного заключения, успокоив побледневшего подозреваемого, что это только до завтра, и приступил к допросу Павлова.

Хотя он и согласился сотрудничать со следствием, однако каждый пункт обвинения признавал лишь после предъявления доказательств. Постепенно Павлов признал не только мотоциклы, неофициально прошедшие через его магазин, но и несколько холодильников, поступивших без документов, а затем проданных разным лицам, а также другие товары, прошедшие тот же преступный путь. Он также подтвердил показания Пирогова о том, что Левинский создавал или пытался различными способами создать излишки по так называемой весовой группе продукции (сахару, сухофруктам, конфетам и печени), сбывал ее своим сообщникам, оформляя по доку-

ментам отпуск мотоциклов, холодильников и других товаров группы количественного учета.

Следующим пунктом плана расследования значился допрос Левинского. К этому центральному процессуальному действию всего первоначального этапа расследования я подготовился очень тщательно, разложил на столе все необходимые документы, в отдельной стопке находились протоколы допроса его сообщников, сослуживцев, добросовестных приобретателей мотоциклов, а также протоколы дополнительных обысков и осмотров холодильников и радиолы, о которых дали показания Пирогов и Павлов. В ходе допроса Левинскому последовательно предъявлялись все уличающие его документы, оглашались показания соучастников и свидетелей, т. е. использовалась вся доказательственная информация, при этом к ней очень осторожно добавлялись данные оперативной деятельности. На собственном опыте и опыте своих коллег я давно понял, что использовать негласную информацию надо умело, чтобы не выдать ее конфиденциальные источники и не попасть впросак в случае ее недостоверности (это нередко бывает по ряду субъективных и объективных причин, особенно если нет времени на проверку и соблазнительно использовать оперативные данные, пока они еще «горяченькие»).

Левинский не выдержал напора всей этой достаточно стройной системы доказательств и, как любят говорить оперативники, полностью «раскололся». Он рассказал, как составлял фиктивные претензионные акты якобы на недопоставку продукции, определяемой не только по весу, но и по количеству: импортные авторучки, подсвечники, обувь и другие изделия. Кроме того, Левинский беспощадно обвешивал и обмеривал своих оптовых получателей. Все созданные им «левые товары» он сбывал нескольким своим сообщникам – руководителям торговых предприятий на севере области. Левинский назвал соучастников и даже обещал свое содействие в их разоблачении. Мне хочется обратить внимание читателей (студентов, определивших в качестве своей будущей про-

фессии трудную, но самую интересную из всех юридических специальностей – профессию следователя), что основной тактический прием успешного допроса Левинского заключался в создании впечатления о полной осведомленности следователя, для чего на допрашиваемого был буквально «обрушен» мощный поток процессуальной и оперативно-розыскной информации, а затем совершен логически правильный переход к еще неизвестным обстоятельствам уголовного дела.

С самого начала расследования меня особенно интересовал вопрос: почему Левинскому, несмотря на его хитрый преступный план, не удалось скрыть образовавшуюся недостачу, перекрыв ее искусственно образованными излишками. Все оказалось просто. Стремясь еще более надежно скрыть свои махинации, Левинский и бухгалтер базы умышленно запутывали учет, ведя для самоконтроля «черную» бухгалтерию. Спустя некоторое время бухгалтер ушла в отпуск по беременности, а заведующий базой не желал брать нового человека, непосвященного в преступные делишки, сам стал вести подпольный учет и запутался в двойных расчетах, полностью потеряв контроль за приходом и особенно за расходом товаров. В результате первая же инвентаризация выявила крупную недостачу, которая затем увеличилась за счет частичного отказа в удовлетворении претензий базы УРСа к своим поставщикам.

Первоначальный этап расследования, самый сложный и поэтому самый интересный, был завершен в течение двух недель. Наступил более длительный, связанный с процессуальными тонкостями и по-своему достаточно интересный следующий этап. К уголовной ответственности были привлечены 12 человек, всем им были предъявлены обвинения, которые они полностью признали. Правда, позднее, уже на судебном заседании, некоторые из подсудимых пытались отрицать часть вмененных им эпизодов и сумм хищений, но их необоснованные доводы легко опровергла система доказательств, собранных по уголовному делу. Все обвиняемые были приговорены

к различным срокам лишения свободы. Самое небольшое наказание было назначено Пирогову, так что я выполнил данное ему обещание.

Когда я принес уголовное дело и обвинительное заключение начальнику нашего следственного отдела С. П. Лукину и одному из его заместителей Е. С. Воробьеву, то они товарищески, искренне поздравили меня с успехом в расследовании этого запутанного дела, решив представить меня к досрочному присвоению классного чина и денежной премии. Поздравления двух прекрасных профессионалов и замечательных людей были для меня настоящим праздником. Я понял, что влился в коллектив следственного отдела областной прокуратуры и что отныне все успехи и неудачи будут у нас общими, и я, как и все сотрудники отдела, буду прилагать все силы, чтобы этих успехов было больше, а неудач – как можно меньше.

Классный чин я вскоре получил, а денежную премию, конечно, нет. С финансами в органах прокуратуры было тогда очень тяжело. Но досрочное получение очередной звездочки на петлицах с коллегами по отделу все-таки пришлось «обмывать», правда, не из обещанной премии, а из своей зарплаты. Ну что тут поделаешь, традицию, если она полезная, надо соблюдать.

---

¹ Следует иметь в виду, что в некоторых уголовных делах ключик к раскрытию сложных и запутанных преступлений лежит за рамками собранных, даже самых внушительных по объему материалов. В этих ситуациях необходимо вырваться за пределы ограниченного круга версий, выдвинуть новые, на первый взгляд необычные, и найти этот ключик к разгадке тайны.

² В настоящее время этот орган дознания называется Управление по борьбе с экономическими преступлениями (УБЭП).

³ Этот принцип известен в философии и логике как принцип Оккама (Оккам – средневековый схоласт и логик).

⁴ Тактическая операция – это комплекс следственных, оперативно-розыскных, экспертных и других действий и мероприятий, проведенных по

единому плану и направленных на решение важной и сложной задачи, подчиненный общей цели расследования уголовного дела.

⁵ В теории оперативно-розыскной деятельности нередко все оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ) подразделяют на две группы: интрузивные (проникающие) и неинтрузивные (непроникающие) мероприятия. Представляется, что подобное деление несколько необоснованно, поскольку отнесенные к неинтрузивным ОРМ опрос и наведение справок могут быть весьма проникающими в самую суть преступной деятельности, особенно если они проводятся негласно в комплексе с другими ОРМ, тогда как отнесенные к интрузивным ОРМ оперативное внедрение и оперативный эксперимент в некоторых сложных ситуациях могут дать лишь отрицательные результаты и носить формальный характер. Тем не менее рассматриваемая дифференциация ОРМ может быть полезной и ценной, так как нацеливает практиков на полное и всестороннее использование огромных возможностей правильно организованных и оптимально проведенных интрузивных оперативно-розыскных мероприятий.

СТРАНИЦА ВОСЬМАЯ
«ТРИ ВСТЫШКЕ МОЛНИИ...»

В начале мая 1961 года в военной школе танкистов, расположенной вблизи Нижнего Тагила, проходили очередной выпуск сержантов и их распределение в различные соединения и части. В числе танкистов, окончивших с отличием школу, был Лев Петрунин, направленный в группу советских войск, дислоцированную в Венгрии. Все выпускники получили «увольнительную» до шести часов утра следующего дня, и обрадованные ребята отправились в город к своим знакомым, а некоторые и к любимым девушкам. Лева Петрунин, до блеска начистив сапоги и подшив новый подворотничок, поспешил на свидание к своей подруге Нине, работавшей в винном отделе большого продуктового магазина, расположенного в старом двухэтажном доме по улице Ленина.

Весна в том году выдалась холодная и дождливая, и молодому танкисту пришлось надеть шинель, не забыл он и сменить курсантские погоны на сержантские. За два дня до выпуска мать Петрунина перевела ему 200 рублей, по тем временам деньги немалые. И он решил отметить окончание танковой школы в ресторане со своей подругой Ниной. Доехав на автобусе до магазина, Лев купил букет цветов и зашел в отдел, где работала девушка. Они договорились, что к шести часам вечера, когда Нина заканчивала работу, Петрунин зайдет за ней и они пойдут, но не в ресторан, а домой к девушке. Лева сказал, что ходит на телефонный переговорный пункт, чтобы позвонить маме.

Переговорный пункт находился в почтовом отделении, расположенном в доме напротив магазина, и Лева обещал вернуться через 20–30 минут. Но прошло больше часа, и лишь в пять часов вечера он вновь появился в магазине в сопровождении двух мужчин. Один из них был совсем молодым, лет 17–18, второй – очень высоким, лет 30–35. Все трое были

пьяны. Лева купил бутылку водки. Сказал Нине, что больше не будет пить, а лишь угостит приятелей. Нина очень рассердилась, расплакалась, но Лева вместе со своими новыми знакомыми ушел, уверяя, что сразу же вернется. В шесть часов вечера Нина закончила работу, Петрунина не было. Она прождала еще более часа и ушла домой. Петрунин не появился ни в тот вечер, ни на следующий день.

Когда закончился срок увольнения и все выпускники, кроме Петрунина, вернулись в расположение части, начались интенсивные поиски исчезнувшего сержанта. Через друзей Петрунина удалось узнать о его подруге, которая и поведала о его странных знакомых и не менее странном поведении. Мать пропавшего сержанта сообщила, что сын звонил ей, сказал о выпуске, направлении в Южную группу войск и что настроение у него было прекрасное. Разговаривала она с сыном всего несколько минут, так как он спешил на свидание с девушкой. Проведя еще несколько розыскных мероприятий, руководство танковой школы направило материал в военную прокуратуру. Следователь, изучив все собранные сведения, возбудил уголовное дело по факту дезертирства. Решение было несколько странным, но с учетом традиционного подхода органов военной прокуратуры к фактам «безвестного отсутствия» военнослужащих вполне объяснимым.

Предварительное следствие велось достаточно активно: были допрошены десятки свидетелей, установлены все связи Льва Петрунина, направлены соответствующие задания оперативным службам, производились другие процессуальные и непроцессуальные действия. Но вся эта кипучая деятельность проходила в русле одной следственной версии: Петрунин дезертировал, и его надо искать. Другие возможные варианты расследования, к сожалению, не принимались во внимание. Однако по этому ошибочному пути следствие шло недолго: в середине мая на многих уральских реках начался бурный, хотя и поздний ледоход. Пришлось срочно снижать уровень воды на Нижнетагильском пруду. Когда были подняты решетки

ки плотины, то вместе с ними подняли и труп человека, одетого в военную форму. Труп был сразу же опознан как труп исчезнувшего десять дней тому назад сержанта Петрунина. Версия о дезертирстве военнослужащего лопнула как мыльный пузырь. В ходе тщательного наружного осмотра трупа военный следователь и судебно-медицинский эксперт выявили телесные повреждения, похожие на ножевые ранения, которые по своему расположению полностью совпадали с разрывами (дефектами) на гимнастерке Петрунина. Кроме этих ранений, на теле потерпевшего и его одежде были обнаружены многочисленные повреждения посмертного характера, возникшие, очевидно, от ударов трупа о льдины, плотину при подъеме решетки.

Следователь сразу же после осмотра назначил комплексную судебно-медицинскую экспертизу. В числе вопросов, поставленных для экспертного исследования, был и такой: наступила ли смерть Л. Н. Петрунина от утопления или же в воду попал труп потерпевшего? Для ответа на этот вопрос эксперты провели исследования на возможность попадания планктона¹ в дыхательные органы человека.

В полученном через несколько дней заключении экспертов содержался категорический вывод о том, что в Нижнетагильский пруд Л. Н. Петрунин попал уже мертвым (никаких следов планктона не обнаружено). Что же касается ранений на теле потерпевшего, которые были похожи на ножевые, то эксперты не могли сделать однозначный вывод, поскольку в результате воздействия воды и рыб их конфигурация и другие параметры лишь частично соответствовали признакам ножевого ранения.

На основании всех изложенных данных военный следователь вынес постановление о передаче уголовного дела об убийстве сержанта Л. Н. Петрунина в прокуратуру Нижнего Тагила. Это постановление было утверждено прокурором Нижнетагильского гарнизона и через Главную военную про-

куруатуру и Генерального прокурора СССР поступило в конце концов в следственный отдел нашей областной прокуратуры.

В середине мая я только-только завершил расследование большого дела о хищении нескольких вагонов специальной фанеры и других материальных ценностей в системе управления снабжения и сбыта Свердловского облисполкома, передал более десяти увесистых томов в областной суд и чувствовал себя, «как бог или как его первый заместитель на нашей грешной земле». Я написал заявление о предоставлении очередного отпуска с ближайшего понедельника и, довольный, что у меня еще будет неполная неделя для исполнения двух несложных отдельных требований (следственных поручений), поступивших из прокуратур Челябинской и Курганской областей, направился к начальнику следственного отдела С. П. Лукину.

Всегда вежливый и сдержанный, Степан Петрович на этот раз был чем-то расстроен. Он как-то рассеянно прочитал мое заявление, а затем совсем не начальственным тоном, а как будто бы извиняясь сказал: «Я знаю, что Вы очень устали, работая по этому „фанерному“ делу, но сейчас возникла сложная проблема: из Генеральной прокуратуры поступило уголовное дело об убийстве военнослужащего в Нижнем Тагиле. Вероятно, его убили неизвестные гражданские лица, спорить о подследственности бесполезно. Дело взято на контроль самим Генеральным, а срок, отведенный для расследования, чуть больше месяца. Обстановка осложнилась в связи с тем, что исчезновение сержанта Петрунина было первоначально квалифицировано как дезертирство и его мать, секретарь одного из райкомов партии в Челябинской области, отправила несколько телеграмм и в ЦК КПСС, и Генеральному прокурору, и даже министру обороны с жалобами. Возьмите это дело в свое производство, и как только раскроете убийство, уйдете в отпуск». Я взял два тома, лежавшие на столе начальника отдела, и, провожаемый его сочувственным взглядом, уныло

пошел в свой кабинет. От радостного настроения не осталось и следа: отпуск пришлось отложить.

Сразу же засел за изучение всех материалов дела. Стало ясно, что хотя коллеги из военной прокуратуры провели значительную работу, но главный вопрос остался без ответа: данные о личности вероятных убийц фактически не были получены. Кроме того, явно ошибочная версия о дезертирстве военнослужащего привела к потере ценного времени, ведь в подавляющем большинстве ситуаций «время работает на преступника».

После анализа всего массива информации было достаточно легко установить узловые «точки опоры», которые и стали отправными пунктами процесса расследования. Этими «пунктами» прежде всего были сотрудники продуктового магазина, ранее не допрошенные, и, конечно, подруга потерпевшего Нина, показания которой не отличались детальным описанием обоих подозреваемых. Кроме того, не был проведен обход всех учреждений: и жилых домов, расположенных недалеко от центра расследуемых событий, и магазина, в котором работала Нина. Третий отправной «пункт» заключался в необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий, прежде всего оперативного внедрения в преступную среду. Созвонившись с прокурором Нижнего Тагила, я попросил его выделить мне в помощь одного следователя, а также договорился с начальником городского УВД о направлении двух оперативников в мое распоряжение.

На следующий день после телефонного разговора с прокурором Нижнего Тагила я приехал в этот старинный и очень дорогой для меня город (в нем родились и жили мои родители). В прокуратуре мне выделили отдельный кабинет, и когда я зашел в него, то там уже находилась вся моя следственная группа: старший следователь городской прокуратуры Арефьев и два оперативных сотрудника уголовного розыска, с которыми я ранее уже работал над раскрытием группового убийства. Составом группы я был полностью удовлетворен.

Мы тепло поздоровались, и Арефьев убрал со стола, за который я сел, газету, закрывавшую его. На столе по законам уральского гостеприимства возвышалась бутылка водки «Столичная» и лежала скромная закуска. Я помедлил для приличия, все-таки я руководил следственно-оперативной группой, а потом скомандовал: «Наливай!» Быстро разделавшись с угощением, я убрал стаканы в сейф вместе с уголовным делом, сказав, что эта стеклянная тара пригодится нам после раскрытия преступления, и ознакомил всех с планом расследования. Коллегам я поручил провести обход всех учреждений и жилых домов в микрорайоне вокруг продовольственного магазина, а сам решил допросить всех сотрудников магазина, в том числе уволенных за интересующий нас период. Кроме того, встретившись с начальником уголовного розыска, передал ему письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий среди ранее судимых лиц.

В первый же по-настоящему рабочий день я допросил около 20 работников магазина, но ничего полезного для расследования не узнал. Даже подруга потерпевшего Нина Позднеева уточнила лишь рост старшего подозреваемого – около двух метров – и описала его спортивную куртку: цвет сине-белый, застежка-молния, капюшон темный. В шесть часов вечера, закончив серию допросов, я направился в пункт приема стеклотары, который находился в деревянной пристройке этого злополучного магазина. Там работали два человека: мужчина и женщина. Допрос мужчины был коротким и бесполезным, но информация, полученная при допросе приемщицы стеклотары Полины Дроздовой, оказалась весьма интересной и ценной. Выяснилось, что очень высокий мужчина в сине-белой спортивной куртке с капюшоном несколько раз сдавал ей пустые бутылки из-под водки, она даже вспомнила его кличку – «Малыш». Так с пьяным юмором его называли постоянные сдатчики посуды. Последний раз она видела Малыша в начале мая, в один из дождливых вечеров. В тот вечер он был не один, а с каким-то молодым человеком, небольшого

роста, лет 17–18, не больше. Военнослужащего вместе с ними она не видела. Дроздова хорошо запомнила тот день, так как поздним вечером, когда она была уже дома, разразилась первая и очень сильная весенняя гроза. После того вечера ни Малыша, ни его молодого спутника она больше не видела.

Когда утром вся наша группа встретилась в прокуратуре города, мы подвели итоги прошедшего дня, и я «переключил» одного из оперативных сотрудников на проведение опросов завсегдааев винно-водочных точек. Надо было во что бы то ни стало «выйти» на след убийц. И это направление представлялось нам наиболее перспективным, поэтому вместе с оперативным сотрудником уголовного розыска я решил проводить разведывательные опросы, наводить всевозможные справки, а при выявлении источника необходимой информации немедленно допросить его. Остальные члены следственной группы продолжали запланированный ранее обход учреждений и жилых домов.

По всем трем перечисленным направлениям велась интенсивная работа, и уже через три дня поступила важная информация. Опрашивая «устойчивых любителей» горячительных напитков, «тусующихся» около винно-водочных отделов и пунктов приема стеклотары, мы получили информацию о мужчине очень высокого роста, недавно освободившемся из мест лишения свободы и называвшем себя иногда Николаем, иногда Владимиром. Деньги у него всегда были, но он нигде не работал и на вопросы собутыльников, откуда он берет деньги, отвечал: «С такими кулаками, как у меня, можно не работать...» В последнее время этот высоченный мужчина часто появлялся вместе с невысоким молодым пареньком, которого он называл Вовчиком. После майских праздников оба они в центре города не появлялись.

Коллегам, занимавшимся обходом домов и разведывательными опросами населения, удалось выявить женщину-сторожа кафе и киосков, которая укрылась от грозы в подъезде здания, где помещалось почтовое отделение, и видела

двоих мужчин, выносивших из проезда между продуктовым магазином и кинотеатром какого-то человека. Я сразу же подробно допросил эту женщину – Ирину Попову. Она добавила интересные подробности. Во-первых, оба мужчины несли человека, лежавшего на шинели, которую она рассмотрела при вспышке молнии. Во-вторых, они направлялись в сторону Нижнетагильского пруда. Один из тех мужчин был очень высокого роста, второй – маленький и худенький. Высокий все время покрикивал на товарища: «Тащи, тащи, это тебе не на гитаре тренькать», сопровождая свои окрики отборным матом и угрозами. Когда вся эта процессия проходила мимо подъезда почты, вновь сверкнула ослепительная молния и женщина увидела лицо молодого человека. Ей показалось, что она встречала его во Дворце культуры треста «Тагилстрой», но кто он, она не знает.

К этому времени я получил справку (меморандум) от начальника отдела уголовного розыска, в которой сообщалось, что в конце марта в Нижний Тагил приехал освободившийся из мест лишения свободы высокий мужчина, в возрасте 32–35 лет, который нигде не работал и жил у сожительницы, данные о которой отсутствуют. На учет тот мужчина не встал. Называл он себя по-разному: Володей, Николаем, Петром. В последнее время вместе с ним все время появлялся молодой парнишка, родственник сожительницы высокого мужчины. Из скупых разговоров с тем человеком источник информации понял, что тот несколько раз судим за разбойные нападения.

Совокупность полученных сведений требовала незамедлительных действий. Вместе с Ириной Поповой (сторожем) я приехал во Дворец культуры треста «Тагилстрой» и переговорил с руководителями нескольких кружков, дав словесный портрет молодого человека невысокого роста, который вместе с высоким мужчиной нес труп Петрунина на шинели. В этом у меня уже не было никаких сомнений. К счастью, у руководителей кружков самодеятельности были альбомы

групповых и индивидуальных фотографий всех активных членов кружков. Ирина Попова внимательно просмотрела несколько альбомов и уже через 10–15 минут узнала на фотографии молодого человека, игравшего на гитаре. Руководитель кружка струнных инструментов сразу же назвал его данные: Николай Пастухов, работает крановщиком одного из строительных управлений треста «Тагилстрой».

Уточнив в отделе кадров этого управления сведения о Пастухове, я поручил входящим в следственную группу сотрудникам уголовного розыска обеспечить круглосуточное наблюдение за подозреваемым и выявить все его связи. Однако ничего подозрительного при проведении оперативно-розыскных мероприятий обнаружено не было. На совещании с членами следственной группы было принято решение о задержании Пастухова.

После задержания подозреваемого, которое происходило весьма конфиденциально, чтобы не «спугнуть» его сообщника, Пастухов сразу же был доставлен в городской отдел милиции, где я достаточно интенсивно допросил его. С учетом психологических качеств Пастухова была создана обстановка, свидетельствующая о полной осведомленности следователя. Это было, конечно, не так, вернее, не совсем так. Но уверенность, с которой проводился допрос, точные вопросы, максимальное использование известных деталей (имя родственницы Пастухова, очень высокий рост сообщника, слова, которые тот произносил во время грозы, способ убийства старшего сержанта Петрунина, сумма денег, которая досталась преступникам, и другие «мелкие» обстоятельства), а также быстрый темп допроса, специально избранный с учетом конкретной ситуации, сразу же привели к успеху. Уже через несколько минут Пастухов назвал имя убийцы – Владимир Авилов – и сообщил, что тот вместе со своей сожительницей (родственницей Пастухова) уехал в Краснодарский край, в город Тамань, на свою родину.

На следующий день оперативная группа вылетела по новому месту жительства Авилова, где и задержала убийцу. Проведя обыск в доме Авилова и не обнаружив там вещественных доказательств по делу, сотрудники уголовного розыска доставили подозреваемого в Нижний Тагил. Авилов отличался повышенной агрессивностью, и проводить с ним следственные действия приходилось в весьма напряженной обстановке, несколько раз – во время предъявления его для опознания свидетельницам Поповой и Позднеевой (подруге потерпевшего), а также при производстве очной ставки с уличающим его Пастуховым – даже пришлось надеть наручники на здорового и очень агрессивного обвиняемого. В процессе очной ставки со своим сообщником Авилов признал свою вину в убийстве военнослужащего и даже назвал место, где он выбросил нож. Однако сразу же после окончания очной ставки он отказался от сделанного признания и даже попытался наброситься на Пастухова и разорвать протокол следственного действия. Орудие убийства – нож с односторонней заточкой и наборной рукояткой – после двухдневных поисков мы все-таки нашли вблизи от того места, которое указал Авилов. Нож полностью соответствовал описанию, которое он дал на очной ставке. Однако комплексная судебно-медицинская и трасологическая экспертиза не смогла установить, этим ли ножом были причинены смертельные ранения Петрунину, сделав лишь вероятностный вывод о возможности нанесения ударов именно этим холодным оружием. Но требовать большего от экспертов было нельзя: воздействие воды, льда, частей плотины подвергли серьезным изменениям тело потерпевшего.

С помощью коллег в течение нескольких дней я завершил все основные следственные действия в Нижнем Тагиле и предъявил обвинения обоим убийцам. Вернувшись в Свердловск, я окончательно оформил все материалы уголовного дела, ознакомил обвиняемых со всем следственным производством и с удовольствием составил обвинительное заключение. Удовольствие от работы с обвинительным заключением было

вызвано интересным анализом собранных по делу прямых и особенно косвенных доказательств, стройной системой улик, не позволяющих убийцам уйти от возмездия. Закончив все процессуальные действия, я передал уголовное дело прокурору области, который утвердил обвинительное заключение и направил дело в Свердловский областной суд для рассмотрения. Приговор, как и ожидалось, был «суров, но справедлив», с учетом личности подсудимых и конкретных обстоятельств дела. Суровость приговора была в основном направлена на Авилова, а справедливость – на Пастухова.

Но в отпуск в теплом и прекрасном июне меня все-таки не отпустили: поручили провести еще одно якобы «небольшое дельце», как туманно выразился наш замечательный начальник С. П. Лукин. С этим «небольшим дельцем» о крупных хищениях в системе торговли и сбыта различной промышленной продукции я разбирался более пяти месяцев, и в конце года в соответствии с нашим заботливым трудовым законодательством холодным и снежным декабрем меня все-таки очень вежливо отпустили, а вернее, «вытолкнули» в отпуск.

---

¹ Планктон – совокупность организмов, обитающих в толще воды, состоящая из бактерий, мельчайших водорослей, моллюсков, личинок рыб, многочисленных простейших организмов и т. д. Попадая в дыхательные пути утонувшего, планктон остается там, а его наличие свидетельствует о том, что человек попал в воду живым, и наоборот, отсутствие планктона позволяет сделать вывод о том, что человек был сброшен в воду мертвым.

Аэропорт города Люблин, 1944 год.
Л. Я. Драпкин – второй слева

Прокурору Свердловской
области тов. Кинкову
от Франкина А. А.

Заявление

Прошу принять меня на работу в качестве
следователя. В 1952 г. окончил Свердлов-
ский юридический институт и 3 года работал
адвокатом в Омской области. Работа в проку-
ратуре мне нравилась всегда и после того, как я
проработал 3 года по путевке министерства юстиции,
я уволился из адвокатуры чтобы поступить на
ту работу к которой я всегда стремился.

28/IX-56

Франкин

В прокуратуру
Омской области
Франкин А. А.
с 17.56

Выписка из приказа № 197
Прокурора Свердловской области

Гор.Свердловск.

"29" сентября 1966г.

ДРАПКИНА Леонида Яковлевича принять на должность
следователя прокуратуры Кагановичского района гор.
Свердловска с месячным испытательным сроком.

п.п. Прокурор Свердловской области
Гос.советник юстиции III класса (Клинов)

Верно: Инспектор отдела кадров

Ларионова (Ларионова)

Л. Я. Драпкин. Прокуратура Железнодорожного района, 1956 год

Стадион «Металлург», 1950-е годы

Набережная городского пруда, 1950-е годы

Улица Ленина, 1950-е годы

Улица Ленина, конец 1950-х годов

Улица Карла Либкнехта, 1958 год

Улица Свердлова. Первомайская демонстрация, конец 1950-х годов

Перекресток улиц Челюскинцев и Свердлова, 1960-е годы

Улица Свердлова, 1960-е годы

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

на присвоение классного чина

Фамилия, имя, отчество — **ДРАПКИН Леонид Яковлевич**
Должность — **Старший следователь прокуратуры Свердловской области**
Год рождения **1924** партийность **чл.КПСС** образование **высшее юридическое**
В органах прокуратуры работает с **29 сентября 1946** г. На занимаемую должность назначен приказом прокурора **Свердловской области** от **31 марта 1959** г. № **46**
Последний классный чин **юрист III класса**
присвоен приказом Генерального Прокурора СССР от **29 июня 1957** г. № **35-а**
по должности **следователя прокуратуры Кагановичского района г.Свердловск**
Ходатайствую о присвоении чина **юрист II класса**

ХАРАКТЕРИСТИКА

До апреля 1959 г. тов.Драпкин работал следователем прокуратуры Железнодорожного района.

За время работы следователем тов.Драпкин показал себя энергичным, принципиальным знающим свое дело работником.

Тов.Драпкин хорошо расследует групповые и сложные хозяйственные дела. Расследование проводит в контакте с работниками милиции.

Расследуя крупные групповые дела тов.Драпкин заканчивал в месяц в среднем 5-6 дел, не допуская волокиты в расследовании. Дел, возвращенных судом к доследованию не имеет. Лиц, оправданных судом и дела в отношении которых прекращены, нет.

Тов.Драпкин принимает участие в общественной жизни коллектива, правильно строит свои взаимоотношения с товарищами по работе, пользуется авторитетом.

Тов.Драпкин учится в вечернем университете марксизма-ленинизма.

С учетом положительных данных о работе, 31 марта 1959 г. тов.Драпкин назначен старшим следователем прокуратуры Свердловской области.

За период работы старшим следователем тов.Драпкин проявил себя также с положительной стороны.

В быту ведет себя правильно. Морально устойчив.

Заслуживает присвоения очередного классного чина-юриста II класса.

н/н
Прокурор Свердловской области
Государственный Советник юстиции
III класса

II

1959 г.

КЛИНОВ.

Верно: *В.А.Клинов*

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

на присвоение классного чина

Фамилия, имя, отчество **ДРАПКИН Леонид Яковлевич**
Должность **старший следователь облпрокуратуры**
Дата рождения **1924** партийность **член КПСС** образование **высшее**
В органах прокуратуры работает с **« 29 » сентября 1956 г.** На занимаемую должность назначен
Указом прокурора **Свердловской области** от **« 31 » марта 1959 г. № 46**
Следственный классный чин **юрист I класса**
Присвоен приказом Генерального Прокурора СССР от **« 28 » марта 1961 г. № 25**
Должности **старшего следователя облпрокуратуры**
Дата вступления в силу присвоения чина **младшего советника юстиции**

ХАРАКТЕРИСТИКА

Тов. Драпкин Л.Я. за период работы старшим следователем показал себя с положительной стороны. Является квалифицированным, любящим следственную работу следователем. В работе проявляет инициативу и оперативность. Особенно проявляет следственное мастерство при расследовании дел о хозяйственных преступлениях и замаскированных хищениях социалистической собственности.

Тов. Драпкин правильно организует взаимодействие в работе с учреждениями милиции, добиваясь на основе этого раскрытия сложных преступлений.

В 1961-1962 г.г. тов. Драпкиным расследовано ряд крупных групповых дел о хищениях социалистической собственности.

В 1962 г. тов. Драпкиным расследовано дело о хищениях в особо крупных размерах золота, спекуляции валютными ценностями в Свердловской, Челябинской и Магаданской областях, на общую сумму свыше 354 тысяч рублей.

В возмещение ущерба изъято около 10 кг. золота, облигаций на сумму 300000 рублей / в старом исчислении / в том числе облигаций 3% займа на сумму 300000 рублей описано 6 автомашин и 10 домов.

Верховным судом РСФСР по делу осуждено 67 человек, из них 61 человек к лишению свободы 1 года до 15 лет, а 6 человек - к расстрелу.

За правильную организацию, инициативу и мастерство в разоблачении опасных преступников приказом Генерального Прокурора СССР № 488-п от 1.Х.1962 г. тов. Драпкину объявлена благодарность и выдана денежная премия в размере месячного оклада.

Прокурор

КОПИЯ

П Р И К А З
ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР

Москва

№ 488-Л

1 октября 1962г.

Работниками прокуратуры Свердловской области расследовано сложных уголовных дел о крупных организованных хищениях ударственной собственности, взяточничестве и спекуляции ютными ценностями.

Квалифицированно расследовано старшими следователями т. т. ПКИНЫМ Л. Я. и ОВЧИННИКОВЫМ Н. П. дело о хищении 40 килограммов мышленного золота, платины и рубиновых камней с приисков а областей РСФСР и предприятий города Свердловска.

У преступников изъято большое количество золота и денег.

Старший следователь т. ГИТЕЛЬМАН Д. А., проявив настойчивость астерство, умело разоблачил большую группу расхитителей и точников, продолжительное время орудовавших в системе леспром-ов Управления лесозаготовок Министерства совхозов РСФСР.

Организаторы этих преступлений осуждены.

Прокурор области т. КЛИНОВ Н. И., его заместитель т. ЖУРАВЛЕВ Г. А. а начальник следственного отдела т. ЛУКИН С. П. умело руководили дствием по этим делам.

Отмечая правильную организацию, инициативу и мастерство разоблачении опасных преступников, -

П Р И К А З Ы В А Ю:

явить благодарность и выдать денежную премию в размере ячного оклада:

Юристу I класса т. ДРАПКИНУ Леониду Яковлевичу.

И. О. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ I КЛАССА

А. МИШУТИН

№:

Соед

Следственный отдел областной прокуратуры, 1963 год.
Л. Я. Драпкин – первый слева в нижнем ряду

Областной суд, 1960-е годы

ПРОДОЛЖЕНИЕ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

на присвоение классного чина

Фамилия, имя, отчество

Дата рождения

Партийность

Образование

Год рождения

В органах прокуратуры работает с «   »   19   г. На занимаемую должность назначен

Указом прокурора

от «   »   19   г. №

Текущий классный чин

Указом приказом Генерального Прокурора СССР от «   »

19   г. №

Содержание должности

Содержание представления о присвоении чина

ХАРАКТЕРИСТИКА

В настоящее время тов. Драпкин расследует дело о крупном хищении в системах "Горпромторга" и Спорткультурторга". По делу привлечено к уголовной ответственности 15 человек.

Тов. Драпкин принимает активное участие в общественной жизни коллектива, является агитатором. Систематически повышает свой идейно-теоретический уровень и деловую квалификацию.

Морально устойчив.

Тов. Драпкин заслуживает присвоения очередного классного чина младший советник юстиции.

НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА
СТАРШИЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ

С. М. Лукин
18/15 627. /ЛУКИН/

Прокурор

Работники областной прокуратуры.
Л. Я. Драпкин – первый справа в верхнем ряду

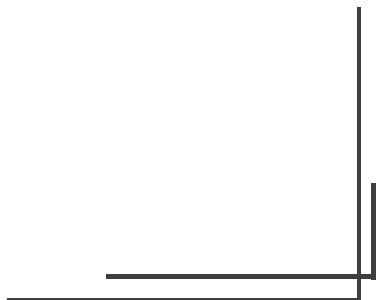
Гостиница «Свердловск», конец 1970-х годов

Железнодорожный вокзал, конец 1970-х годов

Л. Я. Драпкин за работой, 1973 год

Баку, 1960-е годы

Ташкент, 1960-е годы

Дом А. М. Ахимблита,
в котором члены бандгруппы, возглавляемой В. Коровиным,
совершили убийство семи человек

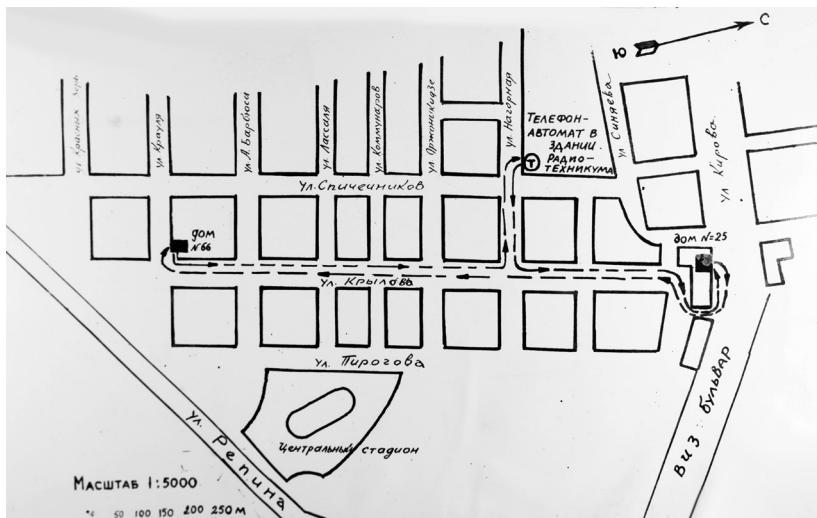

Схема передвижения М. Черномырдик с братьями Коровиными

Л. Я. Драпкин, 2011 год

«НИКОГДА НЕ ТЕРЯЙ БДИТЕЛЬНОСТЬ...»

В сентябре 1962 года мы с коллегой Н. П. Овчинниковым вернулись из Москвы, куда отвозили многотомное дело, по которому проходило 68 обвиняемых, для утверждения обвинительного заключения прокурором РСФСР. Расследование продолжалось год, и нас постоянно ругали, хотя и не слишком, за волокиту. Но прокурор РСФСР, ознакомившись с обстоятельным докладом своих подчиненных, в течение нескольких дней внимательно изучавших материалы дела, похвалил нас за «исключительную оперативность в расследовании, убедительность и логичность системы доказательств». Он вручил нам наградные часы с гравировкой, и мы, окрыленные успехом, вернулись в Свердловск.

Николай Павлович сразу же ушел в отпуск, а мне надо было отработать еще недели две. Поэтому заместитель начальника отдела Е. С. Воробьев «подключил» меня к расследованию уголовного дела о хищении платины с завода ОЦМ (обработка цветных металлов), которое вел Ю. А. Кудрявцев – один из старших следователей областной прокуратуры. Он поручил мне предъявить еще раз обвинение пяти расхитителям, находившимся под стражей, а затем допросить их. Работа была привычная и не очень сложная. Я изучил все материалы, касающиеся этой «великолепной пятерки», составил новые постановления о привлечении в качестве обвиняемых и подробный план допросов, уделив особое внимание тактическим приемам и методам. Поскольку обвиняемые крали платину по известному принципу «Воруй помалу, но часто», эпизодов хищений оказалось множество, и на каждого подсудимого пришлось потратить по целому дню очень напряженной и утомительной работы без перерывов на обед, так как процессуальные действия производились в следственном изоляторе (СИЗО).

Допросы четверых обвиняемых особых трудностей не представляли, режим был вполне штатным: вначале – противодействие, затем – предъявление доказательств и применение тактико-психологических приемов, в заключение – устранение конфликта.

Предъявив новые обвинения пятому арестованному – Павлу Кашенцеву, я, как ни странно, не встретил никакого противодействия. Более того, в ходе допроса Кашенцев заявил, что, если ему смягчат наказание, он вернет около 80 граммов платины, спрятанных у него в квартире. Посоветовавшись с Ю. А. Кудрявцевым, который согласился на эту сделку, я обещал предоставить Кашенцеву предусмотренные законом максимальные льготы и попытался получить от обвиняемого подробное описание местонахождения тайника с платиной. Но он, сославшись на плохую память, ничего не рассказал, зато пообещал найти тайник сразу же, как только его приведут к нему в квартиру.

Меня это насторожило и, закончив допрос, я зашел к заместителю начальника СИЗО по оперативной работе и попросил его провести оперативную разработку Кашенцева, чтобы выяснить его истинные намерения. Он обещал сделать это как можно быстрее и через два дня сообщил, что Кашенцев очень замкнутый и хитрый человек, но в камере он неоднократно заявлял, что решил сдать остатки похищенной платины, поскольку ему обещали снисхождение. Посоветовавшись с оперативниками, мы с Кудрявцевым решили отвезти Кашенцева в его квартиру и там найти тайник.

На следующий день мы отправились в центр города. Кроме меня и Кашенцева в микроавтобусе были двое вооруженных оперативников областного управления МВД, автоматчик и Ю. А. Кудрявцев. Квартира Кашенцева находилась на четвертом этаже в западном крыле большого здания, в центральной части которого в то время располагался обком коммунистической партии.

В дом мы зашли со двора здания, автоматчик остался у входа в подъезд, а мы впятером поднялись в квартиру обвиняемого. Мать встретила его со слезами, а когда сняли наручники, стала кормить. Мы не прервали эту сентиментальную сцену, чтобы не нарушить, как я полагал, психологический контакт, и терпеливо ждали. Минут через 15 Кашенцев подошел к стене в коридоре и показал небольшое пятно. «Здесь платина», – сказал он. Я как инициатор мероприятия взял тяжелый молоток, маленький ломик и начал долбить стену. Дом был воздвигнут по какой-то супермодернистской технологии 20-х годов XX века: стены были не сплошными, а из двух тонких стенок, между которыми находилась воздушная прослойка. Эта сложная структура, однако, позволяла сохранять тепло в квартирах. Когда я проломил внешнюю тонкую стенку, за ней оказалась пустота. Длинной палкой я проверил, где она заканчивается, и почувствовал, как палка уперлась в преграду на уровне потолка третьего этажа. Пришлось вместе с понятыми спуститься к соседям и, извинившись, продолжить поиски в их квартире. На этот раз мне повезло почти сразу: сделав небольшое отверстие в потолке, я нащупал какой-то сверточек и вытащил его.

Мы поднялись в квартиру Кашенцева. В свертке лежали маленькие кусочки серовато-белого цвета, их вес составлял 82 грамма. Понятые, Кашенцев и остальные участники следственного действия расписались в протоколе. После этого я положил драгоценный сверток во внутренний карман пиджака и ощутил вполне понятную эйфорию, проще говоря, расслабился. Затем оперативники и Кудрявцев повели Кашенцева во двор к машине, а я решил почистить костюм от кирпичных крошек и умыться. Но вдруг услышал крики и шум на лестничной площадке второго или третьего этажа. Выскочив в коридор, я услышал крик оперативного сотрудника: «Стой! Стрелять буду!» Но выстрела не последовало.

Я выбежал на балкон и через 25–30 секунд увидел, как из арки дома Кашенцев выскочил на улицу Максима Горького.

Он быстро бежал в сторону улицы Малышева. Оружия у меня не было, но я закричал: «Кашенцев, ложись! Стреляю на поражение!» К моему удивлению, беглец остановился, развернулся ко мне и почему-то присел на корточки. Увидев, что у меня нет оружия, Кашенцев показал мне кулак и побежал дальше. Лишь через 30 секунд, которые показались мне вечностью, на улице появились преследующие его оперативники. Я быстро спустился к ним и сразу же спросил, почему они не надели наручники. Оперативники лишь развели руками. Позднее они объяснили, что шли рядом с обвиняемым, окружив его с трех сторон, но на втором этаже он внезапно перепрыгнул через перила и побежал не вниз, где стоял автоматчик, а через детский садик, расположенный на первом этаже, к другому выходу из здания. Выстрелить оперативные сотрудники не могли, так как дети в это время собирались на прогулку: в коридоре толпились ребяташки, воспитательницы и нянечки. Кашенцев стремительно бежал по коридору, расталкивая детей, поэтому значительно опередил преследователей.

Я немедленно сообщил о побеге руководству следственного изолятора, а затем приехал в областное управление МВД и составил план розыска Кашенцева. Немедленно были перекрыты аэропорт, вокзал, ближайшие к городу железнодорожные станции, проверены автобусные остановки. Кроме того, оперативным сотрудникам и участковым уполномоченным всех райотделов города были направлены четкие инструкции и фотографии Кашенцева. Организационную работу мы закончили поздней ночью. На следующий день мой коллега Ю. А. Кудрявцев должен был приступить к ознакомлению обвиняемых и их адвокатов с материалами уголовного дела, а я вместе с оперативниками начал целенаправленный розыск преступника.

Прежде всего мы составили список родных и друзей Кашенцева, которые могли оказать ему помощь, в частности материальную, и установили за ними негласное оперативное наблюдение. Главным «подозреваемым» стал старший брат

Кашенцева Степан Иванович, начальник цеха оборонного завода, расположенного на набережной городского пруда. Напротив проходной завода располагалось несколько летних кафе. В одном из них и обосновались наши сотрудники. Также велось круглосуточное наблюдение еще за тремя близкими Кашенцеву людьми. Первый день наблюдения прошел безрезультатно.

Однако следующий день был удачным. Примерно около полудня к проходной завода подошла девушка и позвонила по внутреннему заводскому телефону. Минут через 20 из проходной вышел Степан Кашенцев и передал девушке небольшой пакет. Они о чем-то поговорили и разошлись: Степан Иванович вернулся на завод, а девушка направилась в сторону улицы Ленина. Оперативники последовали за ней. Около двух часов дня в наш временный штаб позвонили оперативники и сообщили, что им удалось выследить девушку, которая, получив от брата беглеца какой-то пакет, видимо, пачку денег, вернулась в одноэтажный дом, где ее, вероятно, ожидал Павел Кашенцев.

Вместе с группой задержания я срочно выехал по указанному адресу. Оперативники из отдела наружного наблюдения передали нам «вахту», и мы, окружив дом, ворвались в квартиру. К сожалению, кроме девушки и ее родителей, там никого не оказалось. Испуганная девушка сразу рассказала, что Павла привел к ней ее друг и попросил спрятать его на несколько дней. Она согласилась. Сегодня утром по просьбе Павла девушка позвонила на завод его брату и передала просьбу достать деньги. Встречу назначили в полдень около проходной завода, где Степан Кашенцев передал ей 250 рублей. Вернувшись домой, Павла она не застала: он ушел на встречу со своим знакомым, пообещав вернуться через два-три часа.

Приближалось время возвращения Павла Кашенцева: мы строго проинструктировали Лену (так звали девушку) и ее родителей, а сами спрятались в доме и во дворе. Вскоре появился Павел Кашенцев: он подошел к открытому окну

и спросил сидящую за столом Лену: «Ну как, все в порядке? Ты получила деньги?» Лена ответила по нашей инструкции: «Получила, они лежат на столе. Заходи обедать...» Кашенцев быстро вошел в сени, где затаился я. Мне следовало пропустить его в комнату, где его задержали бы оперативники. Но я не выдержал: когда он проходил мимо, подставил ему подножку и с силой толкнул вперед. Кашенцев рухнул на пол. Выскочили оперативники, надели на него наручники, и я стал его обыскивать. В кармане спортивной куртки обнаружилось 50 рублей и бумажка с каким-то адресом, а в заднем кармане брюк – записка, адресованная мне, необычного содержания: «Леонид Яковлевич! Я решил Вам сдать. Простите меня за волнения и доставленные беспокойства». Прочитав послание, я вопросительно посмотрел на беглеца. Он как-то смущенно сказал: «Я боялся, что если меня поймают, то будут бить». Я посмотрел на большую шишку на его лбу, появившуюся после падения, и с удовлетворением улыбнулся.

Доставив Кашенцева в наш временный штаб, я подробно допросил его о побеге, лицах, с которыми он встречался в эти дни, в том числе о друге, давшем ему 50 рублей и адрес, где Кашенцев должен был укрываться.

Кашенцев утверждал, что совершил побег, опасаясь расправы сообщников за правдивые показания на предварительном следствии. Он действительно выдал двоих подельников, но их вину также подтвердило следствие, поэтому вряд ли указанная причина была истинной. Уже глубокой ночью мы отправили Кашенцева в следственный изолятор.

Утром я пришел в прокуратуру области и доложил заместителю прокурора области Г. А. Журавлеву о задержании беглеца. Он ничуть не удивился, но сказал: «Я был уверен, что ты его найдешь. Молодец! Но в будущем будь бдительнее. Всегда надо выигрывать! Закончишь это дело – я вас с Кудрявцевым поощрю».

Я сделал серьезные выводы из побега Кашенцева. Ему удалось запутать нас, хотя если бы оперативные сотрудники на-

дели на обвиняемого наручники (это предусмотрено инструкцией об этапировании), то никакого побега бы не было. Зато после мы «переиграли» беглеца в сложном рефлексивном противоборстве и сравнительно быстро, примерно за двое суток, задержали преступника. Для успешного разрешения конфликтной ситуации очень важно рефлексивное мышление – главное оружие следователя и оперативного сотрудника в преодолении противодействия конфликтующей стороны. Рефлексивное мышление дает возможность с большей долей вероятности не только предвидеть поступки противника, но и руководить его поведением. Если следователь умеет рефлексивно мыслить, то в сложных ситуациях конфликта или тактического риска эффективность его действий будет максимальной.

В научных работах по военной стратегии и тактике постоянно подчеркивается, что рефлексивное мышление и управление – важнейшие составляющие искусства военачальника. Не меньшую роль рефлексивное мышление играет в деятельности следователя и оперативного сотрудника. К сожалению, чаще всего эти знания – результат горького опыта, особенно если следователь «дважды наступил на одни и те же грабли». К счастью, в моей следственной практике подобных эпизодов больше не было, хотя приходилось расследовать сложные уголовные дела, в которых мне активно противодействовали значительно более хитрые и опытные преступники, чем Кашенцев.

СТРАНИЦА ДЕСЯТАЯ
«ЛОГИКА СЛЕДСТВИЯ
И ПОИСК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ»

Это был обычный вечер в середине августа 1964 года, в Доме культуры собралась молодежь всего Полевского. Но для Вали Нелидовой этот вечер был знаменателен: во-первых, через несколько дней ей исполнялось 18 лет, во-вторых, ей только что сшил модное платье известный модельер из областного центра. На вечере Валя была в центре внимания: подруги оценивали ее обновку, молодые люди приглашали танцевать. Не разобравшись в девичьем кокетстве, на Валю рассердился ее лучший друг и поклонник Андрей Колесов. Он не умел танцевать, поэтому когда Валю приглашали танцевать, он испытывал понятную для его возраста ревность. Сказав несколько резких слов своей подруге, Андрей ушел из Дома культуры. Валя сильно расстроилась и, несмотря на уговоры подруг, вскоре также покинула веселый танцевальный вечер...

Родители Вали Нелидовой начали беспокоиться из-за отсутствия дочери ближе к обеду, так как она нередко оставалась ночевать у своей близкой подруги Нины Глуховой. Когда Валя не появилась к полудню, ее мать обошла всех подруг, но ничего о дочери не узнала. Андрей тоже ничего не мог объяснить, он расспросил всех знакомых, которые были в Доме культуры, но его поиски оказались безрезультатны.

Андрей сообщил эту безрадостную новость отцу и матери Вали, и они втроем направились в городское управление милиции, где рассказали ответственному дежурному об исчезновении девушки. Заявление было принято сразу, и до позднего вечера сотрудники уголовного розыска с пристрастием опрашивали Андрея, его родных, срочно вызванных с работы, и друзей, с которыми он провел время после ссоры с Валей. Около полуночи, убедившись в непричастности Колесова

к исчезновению девушки, Андрея отпустили домой, но «для профилактики» ему запретили уезжать из города.

На следующий день две женщины, выгуливавшие собак на заброшенном стадионе, обнаружили труп девушки. Дежурный городского отдела милиции немедленно вызвал следователя прокуратуры: тот осмотрел место происшествия и вместе с судебно-медицинским экспертом – труп. Убитые горем родители опознали в погибшей свою единственную дочь. Во время тяжелой процедуры опознания мать Вали дважды падала в обморок, и врачи с трудом приводили ее в чувство.

К вечеру судебно-медицинский эксперт закончил исследование и сообщил, что Валя Нелидова была изнасилована (на теле потерпевшей обнаружили повреждения, указывавшие на насильственное половое сношение), а затем задушена.

На всякий случай Андрея Колесова задержали вновь, но после допроса снова отпустили. Сотрудников отдела уголовного розыска, несмотря на воскресный день, вызвали на работу, они занимались обычной в этих случаях деятельностью: проверяли «подучетный контингент», опрашивали жителей домов, расположенных вблизи стадиона, активизировали работу своей агентуры и т. д.

Утром в понедельник прокурор Полевского сообщил об убийстве Вали Нелидовой в прокуратуру области, добавив, что «весь город гудит», и попросил оказать помощь в раскрытии этого преступления. В это время я уже почти год работал прокурором-криминалистом областной прокуратуры и отвечал, в том числе, за раскрытие убийств и некоторых других особо тяжких преступлений. Хорошо усвоив, что время почти всегда работает на преступника, я немедленно выехал в Полевской и к вечеру уже включился в интенсивную работу местной прокуратуры и милиции. Я внимательно изучил протокол осмотра места происшествия, заключение судебно-медицинской экспертизы, другие обстоятельства уголовного дела, переговорил с экспертом и начальником отдела уголовного розыска.

На следующий день при хорошем солнечном освещении я вместе со следователем городской прокуратуры провел дополнительный осмотр места происшествия, значительно расширив территорию этого следственного действия за границы стадиона, особое внимание уделив месту, где был обнаружен труп, а также воротам стадиона и проломам в довольно ветхом заборе.

Расширение территории осмотра места происшествия очень часто приводит к изумительным результатам, увеличивая поисковые возможности следователя. Так было и на этот раз. Подойдя к проходу в заборе, я обнаружил несколько довольно крупных огрызков яблок. Даже при внешнем осмотре оставленных на яблоках следов зубов стало понятно, что фруктами лакомились два человека, и эта парочка стояла около забора несколько минут. Видимо, Валя (если это была она) не соглашалась идти дальше, а затем ее спутник или уговорил девушку, или же увел силой. Затем я еще раз встретился с экспертом и выяснил, что он не включил в свое заключение данные о содержимом желудка потерпевшей. Это упущение было исправлено: в ходе допроса эксперт показал, что примерно за час до наступления смерти Валя Нелидова ела яблоки.

Картина преступления начала проясняться. Созданная для раскрытия убийства следственно-оперативная группа¹ перешла к решению главной задачи – найти убийцу. В соответствии с планом расследования я прежде всего вызвал в Полевской специалиста-агронома, который сразу же определил сорт загадочных яблок – «Большое Уральское», отметив, что сорт этот довольно редкий. Сотрудники милиции стали проверять все коллективные сады и дачи, разговаривали с садоводами, выясняли, у кого есть яблоки с подобным названием. Работа была рассчитана на несколько дней. Однако на этот раз «господин случай» оказался на нашей стороне. Как только начался сплошной обход садов и дач, к одному из участковых уполномоченных, хорошо контактирующих с населением, подошел сторож коллективного сада и сообщил, что вечером на

прошлой неделе несколько мальчишек забрались в сад и обобрали две яблони, сорт яблок, уточнил сторож, – «Большое Уральское». Мужчина добавил, что одного из «налетчиков», десятилетнего Диму, он поймал, «надрал ему уши», а потом отвел домой, где крепких подзатыльников ему добавила мать. Я сразу же поехал к любителю яблок и застал Диму «под домашним арестом», который он «отбивал» за свой проступок.

В присутствии матери я допросил Диму: он рассказал, что вместе со своими одноклассниками Костей, Сергеем и Николаем они давно облюбовали этот сад для набегов. Днем мальчишки провели разведку, а вечером забрались в сад и на заранее выбранном участке набрали две сумки крупных яблок. Но это приключение закончилось для Димы неудачно: его поймал сторож, а Костя, Сергей и Николай убежали с сумками. По возрасту ребята явно не подходили на роль фигурантов преступления, поэтому меня интересовали не сами искатели приключений, а дальнейшее «движение» украденных ими яблок.

Иногда следователи и оперативные работники каким-то совершенно непостижимым образом чувствуют, что идут по правильному пути, «взяли след», как говорят охотники и специалисты-кинологи. Так и мы были уверены, что приближаемся к заветной цели расследования.

Установив с помощью родителей испуганного Димы всех членов его «яблочной» компании, я попросил сотрудников милиции доставить в городской отдел милиции, где мне выделили отдельный кабинет, всех участников вечернего набега вместе с их родителями. Похоже, мальчишкам крепко досталось дома: когда их привезли в «серьезное» учреждение (оно, несомненно, показалось им страшным по сравнению с материнскими подзатыльниками), они совсем «расклеились», и мне пришлось вначале успокаивать плачущих сыновей, а затем и их взволнованных мамаш, которые даже в моем присутствии не скупались на крепкие затрещины своим набедокурившим чадам. С трудом успокоив и тех и других, я смог выяснить очень интересные обстоятельства.

Оказалось, что, бросив своего друга Диму, плененного бдительным сторожем, остальные садовые налетчики благополучно оторвались от преследовавших их собак. Вместе со сладкой добычей они осторожно пробирались домой. Но около Дома культуры, где проходил вечер молодежи, они встретили старшего брата Кости Ильиных девятнадцатилетнего Владимира. Увидев младшего брата, Владимир открыл его сумку, потом вторую, которая была у другого мальчишки, и отобрал из сумок самые красивые и крупные яблоки, положив их в свою кепку и шапочку приятеля Егора, который стоял рядом с ним. Затем Владимир отправил мальчишек по домам, а сам вместе с Егором пошел к Дому культуры. Мальчишки разошлись по домам, честно разделили добычу, не забыв при этом выделить «законную» часть другу Диме.

Если до сих пор все наши следственные оперативно-розыскные действия диктовались поисковой вероятностной логикой (эвристикой), то после получения показаний от мальчишек мы действовали по железным законам достоверной дедуктивной логики. Сразу были задержаны Владимир Ильиных и его приятель Егор Данилов, в их квартирах произведены обыски, в ходе которых изъяты одежда и обувь обоих подозреваемых (для проведения судебно-медицинской (биологической) и трасологической экспертиз). Друзей изолировали друг от друга (обязательное правило следствия), и я приступил к допросу.

Первым стал Егор Данилов, так как было очевидно, что он «слабое звено» в этой связке подозреваемых. Он тут же заявил, что к изнасилованию и убийству девушки не имеет никакого отношения, но уверен, что эти преступления совершил Володя Ильиных. Егор показал: «Когда Валя Нелидова, взволнованная и какая-то растерянная, выбежала из Дома культуры, к ней сразу подошел Володя Ильиных и угостил девушку самым красивым из всех отобранных у мальчишек яблок. Я знал, что раньше Владимир ухаживал за Валей, но потом она его почему-то отвергла и стала дружить с Андреем Коле-

совым. Одно время Володька очень переживал этот разрыв, но потом успокоился. А в тот вечер старая привязанность, видимо, его взволновала. К тому же Владимир был немного пьян: мы с ним выпили пол-литра водки почти без закуски. Через несколько минут Володя крикнул мне, что проводит Валю домой. Я видел, как несколько раз Владимир пытался обнять Валю за плечи и за талию, но она каждый раз вырывалась. Когда они скрылись за углом, я вошел в Дом культуры и пробыл там до утра. Больше я Владимира Ильиных не встречал, а когда узнал об убийстве Вали, то понял, что это преступление совершил он».

Показания Егора Данилова замкнули цепь собранных доказательств, и я решил все улики «обрушить» на подозреваемого Ильиных. Когда в кабинет ввели высокого, атлетически сложенного парня с каким-то растерянным и даже обреченным взглядом, мне стало ясно – сопротивление будет недолгим. Тем не менее в соответствии с рекомендациями ученых-криминалистов я провел с ним перед допросом разведывательно-наступательную беседу, чередуя быстрые вопросы с не менее быстрыми упоминаниями не только об имеющихся, но и предполагаемых доказательствах. Через две-три минуты такой убедительной беседы Ильиных полностью прекратил невнятное сопротивление и, опустив голову, глухо произнес: «Не надо, не надо... я хочу все рассказать». Минут 40–45 длилась его исповедь, прерываемая моими уточняющими вопросами в тех случаях, когда Ильиных пытался уклониться от некоторых наиболее тяжелых фактов. Закончив допрос, я отправил подозреваемого в камеру предварительного заключения (КПЗ), которая находилась здесь же, в городском управлении милиции.

Преступление было раскрыто, но я решил провести еще одно следственное действие, которое в те годы не было регламентировано Уголовно-процессуальным кодексом, – проверку и уточнение показаний на месте. Хотя многие ученые-процессуалисты и даже некоторые криминалисты выступали

против включения этого эффективного действия в уголовно-процессуальное законодательство, в следственной практике его нередко с успехом применяли, используя различные названия: допрос на месте совершения преступления, выход на место происшествия и т. п.

Полностью обезопасив производство этого сложного действия от любых неприятных случайностей вместе со следователем городской прокуратуры, мы провели это спорное, но очень эффективное мероприятие. Ильиных прошел весь скорбный путь от Дома культуры до стадиона, сопровождая все действия подробными показаниями. Все это фиксировалось кинокамерой, записывалось на магнитофонную ленту, для дополнительной страховки велась фотосъемка.

Кроме того, я направил для проведения судебно-медицинской (биологической) экспертизы образцы крови и слюны В. Ильиных, а также обнаруженную экспертами при вскрытии трупа потерпевшей сперму преступника.

Вечером, передав материалы уголовного дела для дальнейшего расследования в городскую прокуратуру, я попрощался с коллегами, без помощи которых это достаточно запутанное преступление не было бы так быстро раскрыто, и уехал в Свердловск, где меня ожидало очередное дело.

---

¹ В настоящее время в соответствии со ст. 163 УПК РФ подобные группы называются «следственные», а не «следственно-оперативные».

*СТРАНИЦА ОДИННАДЦАТАЯ
«ПО КРОВАВЫМ СЛЕДАМ
СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ...»*

1 ноября 1963 года я был назначен на новую и, как считалось, более высокую должность: стал прокурором-криминалистом Свердловской областной прокуратуры. Однако в действительности кроме значительно большей ответственности и массы забот я ничего не приобрел. Одна из главных задач, сразу же вставших передо мной, состояла в оказании конкретной помощи следователям, а чаще всего и в руководстве теми из них, кто раскрывал так называемые неочевидные убийства, изнасилования, бандитские нападения и другие особо опасные преступления. Кроме того, я отвечал за раскрытие аналогичных преступлений прошлых лет, приостановленных в связи с неустановлением виновных лиц. Были и другие задачи, довольно трудоемкие, но в то же время очень интересные, например повышение профессионального мастерства следователей, внедрение новой криминалистической техники в их деятельность. Также на меня возлагалась утомительная работа по написанию различных отчетов и справок. Нередко приходилось принимать к производству наиболее сложные уголовные дела и проводить все расследование от начала до конца.

В те годы, о которых я веду речь, перечисленные функции в областных, краевых и республиканских прокуратурах выполнял лишь один штатный работник, тогда как в настоящее время эту деятельность осуществляют достаточно многочисленные структурные отделы и отделения следственных подразделений Следственного комитета РФ. Поэтому всем моим коллегам и мне было очень даже нелегко. За четыре года работы прокурором-криминалистом я непосредственно участвовал в раскрытии нескольких десятков наиболее запутанных, но в то же время очень интересных с профессиональной точ-

ки зрения уголовных дел, а также принимал к производству самые актуальные из них и полностью проводил расследование. Я хотел бы проанализировать, а не просто описать одно из наиболее поучительных с профессиональных позиций уголовных дел.

Июль 1965 года был необычайно жарким, однако зной часто сменялся прохладными и продолжительными дождями, поэтому многие дни были не особенно изнурительными. В один из таких июльских дней мне позвонили из отдела уголовного розыска областного управления МВД и сообщили, что выезжают «на труп» недавно исчезнувшей выпускницы Свердловского медицинского института, мастера спорта Галины Пастуховой, молодой матери и замечательной лыжницы. Галину искали уже несколько дней, но, видимо, недостаточно интенсивно и планомерно. Труп Пастуховой, раздетой, с проломленной головой, обнаружили случайно, в 30 метрах от грунтовой дороги, в не очень густом лесу. Начальник отдела уголовного розыска добавил, что на место происшествия он отправил двух опытных старших оперуполномоченных, которые могут заехать за мной.

Работая прокурором-криминалистом, я постоянно успешно сотрудничал с оперативниками отделов уголовного розыска различных уровней, хорошо знал их гласные и, особенно, негласные возможности и нередко удачно использовал при доказывании оперативную информацию.

Я немедленно доложил о печальной находке начальнику следственного отдела С. П. Лукину, схватил заранее приготовленный и слегка усовершенствованный для подобных ситуаций (которые случались два-три раза в неделю) специальный чемодан и вышел на крыльцо здания облпрокуратуры. На улице меня уже ждал автомобиль с двумя хорошо знакомыми по прежним совместным расследованиям оперативными сотрудниками: Панкиным и Черновым. По дороге они ознако-

мили меня с предварительными данными об обстоятельствах дела.

Информация была крайне скудной. В пятницу, 8 июля, после обеда Галина Пастухова, находившаяся на «сборах» в спортивном лагере медицинского института на озере Песчаном, с разрешения старшего тренера отправилась по лесной дороге на железнодорожную станцию Северка, чтобы на ближайшей электричке, в 15 часов 45 минут, уехать в Свердловск проведать семью: мужа, мать и маленькую дочку. Однако ни в этот день, ни в субботу она дома не появилась. Встревенный муж приехал в спортивный лагерь и, узнав, что жена ушла на станцию одна, организовал поиски, а сам вернулся в Свердловск и написал заявление дежурному областного УВД о безвестном отсутствии супруги. Поиском Пастуховой сразу же, что бывало крайне редко, занялись сотрудники Первоуральского райотдела милиции. Рано утром 12 июля (во вторник) сотрудники одного из спортивных лагерей, решившие собрать первую лесную землянику, случайно обнаружили труп женщины и по телефону со станции Северка немедленно сообщили об этом в Первоуральский райотдел милиции.

На место происшествия мы прибыли почти одновременно с оперативной группой из Первоуральска. Чуть позже подъехали следователь Первоуральской прокуратуры и судебно-медицинский эксперт. Разбив территорию, в центре которой находился труп, на несколько участков, мы тщательно осмотрели место происшествия, а затем я поручил внимательно осмотреть окружающую местность сотрудникам милиции. Пока происходило «прочесывание» довольно обширной территории – вытянутого вдоль дороги прямоугольника шириной 60 метров и длиной не менее полутора километров, я вместе с судебно-медицинским экспертом осматривал труп. Смерть потерпевшей наступила в результате нанесения ей трех сильных ударов по голове тяжелым предметом (вероятнее всего, молотком). Женщина была изнасилована, ее разорванная одежда валялась рядом. Ночью в понедельник прошел сильный дождь, поэтому служебно-розыскная собака, несмотря на

все старания специалиста-кинолога, «взять след» преступника не смогла.

Когда мы заканчивали осмотр, ко мне подошел сотрудник милиции и сообщил, что в кустах почти у самой станции Северка он обнаружил молоток. Я внимательно осмотрел указанное место, находившееся в 12 метрах от дороги, изъяс молоток и обследовал его. На металлической ударной части молотка, несмотря на сильный ночной дождь, сохранились окровавленные волосы и даже костные обломки, видимо, густая листва предотвратила их смыв и уничтожение. После осмотра труп и молоток были отправлены для производства комплексной судебно-медицинской и трасологической экспертизы.

Около семи часов вечера мы наконец-то доехали до спортивного лагеря медицинского института. Я сразу же договорился с руководством всех лагерей, расположенных вокруг озера Песчаного: каждые полчаса по громкоговорителям объявляли, чтобы люди, видевшие 8 июля после часа дня молодую женщину 24–25 лет, идущую по лесной дороге к станции Северка, а также подозрительного мужчину (или мужчин), преследовавшего или сопровождавшего ее либо подходившего к другим женщинам с различными вопросами и предложениями, приходили на узел связи.

Ближе к восьми часам вечера к нам подошла Аня Силина, девушка-баскетболистка из соседнего спортлагеря, и рассказала, что 8 июля примерно в полдень она приехала на станцию Северка и одна пошла в лагерь. За территорией станции ее догнал мужчина средних лет, одетый, несмотря на жару, в сапоги, брюки с кантами и фуражку военного образца. На плечах у него была накидка без рукавов из материала защитного (зеленого) цвета. Отец Ани – офицер, поэтому она хорошо разбиралась в военной одежде. Мужчина сказал, что тоже идет в лагерь, попроведать сына, но на вопрос Ани о лагере, где находится сын, ничего не ответил. Это показалось девушке странным, она ускорила шаг, стремясь оторваться от подозре-

тельного попутчика, но тот также пошел быстрее. Где-то на полпути Аня увидела, что навстречу идет молодая женщина. Аня сразу успокоилась, а мужчина остановился. Когда женщина прошла мимо, девушка обернулась и заметила, что ее попутчик направился в сторону Северки. Это показалось Ане очень подозрительным, она высказала на допросе мнение, что именно этот человек мог совершить убийство. Свидетельница описала приметы мужчины, его одежду и добавила (впоследствии это оказалось очень ценным), что на ремешке через плечо у незнакомца висел транзисторный радиоприемник «Альпинист».

Показания Ани Силиной были особенно важными для определения направления расследования и позволили выдвинуть перспективные следственные версии, в том числе версию о совершении преступления военнослужащим, вероятнее всего, офицером либо лицом, находящимся на сверхсрочной военной службе. Такие результаты мы получили в первый день расследования. Интенсивная работа по выявлению среди отдыхающих в спортивных лагерях на озере Песчаном и жителей Северки свидетелей, которые могли бы сообщить какие-либо сведения об убийце, велась еще несколько дней. Эту необходимую, но, как позже выяснилось, безрезультатную работу выполняли сотрудники Первоуральского отдела милиции. Воспользовавшись приездом в спортлагерь на озере Песчаном для формальной инспекции одного из руководителей областного УВД, я договорился с ним о выделении двух сотрудников милиции для скрытого наблюдения за местом обнаружения труп женщины, поскольку знал, что убийцы часто возвращаются к месту совершения ими преступления: их влечет к нему какая-то необъяснимая и непреодолимая сила.

Вечером 13 июля я вернулся в Свердловск и сразу договорился с военным прокурором Уральского военного округа о проведении проверки среди военнослужащих, вызывающих подозрения. Одновременно я передал прокурору словесный портрет подозреваемого, описание его одежды и обуви, особо

подчеркнув наличие транзисторного радиоприемника «Альпинист». На следующий день в прокуратуру области приехала Аня Силина, с ее помощью опытный художник-портретист составил рисованный портрет предполагаемого убийцы. Этот портрет был растиражирован и отправлен во все подразделения МВД области и военную прокуратуру. В тот же день была проведена комплексная судебно-медицинская и трасологическая экспертиза.

В следующие два дня я в основном занимался анализом данных информационного центра УВД области, пытался отыскать аналогичные уголовные дела прошлых лет, как раскрытые, так и нераскрытые, и, не найдя ничего похожего, отправил запрос в Главный информационный центр МВД СССР.

Рано утром 17 июля меня разбудил телефонный звонок, дежурный следователь сообщил, что в Основинском парке обнаружены трупы двух молодых людей: парня и девушки, – слегка присыпанные землей и прикрытые дерном. Я быстро оделся, вышел на улицу и на подъехавшем милицейском «уазике» быстро доехал по еще пустынным улицам до Основинского парка, расположенного в Кировском районе нашего города.

В восемь часов утра вместе с дежурным следователем и судебно-медицинским экспертом я приступил к осмотру места происшествия и трупов. Вскоре к нам присоединился следователь прокуратуры Кировского района Олег Василюк – опытный и спокойный специалист. Картина преступления была до боли знакомой: трупы раздеты, головы проломлены тяжелым тупым предметом, девушка изнасилована, а затем добита тем же предметом. Но одежда и обувь потерпевших исчезли. Видимо, преступник по каким-то неизвестным причинам унес ее с собой.

Разбив территорию Основинского парка на три участка, мы провели тщательный осмотр места происшествия. По окончании осмотра, отправив труп в морг, я выслушал доклад инспектора-кинолога, прорабатывавшего запаховый след преступника. Служебно-розыскная собака «взяла след», но,

пройдя около 100 метров, остановилась возле беседки на краю парка и дальше, несмотря на неоднократные попытки, не пошла. Никаких специальных приемов для устранения запаха преступник не применял. Что же привело к неудаче? Мысль об этом не давала мне покоя, вытеснив на некоторое время все другие, более своевременные, соображения. И вдруг все встало на свои места: я вспомнил, казалось бы, давно забытый эпизод из какой-то приключенческой книги, когда беглецы ушли от погони, сменив по пути обувь, из-за чего опытные следопыты «потеряли следы». Сопоставив странное поведение служебно-розыскной собаки и отсутствие одежды и обуви убитых, я пришел к очевидному выводу, что, отойдя от места убийства, преступник надел ботинки убитого, что помогло ему «запутать следы». Надо было искать брошенную или спрятанную где-то одежду потерпевших. Но главное – необходимо было найти обувь преступника: ботинки или все те же армейские сапоги... Вместе с начальником Кировского райотдела милиции мы разработали план поиска этих вещей, а также последовательность проведения подворно-поквартирных обходов, нацеленных на выявление не только свидетелей, но и потенциальных подозреваемых.

Заключение комплексной судебно-медицинской и трасологической экспертизы было ожидаемым: девушка изнасилована, оба потерпевших убиты одним и тем же тупым предметом, вероятнее всего, тяжелым молотком, по размерам и форме ударной части почти совпадавшим с молотком, найденным на месте убийства Галины Пастуховой. Я сразу объединил эти уголовные дела в одно следственное производство: расследование по обоснованно соединенным делам всегда осуществляется значительно эффективнее. Немедленно была создана следственно-оперативная группа, куда я включил талантливых старших следователей областной прокуратуры Владимира Коратаева и Юрия Соломенцева, следователя прокуратуры Кировского района Олега Василюка и нескольких оперативных сотрудников уголовного розыска. Дело вызвало широкий

общественный резонанс, от проверяющих не было отбоя; чтобы уйти от ненужной опеки и надоедливого любопытства, мы разместили свой «штаб» в городском управлении милиции, подальше от внимательных глаз областного прокурорского и милицейского начальства.

За два дня следственная часть нашей группы допросила десятки свидетелей, а оперативные сотрудники активно работали с агентурой, курировали подворно-поквартирные обходы и поиск вещей потерпевших, наверняка спрятанных вблизи от места убийства. Было ясно, что окровавленную одежду убийца не забрал домой и не нес по улицам города хотя и ранним, но светлым июльским утром.

Нам не везло, но все мы были уверены, что цепь неудач должна вот-вот прерваться. И она, как это иногда бывает, к нашему следственному счастью, внезапно прервалась, да еще очень удивительным образом!

Пока мои коллеги искали и допрашивали свидетелей, по крупицам собирая нужную информацию, я решил проверить, нет ли новых эпизодов преступной деятельности серийного убийцы. Мы были уверены, что два преступных эпизода и три трупа – это серия, которая, полагали мы с тревогой, может быть продолжена. При этом учитывалось, что, возможно, были изнасилования и покушения, не сопровождавшиеся убийствами, которые по понятным причинам (для создания мнимого благополучия), не были зарегистрированы в органах МВД. Поэтому пришлось сосредоточиться на тщательной проверке больниц и травмпунктов.

И тут почти сразу же нам повезло, «открылся фарт», как говаривали в старину уральские золотоискатели. В одну из больниц Кировского района еще 5 июля поступила с тяжелой травмой головы 17-летняя Люда Волостнова. Я немедленно выехал в больницу, изъясил медицинские документы о поступлении потерпевшей и течении ее болезни, а затем подробно допросил почти выздоровевшую девушку.

Люда оказалась очень наблюдательным человеком, она описала напавшего на нее в Основинском парке мужчину: рост, комплекция, примерный возраст (40–45 лет), армейская одежда, сапоги и, что самое главное, транзисторный радиоприемник «Альпинист», который висел на ремешке, переброшенном через плечо. Нападение произошло около половины двенадцатого ночи, когда Люда шла через Основинский парк по освещенной аллее к трамвайной остановке. Вдруг из кустов вышел мужчина и, немного постояв, пошел навстречу. Люда испугалась и побежала, но мужчина догнал ее и потащил в кусты. Люда сопротивлялась, отталкивала мужчину и громко звала на помощь. В какой-то момент Люде удалось вырваться, и она услышала трель милицейского свистка, затем увидела молоток в руке мужчины, почувствовала сильный удар и потеряла сознание. Очнувшись в больнице, голова, несмотря на то что с момента нападения прошло почти две недели, все еще сильно болела. Никто из сотрудников милиции или прокуратуры к ней за это время не приходил. В дополнительной беседе Люда еще раз подтвердила, что на преступнике была какая-то накидка, а через плечо висел радиоприемник «Альпинист». Ошибиться в марке приемника она не могла, поскольку ей недавно на день рождения подарили такой же. Врачи рассказали, что «скорую помощь» вызвала женщина-сторож, которая охраняла какие-то магазины и киоски недалеко от места нападения. Видимо, эта женщина и свистела в специальный милицейский (тревожный) свисток.

Если к следователю приходит удача, то надо действовать быстро и решительно, чтобы сделать все возможное за время этой чудесной «полосы везения», тогда получается все, что ты запланировал, и даже больше. Хотя, может быть, это не просто ниспосланное свыше везенье, а закономерный результат длительной и целеустремленной работы. Как бы то ни было, но, действуя оперативно и даже стремительно, необходимо просчитывать все возможные варианты своих действий, особенно в острых конфликтных ситуациях, чтобы внезапный

контрудар противодействующей стороны не застал тебя врасплох.

Удача действительно не покинула нас. К вечеру того же дня (после допроса Люды Волостновой) в наш временный «штаб» приехал начальник Кировского райотдела милиции вместе с участковым уполномоченным и торжественно, иначе не назовешь, поставил на мой письменный стол вещевой мешок. Я развязал лямки старого солдатского вещмешка и начал вынимать из него мужскую и женскую одежду, косметичку, белье, женские туфли, какую-то мелочь и, наконец, долгожданные мужские ботинки армейского образца. Ботинки были изрядно поношены, что меня очень обрадовало, так как означало, что они могли сохранить индивидуальные особенности носившего их человека.

Я был уверен, что эти ботинки принадлежат преступнику, но решил предъявить все найденные вещи родственникам убитых в Основинском парке молодых людей. Мои коллеги быстро организовали и провели это важное следственное действие, в результате которого полностью подтвердились наши предположения: все вещи принадлежали погибшим молодым людям, за исключением мужских ботинок, несомненно, принадлежавших убийце.

Тем временем я проконсультировался со специалистами научно-исследовательского института ортопедии и травматологии по поводу возможности экспертизы ботинок для получения информации об индивидуальных и групповых особенностях преступника и назначил комплексную экспертизу. В экспертную комиссию я включил двоих специалистов-ортопедов, судебно-медицинского эксперта и главного инженера фабрики «Уралобувь».

Собрав экспертов, я передал им постановление, ботинки и определил примерный срок представления заключения. Через несколько дней оно было готово и поразило меня не только категоричностью, но и необычностью некоторых выводов.

В начале заключения давались вполне объяснимые и понятные положения:

- 1) размер ботинок – 42;
- 2) выделенный из исследуемых объектов пот носителя обуви относится к третьей группе;
- 3) представленная на исследование обувь – ботинки, обычно поставляемые в Вооруженные силы для офицерского состава;
- 4) обувь, представленная на исследование, имеет следующие особенности:

внутренняя поверхность кожи, прилегающая к пальцам, на обеих ботинках имеет сильные потертости;

передняя часть подошвы (носок) немного стерта.

Все эти особенности были хорошо обоснованы в экспертном заключении и не вызывали никаких сомнений и возражений. Однако выводы, которые сделали эксперты из последних двух особенностей, были удивительны. Не меньшее удивление вызвали настойчивость и единодушие всех четырех экспертов.

Первый вывод состоял в том, что возраст подозреваемого – не менее 40 лет (обоснование: небольшие потертости на передней части подошвы обеих ботинок вызваны начинающимся в этом возрасте ослаблением мышц обеих ног, что приводит к частому, но еще не очень сильному стиранию передней части подошв).

Второй вывод экспертов был еще удивительнее. Все они дружно утверждали, что шероховатость на внутренней стороне ботинок вызвана так называемой свилеватостью (скрученностью) пальцев ног. Причем утверждалось, что эта свилеватость не врожденная, а приобретенная в результате длительного ношения определенной обуви, например узких ботинок или сапог с портянками. Поэтому эксперты предположили, что подозреваемый длительное время служил или служит в армии.

Несмотря на вероятностный характер этих выводов, я согласился с ними и уточнил поисковый портрет преступника, тем более что эти уточнения не расходились с составленным нами словесным портретом подозреваемого.

Попутно эксперты по хорошо известной криминалистической таблице определили примерный рост человека – около 174 сантиметров (длину ботинок (290 миллиметров) надо умножить на усредненный коэффициент (6): $290 \cdot 6 = 1740$ миллиметров).

Но самой главной находкой, обнаруженной в чудесном вещевом мешке, были даже не ботинки подозреваемого, а маленький клочок, оторвавшийся от страницы какого-то журнала. Я буквально вцепился в этот клочок, перефотографировал его на 15 или 20 раз и немедленно отправил эти фотокопии во все библиотеки города вместе с официальным письмом, где содержалась убедительная просьба установить журнал или другое издание, содержащее текст, напечатанный на обрывке листа. Пока проводилась комплексная экспертиза по ботинкам, члены нашей следственно-оперативной группы постоянно звонили в библиотеки и поторапливали сотрудников с выполнением этого задания, а также продолжали допросы свидетелей, в том числе женщины, спасшей Люду Волостнову.

Через три дня, показавшихся мне вечностью, наконец раздался телефонный звонок, и женщина-библиотекарь совершенно спокойно и обыденно сказала, что поступивший текст напечатан в журнале «Работница», во втором номере за 1965 год, на страницах 17–18. Я горячо поблагодарил скромных сотрудников библиотеки и, распорядившись изъять журнал в каком-то расположенном поблизости от нашего «штаба» солидном учреждении, убедился в правильности полученного сообщения.

Немедленно был разработан план дальнейшей работы. Журнал «Работница» относился к числу так называемых лимитированных изданий, его получателями были лишь ответственные работники партийных, советских, военных, профсоюзных и прочих руководящих и обеспечивающих органов, а точнее, жены таких работников. Это обстоятельство облегчало нашу задачу и делало ее весьма перспективной. Были немедленно истребованы на Главпочтамте списки подписчи-

ков журнала за 1965 год. Подписчиков оказалось несколько сотен, но для ускорения их проверки мы решили применить два ограничивающих критерия. Во-первых, начать проверку с подписчиков, проживающих в Кировском районе Свердловска (два нападения из трех совершены на территории этого района). Во-вторых, в первую очередь проверять подписчиков-военнослужащих. Применение этих двух критериев позволило сузить первоначальное число до 10–12 человек.

Постановка конкретной цели и страстное стремление ее достичь как можно скорее до предела повысили эффективность следственной и, особенно, оперативной работы. Раньше 11–12 часов ночи никто из нашей следственно-оперативной группы домой не возвращался. Кроме того, были привлечены к проверке несколько опытных оперативников из городского управления МВД и Кировского райотдела милиции. В ходе проверки особо учитывались известные отличительные признаки, позволяющие установить преступника: странная для жаркого лета одежда и, главное, транзисторный радиоприемник «Альпинист». Через двое суток напряженной работы появился первый (и последний) конкретный подозреваемый – Кононенко Алексей Петрович, 1925 года рождения, майор, служащий в Вооруженных силах 22 года, окончивший Академию химической защиты, старший военпред. Характеристика для награждения, но никто из нас не сомневался в правильности выбора: уж очень много было косвенных доказательств, которые объединялись в стройную логическую систему. Хочу подчеркнуть, что опрошенные негласно соседи А. П. Кононенко сообщили оперативникам о его странном поведении: часто бродит по ночам, одевается явно не по погоде, возвращается домой поздно, ходит с транзисторным приемником. Все становилось на свои места. Надо было действовать быстро и решительно.

Вся наша группа выехала для задержания Кононенко. Мы уже знали, что в трехкомнатной квартире он живет вместе с женой и тремя детьми, однако застали семью не в полном составе. Оказалось, что за несколько дней до нашего появ-

ления А. П. Кононенко вместе с сыном (от умершей десять лет назад первой жены) уехал к родным в Харьков. Пришлось провести обыск в его отсутствие. В комнатах, на кухне и в других помещениях ничего важного для уголовного дела обнаружено не было. Но в последней маленькой комнатухе без окон (так называемая тещина комната), закрытой на два сложных и прочных замка, которые пришлось взламывать (ключи не было), нас ожидал сюрприз. В одном из подвесных ящичков, где были сложены различные фотопринадлежности, мы обнаружили документы (паспорта и пропуск на завод), принадлежавшие убитым в Основинском парке молодым людям, а также золотое кольцо с небольшим драгоценным камнем, впоследствии опознанное матерью и мужем Галины Пастуховой как кольцо их дочери и жены.

В тот же день были составлены и направлены в МВД Украины подробная ориентировка о розыске А. П. Кононенко и постановление о его задержании, аресте и этапировании, санкционированные прокурором Свердловской области¹.

Ожидая ответа из управления МВД Харьковской области, я неоднократно звонил в отдел уголовного розыска, требуя скорейшего исполнения следственных поручений. Мы опасались, что обнаглевший от безнаказанности убийца продолжит кровавую серию. И не ошиблись! Из МВД Харьковской области нам сообщили, что Кононенко оставил сына у своих родителей и выехал «отдыхать к морю» в неизвестном направлении. Кроме того, коллеги из харьковской милиции передали срочную информацию: на территории их области, а также вблизи Одессы за последние четыре дня произошли изнасилования и убийства двух молодых женщин. Не исключено, что эти преступления совершил разыскиваемый нами Кононенко.

В служебных документах Кононенко, кроме его положительных характеристик и прочих сведений, имелись данные и о том, что у него третья группа крови, что совпадало с групповой принадлежностью спермы, обнаруженной в ходе судебно-медицинской экспертизы изнасилованных и убитых им женщин в Свердловской области и на Украине.

Все необходимые следственные действия были выполнены, и я с тревогой и надеждой ждал сообщений от украинских коллег. Разумеется, осуществлялся негласный контроль за почтовой, телеграфной и телефонной связью родных и близких Кононенко как на Украине, так и в Свердловске. В связи с выполнением всех пунктов плана производства следственно-оперативных действий и мероприятий нашу дружную группу пришлось «распустить», а я остался один с целой кипой документов. Оставалось ждать вестей с Украины и обеспечить информационную изоляцию Кононенко, чтобы он не узнал о раскрытии совершенных им преступлений и его розыске. Опасаясь, что А. П. Кононенко может выехать за пределы Украины, я вынес постановления о его всесоюзном розыске и задержании и направил соответствующие документы в МВД СССР.

Ранним утром 25 или 26 июля 1965 года мне позвонили домой из дежурной части УВД Свердловской области и сообщили о задержании в Геническе Херсонской области А. П. Кононенко. Хотя было только шесть часов утра, я связался с заместителем начальника отдела уголовного розыска области, который по своей линии курировал все розыскные мероприятия, и мы договорились встретиться в восемь часов в его кабинете, чтобы составить план дальнейших действий и мероприятий.

В тот же день вместе с тремя оперативными сотрудниками УВД области я вылетел в Одессу, а оттуда на служебном автомобиле, любезно предоставленном нам одесской милицией, вся наша группа добралась до Геническа. Там я узнал очередную печальную новость: Кононенко совершил еще одно аналогичное преступление, затем перебрался в Геническ, где его наконец-то задержали на пляже, когда он «ухаживал» за очередной жертвой. Еще до прибытия нашей следственно-оперативной группы в Геническ сотрудники местной прокуратуры допрашивали Кононенко по украинским эпизодам преступлений, но, так как в распоряжении следователей почти не было доказательств, подозреваемый не признал себя виновным, требовал немедленного освобождения, свидания с военным прокурором, писал жалобы министру обороны и Генеральному прокурору

СССР. После того как следователи предъявили ему документы, поступившие из Свердловской области, Кононенко замолчал и отказался отвечать на любые вопросы. Через некоторое время он объявил голодовку и стал требовать врача и адвоката. Поэтому наше появление в Геническе чрезвычайно обрадовало местных коллег, уставших выслушивать многочисленные требования Кононенко и вежливо отвечать на них, ссылаясь на скорое прибытие следователей из Свердловска.

Наше первое свидание с Кононенко состоялось под вечер, почти сразу же после моего приезда в Геническ. Я ожидал от него самого упорного и отчаянного сопротивления, но никакого противодействия преступник не оказал. После предъявления целого комплекса доказательств (заключений экспертиз, протоколов обыска и осмотра изъятых у него на квартире документов убитых им в Основинском парке молодых людей и кольца Галины Пастуховой) Кононенко сник и, кажется, стал меньше ростом. Каким-то неожиданно изменившимся, срывающимся от страха голосом он стал спрашивать о своей грядущей судьбе. Мне ничего не оставалось, как сообщить ему о единственном шансе – одном из тысячи – сохранить свою жизнь: сотрудничать со следствием.

Прежде чем приступить к допросу Кононенко, я в соответствии с законом объявил ему основания задержания, но лишь в самом общем виде, без конкретики, поскольку был убежден, что следствию известно не обо всех совершенных им преступлениях. Поэтому я только кратко сообщил, что А. П. Кононенко подозревается в совершении изнасилований и убийств на территории РСФСР и Украины.

Допрос подозреваемого происходил с учетом конкретной следственной ситуации по наиболее оптимальной тактической схеме: от хорошо доказанных эпизодов к менее доказанным, а затем, используя поисково-разведывательные приемы, к еще неизвестным преступным деяниям. Поэтому, нарушив хронологию, я вначале допросил Кононенко об убийстве и изнасиловании в Основинском парке, затем обстоятельно и подробно выяснил все обстоятельства, связанные с преступлени-

ем на озере Песчаном. После перешел к нападению на Люду Волостнову, но не поставил на этом эпизоде «точку», а, выдержав тактическую паузу, как бы между прочим поинтересовался: «Перейдем сейчас к вашим „делам“ на Украине или же закончим с остальными делами в Свердловске?» Кононенко ответил, что лучше закончить с эпизодами в Свердловске, тем более что ему осталось рассказать лишь об одном неудачном (для него) нападении, совершенном в районе озера Шарташ в конце июня 1965 года. Он подробно рассказал о покушении на изнасилование молодой женщины, ехавшей на велосипеде. Кононенко выскочил из кустов, опрокинул велосипед, набросился на упавшую на землю женщину, пытаясь оттащить ее с дороги. Женщина сопротивлялась, кричала, и в это время из-за поворота выехала группа велосипедистов. Преступник испугался и убежал в сторону трамвайной остановки.

Допрос по украинским эпизодам проходил по такой же тактической схеме: от известного к менее известному, тем более что об обстоятельствах совершения им в этой союзной республике преступлений я знал очень мало. Однако Кононенко, не догадываясь о моем незнании, довольно подробно рассказал о многих обстоятельствах трех нападений на женщин. Допрос подозреваемого длился около четырех часов с очень коротким перерывом. В заключение допроса я спросил Кононенко о причинах его преступного поведения, мотивах совершения особо тяжких и отвратительных для психически нормального мужчины преступлений.

Кононенко немного помолчал, а затем, усмехнувшись и как-то по-особому взглянув на меня, неожиданно ответил: «А я ненормальный мужчина, я психически больной, невменяемый, и меня не расстреляют, не надейтесь!» Меня передернуло от его наглости и уверенности в безнаказанности, но я сдержал себя, вызвал конвоира и приказал: «Наденьте наручники на этого... и отведите его в камеру».

На следующий день по телефону я поставил в известность обо всех обстоятельствах этого сложного дела главного военного прокурора СССР и получил от него согласие на транс-

портировку А. П. Кононенко в Свердловск и производство не терпящих отлагательства следственных действий. Доброзжелательные коллеги из милиции Геническа выделили нам служебный автомобиль с водителем, и мы вместе с подозреваемым с комфортом доехали до Одессы. Оттуда самолетом «Аэрофлота» прибыли в родной Свердловск. А. П. Кононенко сразу же поместили в следственный изолятор (СИЗО), при этом я письменно предупредил администрацию этого серьезного учреждения о необходимости сохранения в неприкосновенности пышной шевелюры подозреваемого, чтобы обеспечить оптимальные условия для его опознания оставшимися в живых потерпевшими и возможными свидетелями.

До прилета представителей Главной военной прокуратуры оставалось несколько дней, которые я использовал для проверки показаний подозреваемого на месте совершения им преступлений. Во время этих следственных действий Кононенко проявлял полную лояльность, подробно поясняя все свои преступные действия и поступки, вызывая этим неподдельный ужас не только у понятых, но и у конвоиров. Затем я провел очную ставку между Людой Волостновой и Кононенко, хотя особой необходимости в этом не было, но по тактическим соображениям ее производство было бесполезно.

В первых числах августа в Свердловск прилетел старший следователь по особо важным делам Главной военной прокуратуры в звании капитана первого ранга, я передал ему подшитое и пронумерованное уголовное дело для дальнейшего расследования. Впоследствии мне стало известно, что, несмотря на все уловки Кононенко и умелую симуляцию психического заболевания, уйти от самого сурового наказания ему не удалось.

---

¹ В связи с чрезвычайной срочностью указанного мероприятия я не стал обращаться в военную прокуратуру, чем нарушил установленную законом последовательность.

СТРАНИЦА ДВЕНАДЦАТАЯ
«РАСКРЫТИЕ УБИЙСТВА
СЛЕДСТВЕННЫМ ПУТЕМ
(ХОТЯ ЭТО И НЕЖЕЛАТЕЛЬНО)...»

Это был обычный рабочий день прокурора-криминалиста: я изучал приостановленное два года назад следователем одного из районов Свердловска уголовное дело об убийстве, сопряженном с изнасилованием. Ситуация выглядела довольно запутанной, но не безнадежной, удалось выявить даже не одну, а несколько интересных зацепок, каждая из которых с разной вероятностью могла привести к раскрытию преступления. Вместе со следователем районной прокуратуры мы приступили к составлению плана следственных и оперативно-розыскных действий. Я радовался, что смогу помочь коллегам раскрыть этот серьезнейший «висяк»¹, и работал с воодушевлением. И в этот момент раздался телефонный звонок...

Я снял трубку и услышал голос Георгия Александровича Журавлева, заместителя прокурора области. Всегда спокойный и сдержанный, на этот раз он был явно взволнован и говорил в несвойственной для него командной манере: «Изучаешь старые дела? Бросай все и включайся в раскрытие убийства таксиста Беркутова... Хотя нет, лучше возьми все материалы в прокуратуре Ленинского района, принимай его к производству немедленно, сформируй следственно-оперативную группу и раскрой это преступление во что бы то ни стало!» Несмотря на различия в должностном положении, с Георгием Александровичем мы были на «ты», но это никоим образом не влияло на четкое и безусловное исполнение служебных обязанностей. Поэтому я ответил: «Уже еду...» Но все-таки поинтересовался: «Почему такая спешка?» И получил исчерпывающий ответ: «С момента убийства прошло более трех дней, в прокуратуре района, кроме протокола осмотра, заключения судебно-медицинской экспертизы и протоколов допро-

сов жены и матери убитого, нет ничего. Сегодня состоялись похороны Беркутова, и его сослуживцы-таксисты устроили „демонстрацию“: около зданий обкома КПСС, областного управления МВД и областной прокуратуры останавливались 25–30 автомобилей и сигналили минут по пять. Понимаешь ситуацию... Из административного отдела обкома партии звонили уже несколько раз и от имени первого секретаря требовали принять все меры к раскрытию убийства, а в прокуратуре района „не шьют, не порют“... Тебе все ясно?» Все стало ясно, а уже через 10–15 минут я был в районной прокуратуре и убедился в том, что Георгий Александрович прав.

За трое суток фактически не было сделано ничего для раскрытия убийства: план расследования отсутствовал, версии не выдвинуты, взаимодействие с сотрудниками уголовного розыска не организовано, никакие поручения оперативникам ни в устной, ни в письменной форме не давались. Я, конечно, не сдержался и выругался достаточно нелитературно. Прокурор и следователь, несмотря на резкость моих выражений, промолчали. Я взял тоненькую папку с материалами дела и поехал в свой кабинет в областной прокуратуре. Наступило обеденное время, но мне было не до еды. 30–40 минут вполне хватило на изучение нескольких листочков и составление плана первоначальных действий. Прежде чем создать следственно-оперативную группу, я решил дополнительно осмотреть место происшествия и провести подворно-поквартирный обход в домах, расположенных вблизи места происшествия, чтобы выявить хоть каких-нибудь очевидцев.

Но сначала я изучил вещи, обнаруженные при осмотре трупа. В маленьком полиэтиленовом пакете находились связка ключей, 40 рублей различными купюрами, документы и маленький молоток с металлической рукояткой из автомобильного набора инструментов. Ударная часть была окровавлена. В протоколе осмотра отмечалось, что молоток обнаружен в правой руке убитого таксиста.

С учетом предварительной, хотя и недостаточной информации я смоделировал вероятную картину преступления и отправился на место убийства. Оно находилось в нескольких минутах ходьбы от здания облпрокуратуры, на углу улиц Малышева и Шейнкмана. В середине 1960-х годов на этом месте находилось скромное двухэтажное жилое здание. Разумеется, никаких новых следов преступления я не обнаружил, но стал значительно лучше ориентироваться: Беркутов шел по нечетной стороне улицы Малышева по направлению к улице Московской; подойдя к улице Шейнкмана, он столкнулся с убийцей. Произошло это около девяти часов, довольно светлым июльским вечером. Поэтому я вполне обоснованно рассчитывал на успешные поиски очевидцев преступления.

В практике оперативно-розыскной деятельности широко используется эффективный поисковый прием – подворно-поквартирный обход домов, расположенных вблизи от места происшествия, который сочетается с оперативно-розыскным мероприятием – опросом выявленных очевидцев. Мои надежды оправдались почти сразу. Уже во второй квартире, окна которой выходили на улицу Малышева, меня встретила пожилая женщина и, узнав, что я сотрудник областной прокуратуры, не ожидая моих вопросов, начала подробно рассказывать об обстоятельствах происшествия, свидетелем которого она стала.

Анна Павловна Дегтярева, так звали эту замечательную свидетельницу, в тот злополучный вечер ждала возвращения внучки-старшеклассницы, которая ушла со знакомым 16-летним парнишкой в кинотеатр, и почему-то очень волновалась. В те времена родители, а тем более бабушки, очень внимательно относились к воспитанию детей и внуков. Лида, внучка Анны Павловны, обещала прийти к восьми часам, но опаздывала, и бабушка сначала смотрела в окно, а затем, около половины девятого, вышла на улицу и стала ожидать Лиду там.

Минут через 10–15 она увидела высокого мужчину с включенным транзисторным радиоприемником в руках. Он шел

в сторону улицы Московской. Когда мужчина почти поравнялся с Анной Павловной, к нему со стороны улицы Шейнкмана подскочили четверо молодых парней, лет 17–18, и стали отнимать радиоприемник (судя по описанию свидетельницы, это был транзисторный радиоприемник-проигрыватель марки «Романтик», по тем временам довольно приличный и очень модный среди молодежи). Женщина услышала ругань и угрозы, требования парней отдать им приемник, а затем заметила в руках одного из них нож.

Анна Павловна очень испугалась, но не могла убежать с этого страшного для нее места. «Стояла как вкопанная», – почему-то смущенно объяснила она. Парни вырвали у мужчины радиоприемник, и в этот момент мужчина быстро вытащил из кармана куртки какой-то небольшой молоточек. Увидев этот предмет, трое парней отбежали в сторону, а четвертый, наоборот, подскочил и ударил мужчину ножом в грудь. Мужчина зашатался, но, падая, успел ударить преступника молотком по голове. Все четверо нападавших быстро побежали в сторону Центрального стадиона, один из них нес приемник. Все эти события произошли очень быстро, в течение одной-двух минут. Анна Павловна позвонила из уличного телефона-таксофона в милицию и пункт «скорой медицинской помощи» и подошла к мужчине. Он лежал на спине, куртка была в крови. Вокруг стал собираться народ, подъехала автомашина «скорой помощи», затем появилась милиция. В это время Анна Павловна увидела свою внучку, схватила ее за руку и увела в квартиру.

Выслушав подробный рассказ Анны Павловны, я задал ей несколько вопросов об основных признаках внешности, одежде и каких-либо особых приметах. Свидетельница сказала, что все нападавшие были среднего роста, крепкого телосложения и одеты в одинаковую одежду, похожую на форму учащихся ГПТУ². Именно это дополнение стало особенно ценным в поисковом отношении.

Составив протокол допроса Анны Павловны, я обошел жильцов других квартир этого дома, опросил их по интересующим меня вопросам, но более никакой полезной информации не получил. Вернувшись в областную прокуратуру, я проанализировал все имеющиеся данные и попытался создать мысленную модель поведения убийц. Преступление было совершено вечером в пятницу, когда после окончания занятий все учащиеся «отпущены» на выходные дни. Видимо, молодые люди решили погулять и направились в центр города. Шли они по улице Малышева... Но откуда они шли, на каком транспорте приехали почти в центр города, где находится их училище? На эти вопросы я сразу ответить не мог. Я позвонил в областное управление трудовых резервов, чтобы узнать дислокацию училищ в городе. В ходе короткого разговора с заместителем начальника управления попросил срочно выслать мне карту Свердловска с точным указанием расположения этих заведений.

К концу рабочего дня мне доставили карту и подробную справку, характеризующую все ГПТУ нашего города. При анализе я опирался не только на известные, но и на предполагаемые исходные данные и моделировал возможное поведение преступников и свои действия:

1) четверо молодых людей после окончания занятий и ужина в столовой училища примерно в восемь часов вечера отправились в центр города в поисках развлечений и приключений;

2) молодые люди шли по улице Малышева к центру города со стороны Центрального стадиона;

3) после совершения разбойного нападения и убийства Беркутова преступники изменили маршрут и быстро скрылись в сторону того же Центрального стадиона (побежали восвояси);

4) можно предполагать, что преступники вернулись в училище – наиболее подходящее место для того, чтобы укрыться от разоблачения и ареста;

5) около Центрального стадиона находится автобусная остановка, при этом один из трех или четырех автобусных маршрутов, проходящих на этой остановке, идет до Широкореченского торфяника, где расположено одно из ГПТУ, готовящее механизаторов для торфоразработок;

6) из показаний свидетеля Дегтяревой и наличия на молотке следов крови следовал вывод, что на голове преступника есть (с большой степенью вероятности) повреждение (важнейшее доказательство);

7) если преступники принесли отнятый у Беркутова радиоприемник в училище, то его можно обнаружить и изъять (важнейшее вещественное доказательство), а также получить подтверждающие это обстоятельство показания свидетелей и самих подозреваемых;

8) возможно, что раненый убийца обратился в медпункт училища за помощью, о чем имеется запись в журнале, поэтому нужно допросить врача;

9) о ранении одного из преступников может быть известно сотрудникам и руководству, а также курсантам училища, т. е. можно легко расширить свидетельскую базу;

10) установив убийцу, можно следственным и оперативным путями выяснить, с кем он уехал в город, а впоследствии совершил преступление;

11) об этом же обстоятельстве можно узнать от самого убийцы;

12) в ГПТУ существует журнал учета увольнений, где фиксируется время отсутствия курсантов в училище (замечательное доказательство).

Разумеется, большинство из этих 12 положений представляли собой вероятностные выводы, но версия о совершении разбойного нападения и убийстве Беркутова четырьмя учащимися ГПТУ, находящегося на Широкореченском торфянике, была довольно перспективной, а план, составленный на основе приведенных выводов, являлся, на мой взгляд, оптимальным для раскрытия особо тяжкого преступления.

Я разработал детальный план раскрытия убийства, особо выделил первоначальные (самые неотложные) следственные действия и посмотрел на часы. Они показывали уже 20 часов 30 минут. С момента убийства прошло ровно четверо суток. В прокуратуре уже никого не было, все мероприятия, даже самые неотложные, к сожалению, пришлось отложить на утро следующего дня. Перед уходом домой я все-таки позвонил в городское управление уголовного розыска, где знал почти всех сотрудников, но по несчастливому стечению обстоятельств все они, по сообщению ответственного дежурного, находились на очередных стрельбах на полигоне. Я позвонил домой заместителю прокурора области Г. А. Журавлеву и договорился, что утром он выделит мне автомобиль и водителя, который будет готов к восьми часам.

На следующее утро я был в гараже прокуратуры около восьми часов. Наш сверхисполнительный водитель Александр Сергеевич, с которым я несколько раз ездил в краткосрочные командировки, уже ждал меня. Он прекрасно знал город и его окрестности и быстрее всех современных навигаторов «вывел» наш автомобиль к зданию ГПТУ № 16.

Была среда – самая середина учебной недели. На месте оказалось все руководство училища. Я представился директору, очень приятному и деловому человеку, и, на всякий случай не говоря о причине своего внезапного появления, попросил провести меня в медпункт. Врачебные кабинеты были по тем временам очень хорошо оборудованы. Я сразу попросил у врача журнал регистрации посещений и на самой последней странице прочел заинтересовавшую меня запись: «Урванов Николай Сергеевич обратился по поводу рваной раны кожи головы, рана обработана, сделана перевязка, предложено обратиться вторично утром в субботу. Время и дата обращения – пятница, 22 часа 30 минут». Врач на допросе показал, что, пока фельдшер обрабатывал рану, в коридоре Урванова ожидали трое его приятелей. Врач добавил, что ни в субботу, ни в последующие дни Урванов в медпункт не обращался.

В присутствии понятых я изъял последний лист журнала регистрации с записью о травме Урванова, пригласил врача зайти в кабинет директора училища через 30 минут, а сам отправился на проходную, где с соблюдением всех норм уголовно-процессуального законодательства изъял журнал регистрации увольнений учащихся. В протоколе выемки и осмотра этого журнала я специально отразил данные о том, что в пятницу ушли в увольнение в 19 часов 45 минут учащиеся Н. С. Урванов, И. П. Покровский, Ф. П. Семенов, И. К. Федосеев. Эта же «великолепная четверка» возвратились в училище в 22 часа 10 минут. Прочие учащиеся уходили и возвращались в училище в другое время. Все стало совершенно ясно. Криминальный «квартет» был установлен.

В кабинете директора я допросил троих учащихся, кроме Урванова, который срочно уехал домой на неделю, якобы в связи с болезнью матери. Все трое почти без всяких моих тактико-психологических приемов правдиво рассказали об обстоятельствах разбойного нападения и убийства неизвестного им мужчины. Они дружно обвинили во всех смертных грехах организатора нападения Урванова, который был на год старше их и даже судим за хулиганство в одном из отдаленных районов Тюменской области (приговорен к условной мере наказания). Кроме того, подозреваемые принесли мне радиоприемник «Романтик», изъятие которого я оформил как добровольную выдачу, и приобщил его к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства.

Вторично допросив врача о времени перевязки и характере раны Урванова, о том, кто именно сопровождал его в медпункт, я приказал директору училища завтра же доставить в прокуратуру области объективные характеристики на всех участников этого особо тяжкого преступления. Строго предупредив троицу подозреваемых о необходимости «хорошего поведения», я удобно разместил плачущих 16-летних подростков в автомобиле, и мы очень быстро доехали до Ленинского райотдела милиции. Там я вынес постановление о задержа-

нии подозреваемых, с облегчением сдал их дежурному, дав указание об обязательном раздельном содержании и отразив это обстоятельство в протоколе задержания.

В кабинете начальника Ленинского райотдела, куда срочно вызвали руководителей отдела уголовного розыска, мы быстро договорились о проведении оперативной работы с подозреваемыми, задержании и этапировании Урванова и других неотложных действиях. Преступление было раскрыто, обработанные этим руководители райотдела угостили меня каким-то очень крепким чаем. Подозреваю, что благодарные хозяева добавили в него что-то эксклюзивное. Было около пяти часов вечера, и я решил сразу же завершить работу по этому уголовному делу. Все официальные материалы (протоколы допросов, выемки и осмотра документов, постановление о задержании), а также планы дальнейших действий я передал прокурору Ленинского района. Он немедленно вызвал следователя и, отругав его за бездействие, распорядился отложить все дела и быстро завершить работу по уже фактически раскрытому убийству Беркутова.

Рабочий день закончился, было уже начало седьмого. Я позвонил Г. А. Журавлеву, он еще сидел в своем рабочем кабинете и, как мне показалось, очень ждал моего звонка. Я с удовольствием доложил ему о раскрытии этого очень «актуального» преступления (так тогда называли в партийных «верхах» «громкие» уголовные дела). Георгий Александрович обрадовался, искренне, по-товарищески поблагодарил меня и попросил завтра зайти к нему и поподробнее рассказать все детали расследования.

Нашего уставшего и перенервничавшего водителя Александра Сергеевича я отпустил пораньше, поэтому поехал домой на хорошо работавшем тогда общественном транспорте.

Разумеется, по этому делу я не все делал правильно: сам «этапировал» преступников в райотдел милиции, не «подключил» оперативных сотрудников к поиску очевидцев и их предварительному опросу... Но «победителей не судят».

Я также сделал определенные выводы из этого дела, однако тактический риск очень часто сопутствует предварительному следствию, это закономерно. Поэтому не уход от риска, а его минимизация и подготовка резервных вариантов действий должны всегда предусматриваться следователем, чтобы он мог выйти победителем в остром противоборстве с самыми изощренными тактическими противниками.

---

¹ На профессиональном сленге следователей и оперативных сотрудников «висяком» называется нераскрытое преступление.

² ГПТУ – государственное профессиональное техническое училище (система подготовки трудовых резервов для различных отраслей народного хозяйства).

*СТРАНИЦА ТРИНАДЦАТАЯ
«ПОИСКОВАЯ ФУНКЦИЯ
СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ»*

Труп Алимджана Махмутова, директора школы из далекого узбекского Андижана, обнаружили ранним утром 3 мая 1966 года около входа в парк имени Павлика Морозова, расположенный в Октябрьском районе Свердловска. Дежурный следователь «выдернул» меня из дома, и через несколько минут бешеной езды на милицейском «газике» я оказался в «гуще событий». Сначала мы с судебно-медицинским экспертом дотошно осматривали труп потерпевшего, а затем вместе с оперативными работниками милиции внимательно проводили осмотр места происшествия, действуя по известному криминалистическому правилу «от центра (в данном случае – от трупа) – к периферии». Осмотр места происшествия – одно из моих любимых следственных действий, и я никогда не жалел времени на его проведение, прекрасно понимая, какое значение он имеет в раскрытии самых сложных преступлений. Убийство А. Махмутова (его личность установили по валявшемуся на земле паспорту), по всей видимости, было сопряжено с разбойным нападением: смертельный удар нанесен в шею узким ножом с двусторонней заточкой и длиной лезвия не менее 11 сантиметров; вокруг трупа, лежавшего на спине, были разбросаны монеты.

Сотрудники милиции, проводившие осмотр территории за границами места происшествия, обнаружили на углу улиц Белинского и Декабристов два одинаковых мужских носовых платка с полузасохшими мазками крови. Платки сразу же приобщили к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств. По следам, очень похожим на кровь, я назначил судебно-биологическую экспертизу. Судебно-медицинский эксперт с учетом ранних трупных явлений определил, что со времени наступления смерти прошло

не менее двух часов, т. е. потерпевшего убили примерно в 3 часа 30 минут.

Сотрудники Октябрьского райотдела милиции, проводившие обход ближайших жилых домов, учебных и официальных зданий, примыкающих к месту происшествия, с целью установления очевидцев, выявили вахтера госуниверситета, который показал следующее: «Около половины четвертого утра я вышел на крыльцо университета, чтобы покурить. Минуты через две со стороны улицы Белинского, примерно в 15 метрах от меня, в сторону парка Павлика Морозова прошли трое мужчин. Мужчина, шедший посередине, был очень высокого роста и крепкого телосложения. Двое других – среднего роста и средней комплекции. Они смеялись и о чем-то разговаривали. Высокий парень подошел ко мне, попросил сигарету, прикурил от моей зажигалки, поблагодарил и побежал догонять друзей». Допрос вахтера я закончил около девяти часов. В это время к месту происшествия подъехал начальник отдела уголовного розыска Октябрьского райотдела милиции, которому я поручил выяснить всю информацию о потерпевшем Махмутове, включая цель его прибытия в Свердловск и место проживания в нашем городе.

Приехав в городское управление милиции, я договорился с его руководством о создании следственно-оперативной группы. В нее вошли я и двое сотрудников уголовного розыска: майор Виктор Толмачев и капитан Андрей Васильев. Первому я поручил курировать выполнение задания оперативниками Октябрьского райотдела, а со вторым (нам выделили два служебных автомобиля с рациями) выехал в линейный отдел милиции аэропорта Кольцово.

Работа предстояла нелегкая, но удача сопутствовала нам. Буквально через 30–40 минут по документам прилета пассажиров мы установили, что Алимджан Махмутов прибыл ташкентским рейсом вечером 28 апреля. Его багаж состоял из четырех больших сумок. Сотрудница, проводившая досмотр пассажиров, вспомнила Махмутова, едва взглянув на фотографию (увеличенную с паспорта). Она даже улыбнулась и про-

изнесла: «Очень воспитанный мужчина, он подарил мне три розы, которые вынул из маленького чемоданчика».

Я записывал ее показания, когда позвонил майор Толмачев и сообщил, что жена Алимджана Махмутова (он только что разговаривал с ней) сказала ему, что муж улетел в Свердловск продавать ранние цветы перед майскими праздниками и хотел вернуться домой 5–6 мая. В Свердловске его должен был встретить их знакомый Марат Хусаинов (вместе с ее братом он когда-то отбывал наказание в одной из колоний Казахстана). Толмачев уже установил несколько Маратов Хусаиновых, но ни один из них не был судим и не знал ни Алимджана Махмутова, ни его жену, ни ее брата Алискера Хамадиева. Виктор Толмачев немедленно связался с Андижанским областным УВД и попросил допросить Алискера Хамадиева и узнать все о его приятеле, который должен был встречать Махмутова в Кольцово. Я поблагодарил майора за инициативу и попросил его к пяти часам вечера быть в морге, где будет проводиться судебно-медицинская экспертиза трупа А. Махмутова и куда подъеду я с капитаном Васильевым. Благодаря активной помощи сотрудников линейного отдела милиции аэропорта Кольцово все запланированные мероприятия мы выполнили к двум часам дня.

Успев пообедать в ресторане аэропорта, мы уже в четыре часа дня приехали в судебно-медицинский морг. Там я уточнил некоторые вопросы, поставленные перед экспертом. На вскрытии трупа (процедура, мягко выражаясь, «не из приятных») присутствовал только я, мои коллеги ушли курить на улицу. Опытный эксперт полностью подтвердил выводы, сделанные при наружном осмотре трупа: потерпевший убит между тремя часами и половиной четвертого утра ударом ножа с двусторонней заточкой и длиной клинка не менее 11 сантиметров, удар нанесен в шею сзади, сверху вниз, убийца, вероятнее всего, левша и высокого роста.

Больше всего меня интересовали вопросы, связанные с принятием потерпевшим алкоголя и пищи, поскольку отве-

ты на них не только имеют доказательственное значение, но и часто служат прекрасным ориентиром для поиска преступников. К счастью, ожидание меня не обмануло. По заключению эксперта потерпевший примерно за полтора-два часа до наступления смерти выпил красного вина (200–250 граммов) и съел большую порцию мяса (в желудке обнаружены длинные кусочки). Для консультации по данным «гастрономическим изыскам» я отправил усиленно куривших Толмачева и Васильева в ресторан «Ермак» за знакомым шеф-поваром.

Оба офицера поручение восприняли с воодушевлением и уже через 40–50 минут опытный шеф-повар, внимательно рассмотрев не успевшее перевариться мясо, сообщил: «Потерпевший съел большую (ресторанную) порцию лангета (мясное блюдо из тонких длинных кусочков говяжьей вырезки), приготовленного в ресторане или кафе, готовка в домашних условиях исключается». Поблагодарив знакомого за помощь, мы довезли его до ресторана «Ермак» и узнали, что работает смена, которая обслуживала посетителей с шести часов вечера 2 мая. Мы решили показать всем сотрудникам (швейцарам, гардеробщицам, официантам и буфетчицам) фотографию потерпевшего. Однако никто из них не опознал его, видимо, Махмутов в ресторан не заходил, кроме того, знакомый шеф-повар твердо заявил, что лангет в их ресторане 2 мая не готовили.

Несмотря на усталость, мы продолжили проверку других ресторанов, предлагая внимательно рассмотреть фотографию Махмутова и вспомнить, был ли он в их заведении в ночь со 2 на 3 мая. Везде нам отвечали отрицательно, но мы не отчаивались, надеясь раскрыть преступление после установления человека, встречавшего Махмутова в аэропорту Кольцово.

Утром, встретившись с Толмачевым и Васильевым в городском управлении милиции, я попросил Виктора Толмачева вновь связаться с Андиганом и уточнить данные о мужчине, который встречал А. Махмутова. Сам же я позвонил начальнику производственного отдела треста ресторанов и кафе и узнал режим работы кафе. Обычно они работали до 11 часов

вечера, но 2 мая кафе Дома работников искусств закрылось в час ночи в связи со спецобслуживанием спортсменов, участвовавших в эстафете на приз газеты «Уральский рабочий». Получив столь важную информацию, мы решили начать проверку именно с этого кафе.

Было еще рано, кафе не работало, но все сотрудники были на местах и занимались в основном уборкой помещений. Нас сразу же пропустили, и я, кратко представившись, предъявил фотографию Махмутова пожилому швейцару и молоденькой гардеробщице. Оба внимательно рассмотрели фотографию и заявили, что узнали «самого позднего посетителя». Затем они пояснили, что около часа ночи он вместе с двумя мужчинами зашел в кафе и попросил их обслужить. Одного из пришедших вместе с Махмутовым мужчин сотрудники знали, он часто заходил к ним вместе с молодой женщиной, хорошей знакомой их буфетчицы. Поэтому пропустили всех троих в зал, где их обслужили официантка Рита и буфетчица Нина.

Я допросил обеих женщин, и они дали одинаковые показания. Среди пришедших они знали некоего Хасана – мужа администратора кафе «Театральное» Веры Седовой (ранее она работала вместе с ними). Хотя кафе Дома работников искусств уже закрывалось, Рита приняла заказ и принесла им три лангета с жареным картофелем, чай и пирожное, а буфетчица Нина – бутылку грузинского вина «Хванчкара».

Один из мужчин был очень высокого роста, крепкого телосложения, с короткими светлыми волосами, типичной славянской внешности, двое других – среднего роста, обычного (среднего) телосложения, похожи на татар или узбеков. В кафе они появились уже немного выпившими. Ушли все вместе около половины второго ночи. Рассчитывался за ужин Махмутов, которого обе женщины сразу узнали по фотографии. Швейцар и гардеробщица дополнительно показали, что, прощаясь с ними, Махмутов вынул из бокового кармана пиджака деньги и дал им по пять рублей.

Как только я узнал первые данные о Хасане и его супруге Вере Седовой, мы разделили функции. Толмачев выехал на

машине в кафе «Театральное» для проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий в отношении Веры Седовой и ее мужа Хасана, а Васильев, узнав домашний адрес Седовой, начал негласную установку ее ближайшего окружения (соседей, знакомых, родных и т. д.). Связь мы поддерживали по рации. Я интуитивно чувствовал, что в дальнейшем события будут разворачиваться стремительно, и предупредил коллег о необходимости постоянной радиосвязи (сотовых телефонов тогда не было).

Действительно, как только я закончил допрос и взял официальную справку о наличии в меню кафе лангета и вина «Хванчкара», стали происходить ожидаемые и неожиданные события. Водитель одной из служебных машин доложил, что капитан Васильев сообщил по рации о том, что Хасан и высокий белобрысый парень вышли из квартиры Веры Седовой, сели в такси и поехали в центр города, Васильев следует за ними. Фамилия Хасана – Ахмедов, ранее он был дважды судим за совершение краж, последние два года работал автомехаником на одном из предприятий города.

Стараясь предвидеть дальнейшее развитие событий и направить этот процесс в позитивное русло, я позвонил начальнику городского отдела уголовного розыска подполковнику Степанову и попросил его подготовить группу захвата для задержания двух опасных преступников. Степанов понял, что мы идем по следам убийцы Махмутова, и с радостью заверил меня, что все будет в порядке.

Около кафе «Театральное» меня ждал майор Толмачев. Он уже опросил Веру Седову и выяснил, что приятель ее мужа – Виктор Новоселов – недавно освобожден из Нижнетагильской колонии (там вместе с ним отбывал срок Хасан). Муж чем-то был обязан Виктору, который считался у заключенных авторитетом. Оба дважды судимы: Хасан – за квартирные кражи, а Новоселов – за убийство и разбой. После приезда Новоселова Хасан, по словам Седовой, начал пить, поздно приходил домой, изменился к худшему. Все эти

сведения Виктор Толмачев коротко передал мне. Мы зашли в вестибюль кафе и оттуда наблюдали за улицей. Спустя две-три минуты я увидел, как недалеко от кафе «Театральное» остановилось такси, из которого вышли двое мужчин. Следом подъехал служебный автомобиль милиции с капитаном Васильевым. Я понял, что приехали Хасан Ахмедов и Виктор Новоселов.

Вернувшись в машину, я по рации передал Степанову, чтобы он немедленно высылал группу захвата.

Рассчитавшись с таксистом, Новоселов и Ахмедов подошли к дверям кафе, остановились и закурили. Вместе с Толмачевым и Васильевым мы решили задержать преступников. Когда около нас резко остановился автомобиль и из него вышли Степанов и два оперативника, я показал им на двух мужчин и сказал: «Надо брать!» Степанов и оперативные сотрудники быстро скрутили высокого парня, а Толмачев и Васильев – Хасана Ахмедова, на обоих надели наручники. Задержанных завели в гардероб кафе, тщательно обыскали, передали мне их документы, деньги, различные мелкие вещи. Вызвав двух официанток, я составил протоколы обыска, указав сумму денег и количество купюр, изъятых у задержанных. У Ахмедова оказалось чуть больше 1000 рублей, а у Новоселова – 2500 рублей¹.

Отправив задержанных на разных автомобилях в городское управление милиции, я вызвал Седову, которой уже сообщили о задержании мужа, и выписал ей повестку на допрос в качестве свидетеля на три часа дня.

Вернувшись в городское управление милиции, я привел в порядок все материалы дела (их накопилось уже довольно много), а затем поинтересовался у подполковника Степанова результатами оперативной работы. Он ответил, что времени прошло мало, результатов пока нет, но работать с задержанными продолжают и он уверен в успехе.

Пришла Вера Седова, я допросил ее и поинтересовался изъятыми у задержанных деньгами. Она была удивлена названными суммами и заметила, что таких денег ни у Новоселова, ни у нее с Хасаном не было (им перед праздника-

ми пришлось «перехватить» до получки 50 рублей). Кроме того, Седова в присутствии понятых опознала обнаруженные в ходе осмотра места убийства Махмутова носовые платки среди других. Женщина пояснила, что подшила их в конце апреля и отдала Ахмедову.

В это время в кабинет вошел Виктор Толмачев и сказал, что получил точные данные о человеке, который встречал Махмутова в аэропорту Кольцово. Это Марат Худаинов. «Видимо, – добавил Толмачев, – несчастная вдова Махмутова сильно расстроилась и перепутала фамилию». Адрес его был быстро установлен, минут через 30 я уже допрашивал Худаинова. Он, путаясь, краснея и бледнея, рассказывал, как встретил Махмутова, помог ему получить сумки с цветами, договорился с тремя женщинами, которые 29, 30 апреля, 1 и 2 мая продавали цветы около Главпочтамта, на «Плотинке» и около Оперного театра. Торговля шла быстро. Вечером 2 мая он взял у женщин 4300 рублей, вырученных за цветы, рассчитался с ними, и 4000 рублей отдал Махмутову. В тот же вечер он познакомил Махмутова со своими приятелями Ахмедовым и Новоселовым. Они вчетвером зашли в номер гостиницы «Центральная», где проживал Махмутов, а затем пошли ужинать в ресторан этой же гостиницы.

Далее Худаинов показал: «Вскоре за наш столик сели две девушки, одетые весьма вызывающе и более чем откровенно. Оказалось, что с ними Махмутов познакомился в гостинице сразу после прилета в Свердловск. Мы выпили по рюмке какого-то вина, а затем Новоселов и Махмутов вместе с девушками ушли. Примерно через час они вернулись, но без девушек. Мы допили вино, после чего я простился и ушел домой, а Махмутов и его новые приятели решили еще побродить по городу. Утром я не застал Махмутова в гостинице, горничная сказала, что он не возвращался в номер. Я сразу же поехал к Хасану Ахмедову. Он был какой-то вялый и испуганный. На мой вопрос о Махмутове он как-то невнятно попросил меня ничего не говорить о знакомстве с ним и о том, что

они поздно вечером 2 мая ушли втроем бродить по городу. Также он добавил, что Новоселов очень страшный человек и мне лучше молчать».

После этих показаний не составило особого труда вычислить, что в связке «Ахмедов – Новоселов» слабым звеном является первый. Естественно, что допрос я начал с него. Учитывая его подавленное состояние, постоянное заикание и просьбы дать попить, я решил «обрушить» на него стройную систему доказательств (к счастью, их было более чем достаточно). Постановку уличающих вопросов я сопровождал последовательным предъявлением разнообразных доказательств: заключений судебно-медицинской и судебно-биологической экспертиз (об одной и той же группе крови у потерпевшего и на носовых платках), протокола опознания платков и показаний Седовой о том, что платки принадлежат ее мужу, показаний четырех сотрудников кафе Дома работников искусств, официальной справки шеф-повара кафе, протоколов обыска Ахмедова и Новоселова, выдержек из показаний Веры Седовой и Марата Худаинова и др.

Я хотел и дальше продолжать допрос, но Ахмедов разрыдался (слабенький попался убийца!), потом взял себя в руки и заявил: «Расскажу все, не надо больше терзать меня доказательствами. Во всем виновен Новоселов. Он убил Махмутова, обыскал его, нашел деньги и дал мне 1000 рублей, чтобы я молчал. Эти проклятые деньги я почти не тратил, они жгли мне душу. У Новоселова был нож. Им он ударил Махмутова, он не левша, у него одинаково развиты обе руки. Когда Махмутов упал, я пытался его поднять и остановить кровь, но только испачкал руки. Виктор сказал мне: „Возьми деньги и молчи, передай Марату, чтобы и он молчал, иначе ему будет очень плохо“. Затем он вытащил из моего кармана платки, вытер ими нож, сунул его в карман, отдал мне оба носовых платка и пошел в сторону центра города. Я направился домой, по дороге выбросил носовые платки, предварительно вытерев ими руки. 4 мая у меня был выходной день, я сидел дома,

вдруг пришел Новоселов и пригласил меня пообедать в кафе „Театральное“. Мы взяли такси и поехали к Вере, моей жене. Около кафе нас задержали».

Допрос Новоселова я начал с «ярких» цитат из показаний его сообщника, в которых была видна его ведущая роль в совершенном преступлении. Между цитатами я приводил доказательства (в той же последовательности), которые позволили мне легко сломить противодействие Ахмедова. Однако в этот раз допрашиваемый субъект оказался «слеплен из другого теста» и занял резко негативную позицию. Чувствуя, что одним допросом противодействие Новоселова преодолеть не удастся, я попросил капитана Васильева срочно пригласить сотрудников кафе Дома работников искусств для проведения других, более эффективных, следственных действий. Когда свидетелей доставили в городское управление внутренних дел, я с соблюдением норм уголовно-процессуального закона быстро провел одно за другим предъявления для опознания. Все четверо уверенно указали на Новоселова как человека, пришедшего в кафе с Махмутовым и Ахмедовым ночью 2 мая. Не ограничившись полученными результатами, я провел серию очных ставок, и свидетели вновь опознали Новоселова. Когда психологическое напряжение Новоселова достигло предела, я устроил ему очную ставку с Ахмедовым. На этот раз Хасан держался молодцом: он твердо и уверенно уличал Новоселова в убийстве, разделе денег и других преступных действиях. И Новоселов сломался, признался, что нанес ножом смертельный удар Махмутову, но заявил, что сделал это при активном подстрекательстве Ахмедова, а 4 мая приехал к Хасану для того, чтобы отдать ему половину денег, но не успел, так как их задержали.

После проведения очной ставки я еще раз подробно допросил Новоселова, он в деталях пояснил все обстоятельства совершенного преступления. Отвечая на вопрос о месте нахождения ножа, он показал, что бросил его в Исеть, когда про-

ходил через мост по улице Малышева. На следующий день после долгих поисков Виктор Толмачев и Андрей Васильев нашли нож. В числе других ножей я предъявил его Новоселову и Ахмедову, которые по особым приметам опознали его.

Преступление было раскрыто. Начальник нашего следственного отдела Степан Петрович Лукин от души поздравил меня с быстрым раскрытием сложного преступления и распорядился, чтобы я на следующий день срочно выехал в Асбест, где произошло серьезное преступление, а раскрытое уголовное дело об убийстве Алимджана Махмутова передал в прокуратуру Октябрьского района для дальнейшего расследования. Аккуратно сложив материалы уголовного дела, с которыми не очень-то хотелось расставаться, уж очень «красивым» оказался процесс расследования, я тепло простился с сотрудниками отдела уголовного розыска, усиленно приглашавшими меня подышать свежим воздухом и съездить «отдохнуть на лесном пенечке». Но я на этот раз отказался, потому что надо было передать уголовное дело прокурору Октябрьского района Н. Н. Зайцеву и подготовиться к командировке.

В областном суде рассмотрение дела прошло без всяких осложнений. Новоселов пытался переложить основную вину за убийство на Ахмедова и даже на Марата Худаинова, но суд разобрался во всех аспектах обвинения и воздал обвиняемым по заслугам.

---

¹ К сведению: месячная заработная плата прокурора-криминалиста, советника юстиции в то время равнялась 165 рублей (без вычета партийных и профсоюзных взносов).

*СТРАНИЦА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
«ПОИСК И ДОКАЗЫВАНИЕ –
ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ»*

В начале сентября 1964 года следственно-оперативная группа под моим руководством расследовала уголовное дело о хищениях материальных ценностей и денежных средств в ОРСах (отделах рабочего снабжения) Полевского криолитового и Северского трубного заводов. Это дело оказалось не слишком сложным, поскольку выводы бухгалтерских ревизий были достаточно обоснованы и подтверждались анализом многочисленных официальных и неофициальных документов, а также своевременно изъятых черновых записей расхитителей. Расследование близилось к завершению, мы ждали лишь отпечатанного варианта обобщающего заключения судебно-бухгалтерской экспертизы, которая должна была свести воедино выводы экспертов разных специальностей. Я уже «распустил по домам» почти всех членов следственно-оперативной группы, оставив лишь двоих следователей для весьма трудоемкой работы – ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела. По объему это уголовное дело получилось не слишком большим, не более полутора десятков томов, и я рассчитывал через две недели представить его прокурору области для утверждения обвинительного заключения и заняться своей основной деятельностью – выполнением функций прокурора-криминалиста¹.

Утром я попрощался с оперативными работниками областного управления внутренних дел, входившими в состав следственно-оперативной группы, и они выехали в Свердловск. Вернувшись в кабинет, мы с оставшимися следователями стали уточнять план дальнейших действий, направленных на завершение расследования.

В это время в кабинет быстро вошел прокурор Полевского района Владимир Костерин, с ним у нас установились хорошие отношения, не только деловые, но и дружеские. Он был явно взволнован. Я предложил ему выпить настоящего индийского чая (в те годы индийский чай (со слонами на упаковке) был большим дефицитом), но прокурор отмахнулся от приглашения, выжидательно посмотрел на меня, немного помолчал, а затем произнес: «Леонид, выручай, необходима твоя помощь, бросай свое дело, оно уже расследовано, твои ребята его завершат, а обвинительное заключение составишь позднее. У нас произошло несчастье, зверски избита при попытке изнасилования молодая учительница Майя Светлакова. Это дело очень серьезное, у нас уже было в прошлом месяце аналогичное преступление, оно до сих пор не раскрыто... Я только что разговаривал с начальником следственного отдела облпрокуратуры Степаном Петровичем Лукиным, он сказал, что раскрытие обоих этих преступлений – прямая твоя обязанность как прокурора-криминалиста, и велел передать тебе его мнение». Я ответил, что мнение нашего исключительно интеллигентного и вежливого начальника отдела равносильно приказу, раскрывать эти преступления все равно придется мне, а поскольку фактор времени чаще всего работает на преступников, поэтому я сразу согласился. Костерин успокоился и даже решил выпить чая. Он добавил, что оба его следователя в отпуске и в отъезде, но когда через четыре дня один из них вернется на работу, то «подключится» к расследованию нападения на женщин, тем более что первое из них он начинал расследовать, но затем уехал в отпуск вместе с семьей.

Пить чай мне уже было некогда. Отбросив все «чайные церемонии», я на автомашине прокуратуры, выделенной в мое распоряжение, приехал в городскую больницу, где находилась потерпевшая, переговорил с дежурным врачом, а затем и с лечащим врачом. Убедившись, что допрос Светлаковой невозможен, я изъял уже заведенную историю болезни, осмо-

трел сильно разорванную одежду и нижнее белье женщины, произвел их выемку, а также записал данные троих молодых людей – учащихся местного техникума, доставивших пострадавшую в больницу.

Затем я поехал в техникум, где учились ребята, и попросил директора техникума пригласить их в свой кабинет. Все трое произвели на меня очень хорошее впечатление: высокие, крепкие, спортивного вида молодые люди, с простыми приветливыми лицами. Они коротко рассказали о происшествии: все трое гостили в Свердловске у приятеля и рано утром (около семи часов) на автомашине возвращались домой. Чтобы сократить путь, они свернули с тракта на проселочную дорогу. Проезжая мимо небольшого поля, расположенного на окраине Полевского, они увидели, как высокий мужчина пинает женщину, лежащую на земле. Учащиеся начали сигналить, затем остановили автомашину, выскочили из нее и побежали к месту избиения. Увидев их, мужчина бросился в сторону редкого лесочка. Ребята попытались догнать его, но он скрылся за деревьями. Тогда молодые люди возвратились к женщине, которая лежала неподвижно и тихо стонала. Они подняли ее, перенесли в автомобиль и привезли в городскую больницу, где сдали дежурному врачу. Ребята добавили, что врач сразу позвонил в милицию. Кроме того, они отметили, что около Светлаковой лежала опрокинутая корзина, но они ее с собой не взяли. Я очень обрадовался этому обстоятельству, так как оставленная на поляне корзина позволяла точно определить место происшествия.

Позвонив в райотдел милиции, я узнал, что на место нападения уже выезжала оперативная группа, но служебно-розыскная собака потеряла след преступника, дойдя до тракта, расположенного за редким лесом, куда убежал преступник. Вместе со свидетелями и понятыми я выехал на злополучную поляну и осмотрел место происшествия, перевернутая корзина и рассыпавшиеся грибы-красноголовики послужили хорошим ориентиром. Я нашел домашние женские туфли, несколько

больших светло-зеленых пуговиц, вероятно от женской кофточки, и две маленькие белые пуговицы, в отверстиях которых остались обрывки ниток. Эти две пуговицы меня особенно порадовали: я решил, что они от рубашки преступника. Описав все обнаруженное в протоколе осмотра, я решил обойти территорию, прилегающую к месту происшествия: от дороги до леса, где скрылся пока еще неизвестный преступник. Однако ничего относящегося к делу обнаружить не удалось. Лето было очень жарким и сухим, трава стала какой-то жесткой, а земля высохла и затвердела, так что никаких следов преступника я найти не смог.

Вернувшись в райотдел милиции, я подробно допросил троих молодых людей, написал директору техникума письмо, где отметил смелые и благородные действия ребят, и отправил их на занятия. Изучая нераскрытое уголовное дело об изнасиловании Надежды Измайловой в середине августа, я обратил внимание на сходство нападений: избиение, удары ногами по голове упавших женщин. В обоих случаях рост преступника составлял не менее 185–190 сантиметров. Измайлова указала также, что напавший на нее мужчина был одет в пиджак, белую рубашку и темные брюки. Потерпевшая сообщила, что нападение произошло около 11 часов вечера на тихой улице на окраине города, причем на той же самой окраине, к которой примыкала поляна, где напали на Майю Светлакову.

В большом кабинете начальника райотдела милиции собралось около десяти сотрудников отдела уголовного розыска. Я доложил им свои соображения о сложившейся по этим двум преступлениям ситуации и добавил, что объединил дела в одно следственное производство. Начальник райотдела милиции как-то странно посмотрел на подчиненных и глухо, но с нажимом произнес: «Ну что, работнички, проморгали серийного насильника? Где же ваша чертова профилактика? Где агентура?» Оперативники, опустив головы, молчали. После небольшой паузы я примирительно сказал: «Да, это серийный

насильник, но серия еще короткая, надо сделать все возможное, чтобы найти негодя в ближайшие же дни».

Вместе с начальником уголовного розыска мы выдвинули наиболее вероятные версии и разработали план первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Самой перспективной представлялась версия, что оба преступления совершил человек, ранее осужденный за насильственные и сексуальные посягательства и недавно освободившийся из заключения. В Полевском и Северском таких людей, по данным оперативного учета, оказалось всего четверо. Двое из них были осуждены за изнасилования, третий – за очень дерзкие хулиганские действия, связанные с нападением на женщин и их избиением, четвертый – за непристойное поведение в общественных местах. Все четверо освободились из мест лишения свободы не более пяти-шести месяцев назад, до совершения августовского нападения. Мы решили все усилия направить на их проверку. Разумеется, остальные версии не были забыты в совместном следственно-оперативном плане. В частности, несколько оперативных сотрудников выявляли лиц, имеющих по медицинским показаниям различные сексуальные отклонения, устанавливали женщин и девушек, которые не заявляли о фактах нападения на них, а также факты совершения развратных действий в отношении несовершеннолетних и других подобных событиях. Но основное внимание мы обратили на четверку подозреваемых.

Я хорошо знал, что подобные преступления, относящиеся к группе «неочевидных» (по классификации сотрудников уголовного розыска), раскрываются нелегко, и настраивался на многодневную работу. Но нам сразу повезло. Вообще удача – довольно странная категория, характеризующая деятельность в условиях неопределенности, конфликта и риска. Отрицать ее существование нельзя, но и уповать только на нее следователям и оперативным сотрудникам недопустимо. Уж очень капризная это «барышня», далеко не каждому она улыбается. Случай, как правило, помогает трудолюбивому, настойчиво-

му и умелому. Эта аксиома известна всем. Однако в этот раз успех пришел к нам быстро, но особенной удачей и везением это назвать сложно. Сработала хотя и вероятностная, но все-таки закономерность процесса раскрытия преступления: если выдвинута правильная версия, то в ходе ее эффективной проверки будет получен положительный результат. С большой степенью уверенности можно было сделать вывод о том, что оба преступления совершил один и тот же человек, проживающий сравнительно недалеко от мест нападений. Об этом свидетельствовали похожие способ и время преступлений, а также общий, но весьма важный признак – высокий рост нападавшего. Кроме того, анализ конкретной ситуации и обстановки совершения преступлений позволял выдвинуть обоснованное предположение, что насильник ранее судим и, скорее всего, за аналогичное преступление.

Мы еще составляли план раскрытия преступления, когда оперативники сообщили нам характеристики и точные адреса всех четверых подозреваемых. Выяснилось, что все четверо – высокого роста, одеваются примерно одинаково и живут недалеко от мест совершения преступлений. Исходя из обстоятельств дела, мы решили задержать всех четверых, но так, чтобы ни один из них не знал о задержании других; мы стремились создать у подлинного преступника (если он находится в числе подозреваемых) впечатление, что задержали за совершенные деяния именно его. Поэтому все четыре задержания были проведены негласно, с соблюдением строжайшей конспирации. Признаю, что, принимая это решение, я руководствовался не строгими и вполне правильными процессуальными нормами о мерах принуждения, а тактическими соображениями, диктующими оптимальное поведение в конкретной ситуации информационной неопределенности и риска. Я был уверен, что один из задержанных окажется виновником, и искренне полагал, что такой риск вполне обоснован и целесообразен. Прошу поверить, что, когда правильно «идешь по следу» преступника, то возникает подсознатель-

ное чувство, что ты последовательно приближаешься к цели, остается сделать всего лишь один-два заключительных шага – и успех обеспечен. Конечно, можно было принять другое решение, полностью соответствующее нормам Уголовно-процессуального кодекса, и получить такой же результат, но я помнил, что время – капризный фактор, чаще всего помогающий преступнику (если тот не совершает ошибок), и это заставляло меня действовать быстро и наиболее эффективно. Я опасался также, что преступник, обозленный неудачей, может сразу совершить новое, еще более тяжкое преступление. Все эти обстоятельства требовали принятия тактически эффективного, но не совсем верного в процессуальном отношении решения.

Перед выездом на задержание я проинструктировал участников этого группового мероприятия о необходимости тщательно произвести личные обыски и обыски в помещениях, обратить особое внимание на одежду задерживаемых: отсутствие на рубашках пуговиц, наличие загрязнений и следов, похожих на засохшую кровь или другие выделения, состояние обуви и иные важные признаки.

Я был в группе, которая задерживала ранее судимого за разбой и изнасилование Виктора Харистова – высокого, крепкого 32-летнего мужчину. При обыске мы обнаружили в кармане пиджака большой складной нож («складень»), в баке с грязным бельем нашли долгожданную белую рубашку с двумя оторванными пуговицами. Я схватил ее, как самую большую драгоценность, и на глазах удивленных понятых и побледневшего подозреваемого осторожно упаковал рубашку в большой пакет. Остальным группам повезло меньше, а точнее, совсем не повезло. Впрочем, так и должно было быть исходя из версии о преступнике-одиночке.

Во время обыска в квартире Харистова мы изъяли всю его одежду, которую я после возвращения в райотдел милиции внимательно осмотрел, но ничего полезного вначале не обнаружил. Сделав перед допросом Харистова получасовую паузу

и организовав его оперативное обслуживание, мы с начальником отдела уголовного розыска стали моделировать возможные действия Харистова во время нападения на Майю Светлакову, которые могли бы привести к возникновению следов.

В частности, было выдвинуто предположение, что, когда преступник убегал по поляне от троих молодых людей, в манжеты его брюк² могла набиться цветочная и травяная пыль, что могло бы послужить важнейшим доказательством его виновности в преступлении. В изъятых в квартире подозреваемого брюках «ботанической смеси» не обнаружилось. Неужели она осталась за манжетами брюк, в которые был одет Харистов? Я распорядился, чтобы в кабинет привели подозреваемого, и приступил к допросу, разъяснив ему основания задержания. Харистов категорически отрицал причастность к нападениям на женщин и даже перешел в наступление, требуя немедленного освобождения и извинений за задержание. В ходе допроса я как бы между прочим спросил у него, был ли он когда-нибудь на поляне, где произошло нападение на Светлакову, и подробно описал, где она расположена. Харистов возмущенно заявил, что на этой поляне он никогда не был, все время после освобождения находился дома у родителей и выходил лишь для того, чтобы устроиться на работу. В ходе допроса я плавно перешел на вопросно-ответную форму его проведения и дважды (в различных вариантах) записал категорические утверждения подозреваемого, что на поляне, где напали на Майю Светлакову, он никогда не был.

Закончив допрос, я пригласил понятых и в их присутствии попросил Харистова переодеться в другие брюки, а затем осмотрел те, в которые он был одет ранее. Засунув палец за манжеты, я нащупал какие-то крошки. Тогда, расстелив на столе чистую бумагу, я высыпал мелкую цветочно-травяную смесь и сразу составил протокол осмотра брюк и протокол выемки цветочно-травяных частиц, которые подписали понятые. Харистов подписывать документы отказался, требовал, чтобы понятые тоже не подписывали. У него началась истерика, он

пытался наброситься на присутствовавших, уронил стул, выкрикивал угрозы, и я распорядился отвести его в камеру.

Еще до начала допроса Харистова трое других задержанных были отпущены домой. Следует отметить, что никого из троих не помещали в камеры, все они находились в кабинетах оперативных сотрудников уголовного розыска не более часа. Между прочим у всех имелись какие-то административные нарушения, так что за этот час с ними провели очень полезные воспитательные беседы.

Приехал обрадованный прокурор района, поблагодарил нашу следственно-оперативную группу, укоризненно покачал головой, узнав о задержании троих не причастных лиц. Однако после некоторого раздумья он признал эти действия не задержанием, а принудительным приводом в милицию (фактически так оно и было). После чего прокурор с удовольствием выпил стакан того же индийского чая, положив на радостях несколько кусочков сахара.

Таким образом, в первый же день напряженной работы удалось завершить поисковый этап расследования и перейти ко второму этапу – доказыванию³. Второй этап я начал с назначения судебно-товароведческой (по изъятым пуговицам, ниткам и рубашке) и судебно-ботанической экспертиз. Этот этап длился значительно дольше, поскольку он связан с подбором высококвалифицированных специалистов: товароведов и ученых-ботаников. За три дня с проблемой удалось справиться.

Вопросы, поставленные перед товароведами, касались идентификации пуговиц, изъятых на месте преступления, и ниток, оставшихся в отверстиях двух пуговиц и на рубашке Харистова. Эксперты быстро пришли к категорическому заключению об идентичности пуговиц, в отношении же ниток сделали вывод об их групповой принадлежности.

На судебно-ботаническую экспертизу потребовалось дней пять-шесть. Эксперты взяли образцы грунта, цветов и травы и после всестороннего сравнения с представленными мной

вещественными доказательствами заявили об их принадлежности к одной и той же партии (группе). Не удовлетворившись этим выводом, мы со следователем районной прокуратуры (он к тому времени вышел из отпуска) решили назначить судебно-математическую экспертизу, которая была проведена аспирантами крупного ученого-математика под его руководством. Вывод экспертизы был категоричен: соотношение различных видов цветов и трав (их наименования определены проведенной ранее судебно-ботанической экспертизой) в образцах и в вещественных доказательствах было почти одинаковым, а незначительные расхождения вызваны несущественными внешними факторами, которыми можно пренебречь.

Я передал уголовное дело следователю районной прокуратуры и занялся составлением обвинительного заключения по своему «хозяйственному» делу о хищениях. Уголовное дело по обвинению Харистова рассматривалось областным судом, Харистов был признан виновным по обоим эпизодам и приговорен к длительному заключению.

Два этапа – поиск и доказывание – иногда плавно «перетекают» друг в друга, а иногда осуществляются параллельно. В уголовном деле по обвинению Харистова исходя из создавшейся следственной ситуации был реализован первый вариант.

При этом в основе поисковой деятельности лежало взаимодействие следователя с сотрудниками уголовного розыска, а информационно-доказательственной основой второго этапа стало взаимодействие с экспертами различных специальностей: судебными медиками, товароведом, ботаниками и математиками. Ну и, конечно, большую роль в быстром раскрытии преступления сыграли перспективные следственные версии и их тщательная проверка. Разумеется, ситуационный характер расследования обуславливает не одну, а несколько типовых тактических схем (вариантов) перерастания вероятных, противоречивых, отрывочных знаний в достоверные и достаточные выводы. Более того, любая типовая схема рас-

следования отдельного уголовного дела должна быть адаптирована к конкретной обстановке и условиям, к индивидуальной ситуации. Именно по такой адаптированной схеме происходило расследование уголовного дела по обвинению Харистова, которая привела менее чем за сутки к успешному раскрытию двух особо тяжких преступлений.

---

¹ Принятие к производству этого чисто «хозяйственного» дела, не входящего в сферу должностных функций прокурора-криминалиста, было мне поручено в связи с болезнью следователя, возглавлявшего ранее следственно-оперативную группу.

² Манжеты – отвороты на штанинах мужских брюк, которые были обязательны по моде 60-х гг. XX в.

³ Разумеется, деление на поиск и доказывание во многом условно, но оно существует и в криминалистической теории, и в следственно-оперативной практике.

Для 60-х годов прошлого столетия (в отличие от зловещих 90-х) возникновение бандитских группировок было редким событием. Поэтому разоблачение и ликвидация хорошо организованной банды, возглавляемой Владимиром Коровиным, сохранились в моей памяти как один из ярких эпизодов следственной деятельности.

29 января 1964 года около десяти часов вечера мне позвонил домой начальник следственного отдела облпрокуратуры Степан Петрович Лукин и попросил (как всегда очень вежливо) срочно выехать по адресу улица Крылова, 66а. Там во время тушения пожара в частном доме обнаружили семь трупов. Дежурный следователь с судебно-медицинскими экспертами уже выехал на место происшествия. Я быстро оделся и выскочил на улицу, где в автомобиле горуправления милиции меня ждали двое сотрудников уголовного розыска и эксперт-криминалист. По пути мы заехали в прокуратуру области, я взял с собой новенький чемодан прокурора-криминалиста, а через несколько минут мы были на месте преступления.

Пожар уже потушили, но внутри дома стояла почти африканская жара. Из сообщения командира пожарного расчета «о горé трупов в подвале» мы поняли: на обитателей дома совершено бандитское нападение. Вместе с дежурным следователем Краснославом Леонидовичем Ипатьевым мы быстро составили типовой план следственного осмотра, распределили обязанности и с экспертами приступили к проведению осмотра трупов как узлового пункта этого следственного действия. В качестве понятых пригласили психологически устойчивых (по внешнему виду) мужчин. Спустившись в подвал, я увидел семь трупов: три женских, три мужских и один подростка 15 лет. Позднее всех их опознали родственники и соседи. Зверски убитыми оказались А. М. Ахимблит (глава семьи),

Р. С. Ахимблит (его жена), Марик (сын), С. Р. Иткина (теща), К. С. Копылов (врач, приехавший по вызову к больной Иткиной), М. С. Черномырдик (сестра Р. С. Ахимблит и дочь С. Р. Иткиной) и С. Шамес (племянник А. М. Ахимблита). Руки потерпевших за спиной были связаны веревками, а лица замотаны тряпками.

Осмотр места происшествия и наружный осмотр трупов продолжались почти до десяти часов утра. Все потерпевшие (за исключением Иткиной) погибли от ударов твердым предметом по голове и глубоких проникающих ранений в область сердца. С. Р. Иткину перед смертью пытали, о чем свидетельствовали многочисленные странгуляционные борозды на шее.

В доме царил чудовищный беспорядок: из ящиков были выброшены вещи, одежда, обувь (по-видимому, бандиты искали какие-то ценности или деньги).

В ходе осмотра места происшествия мы обнаружили список облигаций трехпроцентного займа на несколько тысяч рублей, но облигаций не отыскивали. Очевидно, преступники забрали их, чтобы в одной из сберегательных касс получить за них деньги. Возле холодильника нашли огрызок яблока со следами зубов.

Когда рассвело, мы приступили к осмотру территории двора и двух небольших сараев, один из которых использовался как гараж для мотоцикла. Бензобак мотоцикла был открыт (из него бандиты слили часть бензина для поджога дома). Тщательно обыскав сарайчик, я нашел в углу брошенную крышку бензобака. Эксперт-криминалист осмотрел ее и выявил следы большого и указательного пальцев правой руки, один из них оказался пригоден для идентификации.

При обходе усадьбы мы (к нашему удивлению) увидели на заборе записку угрожающего характера с антисемитским содержанием, написанную печатными буквами на крышке от коробки из-под лекарств. Видимо, такой нехитрой уловкой следствие пытались направить по ложному пути.

По окончании осмотра трупы потерпевших отправили в морг для производства судебно-медицинской экспертизы, а вещественные доказательства – в экспертно-криминалистический отдел УВД области. Около десяти часов на место происшествия приехали прокурор Свердловской области Н. И. Клинов и начальник областного управления МВД генерал-лейтенант Е. А. Емельянов. После моего короткого доклада о результатах осмотра места происшествия и трупов было принято решение о формировании следственной группы. Созданная постановлением прокурора области 30 января 1964 года, она включала прокурора-криминалиста Л. Я. Драпкина, старшего следователя областной прокуратуры Т. Ф. Ефремова, следователей районных прокуратур Свердловска К. Л. Ипатьева, А. С. Тихомирова и В. И. Коротаева. На первом же оперативном совещании мы выдвинули девять первоначальных следственных версий, которые, хотя и носили типовой (обобщенный) характер, но учитывали особенности сложившейся ситуации (это помогло нам составить детальные планы их проверок). По разрабатываемой мной версии банда состояла из ранее судимых за разбой и грабежи лиц, которые или совершали преступления совместно, или же вместе отбывали наказания. Я отвечал также за назначение многочисленных экспертиз и организацию взаимодействия с органами дознания. Остальным членам следственной группы досталась проверка восьми других версий.

Нашу следственную группу правильнее было бы назвать следственно-оперативной, так как в ее состав входило трое опытных профессионалов – старшие оперуполномоченные областного управления уголовного розыска майоры Пакин, Чернов и Матвеев. Они не только сами активно проводили негласные оперативно-розыскные мероприятия, но и фильтровали огромную массу оперативной информации, уточняли ее, дорабатывали, а затем передавали следователям для процессуальной проверки.

Параллельно с проводимыми нами первоначальными следственными действиями сотрудники уголовного розыска Верх-Исетского райотдела милиции осуществляли сплошной подворно-поквартирный обход и опрос населения в районе, прилегающем к месту преступления. Результаты опроса мы получили к вечеру 30 января. Забегая вперед, отмечу, что опрос граждан сразу же дал положительный результат. Так, дежурный вахтер техникума связи видел, как вечером 29 января к телефонной будке, стоявшей около входной двери техникума, подошли двое высоких мужчин и женщина, по фотографии похожая на Марию Черномырдик. Она взволнованно разговаривала с кем-то по телефону, затем успокоилась и вместе с сопровождавшими ушла в сторону ВИЗ-бульвара. Однако свидетельницу того, как Мария Черномырдик с двумя высокими мужчинами зашла в подъезд дома, а затем – в квартиру, установили лишь при вторичном опросе жителей подъезда. Она дала важные показания о приметах преступников и назвала молодого человека, с которым беседовала на лестничной площадке и который детально описал бандитов, что позволило создать сначала их словесные портреты, а потом и фотороботы. Свидетели также указали, что примерно через 10 минут двое мужчин и Мария Черномырдик вышли из квартиры и покинули дом.

Их показания полностью подтвердил Р. П. Черномырдик (муж Марии). Он был первым свидетелем, допрошенным мной после окончания осмотра. Из его показаний следовало, что около половины седьмого вечера ему позвонила жена и попросила, чтобы он с дочерью немедленно поехал к их хорошему знакомым Пантелеевым. Она сказала, что у их сыновей-близнецов сегодня день рождения и она ждет их там. Он вначале пытался отказаться от поездки, но жена упорно настаивала, и он согласился. По дороге они купили подарки, но когда приехали к друзьям, выяснилось, что день рождения будет лишь через месяц, а Марии у них нет, они с ней

даже не разговаривали по телефону. Вместе с дочерью он поспешил домой, но квартира оказалась пустой. На полу валялось его старое пальто, в котором они прятали деньги (около 700 рублей), однако денег не было. Черномырдик направился к теще, решив, что жена у нее. Здесь он увидел горящий дом и людей возле него, и ему сообщили страшную весть о найденных трупах. Позднее он участвовал в опознании потерпевших и допрашивался несколько раз.

В областном управлении МВД нашей группе выделили две комнаты, в которых разместился наш «маленький штаб». Существовал и «большой штаб», в который вошли руководители областных управлений МВД и КГБ. Представлять прокуратуру области пришлось мне. Совещания «большого штаба» проходили каждый вечер после девяти. На них я докладывал о работе следственной группы и о ходе дальнейшего расследования. Затем анализировались результаты оперативно-розыскной деятельности и намечались поручения оперативным службам. Эти поручения я на следующий день оформлял в виде письменных заданий и направлял их исполнителям, которые немедленно приступали к их выполнению. Следует отметить, что все совещания проходили в течение одного-полутора часов в деловой и творческой атмосфере. Только однажды приехавший на совещание ответственный представитель обкома партии очень нервно сообщил нам, что радиостанции «Би-би-си», «Свободная Европа» и прочие «вражеские голоса» распространяют лживые сообщения о том, что в Свердловске прошли антисемитские выступления и были убиты. Затем он в очень резкой форме спросил: «Когда же вы наконец раскроете преступление?! Времени прошло вполне достаточно, а результатов нет!» Вопрос задавался всем, но он почему-то повернулся в мою сторону и очень внимательно смотрел на меня. Я встал и спокойно ответил, что преступление будет обязательно раскрыто, что за сравнительно короткий срок проделана серьезная следственная и оперативная

работа, получены хорошие, хотя и промежуточные, результаты. Для большей убедительности я почему-то добавил, что «объем информации увеличивается по экспоненте». К моему удивлению, примененный мной математический и не очень понятный термин удовлетворил представителя обкома, генерал же Е. А. Емельянов (руководитель УВД области) многозначительно ухмыльнулся, покачал головой и направил обсуждение в обычное деловое русло.

Работа по уголовному делу с каждым днем проходила все более и более интенсивно, но относительно спокойно, без нервных срывов и начальственных нагоняев, в чем несомненна заслуга Е. А. Емельянова. Вся оперативная информация всесторонне анализировалась, независимо от степени ее вероятности проверялась и использовалась при производстве следственных действий. К примеру, мы получили интересные негласные сведения о том, что так называемые преступные авторитеты крайне обеспокоены беспрецедентной активностью правоохранительных органов, в результате которой были раскрыты десятки ранее приостановленных производством уголовных дел по разбоям, грабежам и кражам. Случалось, что они (авторитеты) сами выходили на контакт с оперативными сотрудниками и высказывали свои подозрения в отношении предполагаемых бандитов. Обстановка в преступном мире накалялась. Оперативные службы умело пользовались этим и постоянно усиливали проверку подучетного контингента.

К 3 февраля картина преступных действий бандитской группировки была ясна. Преступники проникли в дом потерпевших 29 января после пяти часов вечера, обманув бдительность всегда осторожных Розы Ахимблит и ее матери. Видимо, злодеи предъявили какие-то документы. В доме также находился приехавший к С. Р. Иткиной врач К. Е. Копылов, который, по данным поликлиники, должен был посетить больную около пяти часов. Связав всех троих, бандиты стали ждать остальных членов семьи.

Один за другим домой возвратились Арон Ахимблит, его сын Марик, приехавший в командировку из Челябинска, Семен Шамес и Мария Черномырдик. Приходящих в «дом смерти» злодеи связывали, затыкали рот кляпом, обматывали лица тряпками и укладывали на пол. Сначала бандиты стали пытаться бабушку Иткину, сдавливая ей горло полотенцем. После того как она теряла сознание, ее приводили в чувство и требовали выдать деньги, собранные ее мужем на строительство синагоги. Старая и больная женщина, которая не смогла объяснить бандитам, что муж вернул все деньги членам общины перед своей смертью, умерла от пыток. Мария Черномырдик, каким-то образом освободившаяся от кляпа, рассказала преступникам, что ее муж не так давно получил государственную премию (это крупная сумма), которая лежит в их квартире. Она пообещала отдать ее, видимо, в обмен на освобождение заложников. Двое бандитов повели женщину домой. Для того чтобы спасти мужа и дочь от гибели, она (с согласия преступников) позвонила мужу и обманом заставила его с дочерью покинуть жилище. Придя в квартиру, отдала грабителям все семейные деньги. Однако бандиты, вернувшись к Ахимблитам, зверски расправились с потерпевшими, а затем подожгли дом.

30 января, присутствуя на судебно-медицинской экспертизе трупов, я обратил внимание на аналогичность способов и орудий убийств, совершенных вечером 29 января 1964 года (семья Ахимблита) и в ночь с 17 на 18 августа 1963 года (старшина милиции Шаронов). При нападении на Шаронова преступники забрали у него пистолет ТТ. В обоих случаях потерпевших забивали металлическими дубинками, обтянутыми резиновыми шлангами. Для подтверждения моего умозаключения пришлось назначить комплексную судебно-медицинскую и трасологическую экспертизу.

Уголовное дело об убийстве М. П. Шаронова было не раскрыто и лежало в сейфе одного из следователей прокуратуры

Ленинского района Свердловска. Данное дело я планировал изучить в феврале 1964 года, но жизнь внесла свои коррективы. Изъяв его из районной прокуратуры, я вынес постановление о соединении обоих уголовных дел в одно следственное производство. Об этом я доложил вечером на совещании «большого штаба» и сделал предположение о существовании в городе устойчивой и очень опасной банды, о чем немедленно сообщили руководству МВД СССР и Генеральной прокуратуры. Спустя несколько дней в Свердловск приехала бригада из шести сотрудников знаменитого МУРа (Московского уголовного розыска). Конечно, прибывшие коллеги были специалистами самого высокого уровня, но без местной агентуры и детального знания особенностей оперативной обстановки значительной помощи оказать нам не смогли. Пришлось обходиться собственными силами. Расследование проходило по многим направлениям, я же остановлюсь лишь на двух из них.

Первое. 7 февраля мне позвонил заместитель начальника Верх-Исетского райотдела милиции подполковник А. П. Фролов. По полученным им сведениям, в середине сентября 1963 года двое неизвестных молодых людей, приехавшие с двумя девушками отдохнуть в лес на автомашине «Москвич-403», стреляли по пустым бутылкам из оружия, похожего на пистолет ТТ. Вместе с Фроловым мы составили план расследования и немедленно приступили к его выполнению. Версия была вполне реальной, но требовала определенного времени для установления хозяина автомобиля и стрелков. Круг проверяемых постепенно сужался, и мы надеялись на успех.

Второе. Группа экспертов проверяла дактилокарты ранее судимых за насильственные преступления лиц по следу пальца правой руки, обнаруженному на крышке бензобака мотоцикла. Я был уверен, что бандит уже находился в местах лишения свободы, а потому отпечатки его пальцев есть в кар-

тотеке. К сожалению, в то время автоматизированных дактилоскопических систем поиска не существовало, и проверка затянулась.

Оба направления я считал очень перспективными, но вскоре произошло событие, которое оказалось неожиданным.

10 февраля к оперуполномоченному уголовного розыска городского управления МВД старшему лейтенанту Каллимулину пришел его агент Борис П. и сообщил, что бандитский налет на дом Арона Ахимблита и убийство Шаронова совершили его приятели – братья Владимир и Георгий Коровины (с ними он отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии), а также их друзья – Щекалев и Патрушев. Агент рассказал, что напуганные тотальной и интенсивной проверкой братья Коровины обратились к нему за советом. (Замечу, что неоднократно судимый за кражи Борис П. отошел от преступного мира, устроился на работу и прочно «завязал».) Коровины подробно описали все совершенные ими преступления и указали, где спрятали пистолет, ножи, дубинки, облигации, деньги.

По сведениям Бориса П., бандиты планировали совершить нападение еще 27 января, но перенесли его на 29 января. Вернувшись вечером 27 января домой, братья Коровины напились, и один из них уронил пистолет на пол, от удара произошел самопроизвольный выстрел. Пуля попала в потолок, да так там и осталась.

Сразу же после получения агентурного сообщения мы составили два взаимодействующих плана: оперативно-розыскной (в основе – операция по задержанию бандитов) и следственный (по производству процессуальных действий). Разумеется, оба эти плана очень тесно переплетались и по времени, и по исполнителям.

За бандитами установили постоянное наружное наблюдение, а за местами сокрытия доказательств – негласный контроль. В оперативно-розыскных мероприятиях участвовали

опытные сотрудники уголовного розыска городского и областного управлений МВД и специализированных поисковых подразделений.

Все передвижения подозреваемых фиксировали, данные передавали руководителям оперативно-тактической операции.

Утром 12 февраля по решению об одновременном задержании бандитов их арестовали и доставили во «внутреннюю тюрьму» КГБ, где содержали в строгой изоляции друг от друга. Параллельно с этим наша следственная группа изъяла, осмотрела и приобщила к материалам уголовного дела все вещественные доказательства: пистолет, дубинки, ножи, облигации и часть денег.

При обыске в квартире Коровиных из потолка была извлечена застрявшая пуля. По всем вещественным доказательствам назначены судебные экспертизы: по пистолету и пулям – судебно-баллистическая, по дубинкам – трасологическая, по следу пальца на крышке бензобака – дактилоскопическая, по записке антисемитского характера – судебно-почерковедческая, по огрызку яблока – стоматологическая. Кроме того, был составлен протокол сверки номеров облигаций трехпроцентного займа. Из Чкаловского райотдела милиции пришло официальное подтверждение, что изъятый у бандитов пистолет ТТ принадлежал старшине Шаронову.

По тактико-психологическим соображениям я предложил допрашивать задержанных не в качестве подозреваемых, а в качестве обвиняемых, сразу же предъявив им обвинения. С моей точки зрения, этот тактический прием должен был оказать на них сильнейшее психологическое давление. Хорошо зная процессуальную последовательность допросов, они поймут, что следствию все известно, доказательств их виновности достаточно, а потому конфликтовать, занимать позиции отрицания совершенно бесполезно. Прием оправдал себя. Трое обвиняемых (Патрушев, Щекалев и Владимир Коровин, глава банды) сразу признали свою вину, что стало для нас несомненным успехом.

Первым свою вину признал Патрушев. Кроме общих для всех обвиняемых доказательств, ему предъявили заключение почерковедческой экспертизы о том, что текст записки, снятой с забора дома Ахимблита, написан им. Самым последним (на втором допросе) заговорил Георгий Коровин. Это было связано с тем, что именно его подозревали в непосредственной расправе над всеми потерпевшими. Георгий Коровин признался лишь в пытках С. Р. Иткиной, от которых она умерла. Зато он дал самые подробные и точные показания. Он сообщил, например, что 29 января на дело он с братом Владимиром вышел в четыре часа вечера. Во дворе дома, расположенного по улице Чернышевского, 21, они срезали бельевые веревки, которыми затем связывали руки потерпевшим. Он также рассказал, что старшину милиции дубинками убили Щекалев и его брат Владимир. Он с Патрушевым только заманил М. П. Шаронова в строящееся здание автокомбината, а затем перенес его труп в глубину коридора, подальше от входной двери. В конце допроса (после долгого раздумья) Георгий Коровин сообщил, что Нина Коровина, жена его брата, знала об убийстве старшины милиции Шаронова и даже выбросила нож, одну из дубинок и окровавленные перчатки.

15 февраля я продолжил напряженные допросы, используя все имеющиеся доказательства, в том числе заключения биологической и материаловедческой экспертиз по обрывкам веревок, оставшимся на опорах во дворе дома 21 по улице Чернышевского, и кускам веревок, которыми были связаны руки потерпевших. В ходе повторных допросов удалось установить неизвестные обстоятельства и уточнить полученные ранее показания. Один из обвиняемых сообщил, что для проникновения в дом Ахимблита главарь банды Владимир Коровин предъявил поддельное удостоверение сотрудника КГБ, изготовленное из служебного документа М. П. Шаронова, убитого в августе 1963 года.

Хочу особо подчеркнуть, что в проведении первых допросов участвовали руководители МВД области и даже замести-

тель министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант Кудрявцев.

В течение двух-трех последующих дней велась активная работа с многочисленными свидетелями (включая родственников и сослуживцев потерпевших и обвиняемых). В 20-х числах февраля провели психологические экспертизы обвиняемых, а также несколько очных ставок (с повышенными мерами безопасности) между членами банды, в показаниях которых имелись противоречия.

Завершали следственные действия проверки и уточнения показаний обвиняемых на месте (в те времена они не предусматривались Уголовно-процессуальным кодексом). Столь ответственное и в некоторой степени рискованное мероприятие мы тщательно подготовили. Я, трое сотрудников уголовного розыска – майоры Пакин, Чернов, Матвеев – и группа охраны, возглавляемая майором Дурасовым, прошли с каждым из обвиняемых от квартиры Коровиных до дома А. М. Ахимблита, останавливаясь в так называемых опорных пунктах: во дворе дома, расположенного на улице Чернышевского, 21, где были срезаны бельевые веревки; в доме, в котором проживал Герман Патрушев; около магазина, где бандиты сделали остановку перед началом налета; возле калитки и дома Арона Ахимблита, затем повторили весь путь в обратной последовательности.

Дополнительно проверили и уточнили показания братьев Коровиных о том, как они ходили с Марией Черномырдик в ее квартиру. При этом особое внимание обратили на телефонную будку, из которой несчастная женщина звонила мужу.

Все следственные мероприятия (особенно показания обвиняемых в опорных пунктах) фиксировали с помощью кинокамер, фотоаппаратов, диктофонов и протоколов.

20–22 февраля, когда мои коллеги приступили к ознакомлению обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела, я начал писать обвинительное заключение, которое 23 февраля 1964 года было утверждено прокурором области.

19 марта выездная сессия Верховного Суда РСФСР приговорила четырех бандитов к высшей мере наказания – расстрелу (приговор привели в исполнение 30 апреля 1964 года), а их пособницу Нину Коровину – к 15 годам лишения свободы (впоследствии меру наказания значительно снизили, и через три года она вышла на свободу).

Хотя я не сторонник тезиса «Всякое преступление может и должно быть раскрыто», но уверен, что при слаженной профессиональной и творческой работе органов следствия и дознания, твердой уверенности следователей и оперативных сотрудников в успехе, а также умелой деятельности экспертов, использующих новейшие методы и технику, даже самое запутанное преступление, несмотря на все трудности и препятствия, может быть раскрыто. Любую сложную следственную ситуацию, даже тупиковую, можно успешно разрешить и добиться победы.

СТРАНИЦА ШЕСТНАДЦАТАЯ
«МАЛЕНЬКИЕ ЭПИЗОДЫ
БОЛЬШОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА»

В середине сентября 1961 года я закончил расследование разбойного нападения на Р. П. Перминова и его убийства. С чувством выполненного долга отнес четыре объемных тома прокурору области Николаю Ивановичу Клинову для утверждения обвинительного заключения и, расслабившись, начал подумывать о двух-трех днях отдыха. Однако через час меня срочно вызвали к Н. И. Клинову. Немного обеспокоенный, я зашел в его кабинет и увидел там начальника УБХСС¹ областного УВД полковника В. И. Верховского и старшего следователя областной прокуратуры Н. П. Овчинникова. Заметив мой вопросительный взгляд, прокурор сказал, что обвинительное заключение он подписал и отправил дело в областной суд, мне же предстоит очередное расследование. В разговор вступил полковник Верховский. Начав с комплиментов в мой адрес, он плавно перешел к делу о хищении золота с приисков Свердловской и Челябинской областей на протяжении нескольких лет. По надежным оперативным данным, ворованное золото преступники сбывали через разветвленную, но не полностью выявленную сеть. Верховский предложил срочно создать большую следственно-оперативную бригаду² и приступить к расследованию. Клинов, направив в бригаду меня и Овчинникова, потребовал выделить нам наиболее опытных сотрудников УБХСС для оперативного сопровождения.

С тоненькой папочкой, в которой лежали материалы дела, мы с Н. П. Овчинниковым (он работал по делу уже два дня) вышли от прокурора. Я начал знакомиться с результатами проведенных первоначальных следственных действий. Уголовное дело возбудили 10 сентября по факту продажи 115 граммов золотого песка жителем Красноуральска Сергеем Северцевым двум цыганам – Саиду и Николаю Оглы. Всех троих задержали во время сделки. Деньги и золото изъяли. Вину свою они при-

знали, и дело вроде бы следовало закрыть. Однако оперативные сотрудники областного УВД уверяли Н. П. Овчинникова, что им известен не один эпизод хищения и сбыта золота. По полученным данным, существует даже нелегальная ювелирная мастерская, изготавливающая для продажи кольца, цепочки и другие украшения. Мы с Овчинниковым решили завтра же изучить все имеющиеся материалы и встретиться с оперативниками.

На следующий день около десяти часов утра мы были у заместителя начальника УБХСС подполковника А. Мельчакова, который предоставил нам огромное количество оперативных материалов. Тщательная оперативная разработка проводилась более года и дважды продлевалась. Из донесений агентуры, результатов наружного наблюдения и многочисленных негласных опросов стало известно о хорошо замаскированной преступной группе, состоящей из расхитителей, сбытчиков, покупателей золота и изготовителей ювелирных изделий. Еще до встречи с оперативными сотрудниками, изучая материалы дела, я обратил внимание на одно обстоятельство: во время обыска на квартирах Саида и Николая Оглы обнаружено более 30 ювелирных изделий, изготовленных для продажи среди цыган. Среди них были золотые подковы, кресты и полумесяцы, маленькие статуэтки коней, орлов, змей и слонов. Эти изделия не входили в соответствующий государственный каталог, что говорило о нелегальном их происхождении. Высокое качество украшений свидетельствовало о том, что изготовили их профессионалы.

Обоснованно полагая, что заказчиков у нелегальных ювелиров много (не только С. и Н. Оглы), я попросил А. Мельчакова активизировать оперативную работу по обнаружению нелегальной мастерской, считая ее наиболее слабым звеном в преступной цепи. Изъятые украшения отдал на экспертизу находящемуся на пенсии очень опытному ювелиру, обладателю многочисленных, в том числе международных, дипломов. Более всего меня интересовало, кто из перечисленных в подготовленном для меня оперативными сотрудниками

списке ювелиров мог изготовить представленные ювелирные изделия. Эксперт оказался специалистом высочайшего класса. Уже через два дня в своем заключении он указал, что почти все ювелирные изделия сделаны опытным ювелиром Ф. М. Лонаевым, лишь несколько колец – молодым мастером П. Б. Сидельниковым.

К этому времени план расследования был почти готов. После обсуждения с подполковником А. Мельчаковым порядка проведения совместных следственных и оперативно-розыскных мероприятий мы внесли в план некоторые дополнения и приступили к его выполнению.

Из-за того что члены преступной группы действовали на разных территориях, мы с Н. П. Овчинниковым работали отдельно друг от друга, постоянно обменивались полученной информацией и эффективно использовали ее. В процессе расследования уголовного дела было установлено около сотни эпизодов преступления, совершенных на территории от Магадана до Риги. При этом Н. П. Овчинников в основном расследовал преступную деятельность на приисках Свердловской, Челябинской и Магаданской областей. Я же изучал вопросы сбыта похищенного золота и спекуляции валютными ценностями в Узбекской, Азербайджанской, Грузинской и Латвийской союзных республиках и назначал судебные экспертизы.

Отмечу, что повсюду нас сопровождали оперативные сотрудники УБХСС, которые оказали нам неоценимую помощь.

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ: ДОПРОСЫ ЮВЕЛИРОВ

Первым допросили молодого ювелира П. Б. Сидельникова. Я полагал, что так как он был меньше связан с отцом и сыном Оглы, то получить его правдивые показания будет легче. Мои расчеты полностью оправдались. Чтобы Сидельников «развязал язык», создали обстановку, свидетельствующую о якобы имеющихся у следствия признательных показаниях задержанных покупателей золота и его коллеги Лонаева. Сидельников показал, что с молодым Оглы его свел Федор Лонаев.

Последний в течение года изготавливал для цыган различные украшения, но ему передавал лишь незначительную часть заказов. Расплачивались за работу очень щедро, а потому он попросил Лонаева давать ему больше заказов. Каково же было его удивление, когда за новой партией золотых колец пришел не Николай, а некий Золотарев-Чирипанов из Челябинска. К тому же Сидельников заметил, что золото, из которого он делал кольца, отличалось от прежнего. Мне стало ясно: золото похищали не только в Свердловской, но и в Челябинской области. Сидельников рассказал, что вместе с Лонаевым они организовали маленькую ювелирную мастерскую в бане, расположенной во дворе его частного дома. При обыске в доме, бане и других строениях, находившихся на участке Сидельникова, и в квартире Лонаева мы обнаружили различные инструменты и приспособления для проведения самых сложных ювелирных работ.

До допроса Федора Лонаева я дал задание оперативникам собрать сведения о Золотареве-Чирипанове и с помощью челябинских коллег провести его негласную разработку.

Для оказания психологического давления на Лонаева его доставили ко мне под охраной и в наручниках. После того, как я зачитал лишь несколько строк из протокола допроса Сидельникова, Лонаев начал давать показания о своих связях не только с семейством Оглы и Золотаревым-Чирипановым, но и с оренбургскими цыганами.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ: КОМАНДИРОВКА В ОРЕНБУРГ

В связи с вновь открывшимися обстоятельствами Овчинников с двумя оперативными сотрудниками выехал в Челябинск, а я с А. Мельчаковым – в Оренбург. Еще до нашего отъезда Мельчаков попросил оренбургских оперативников установить все данные о привозившем золото Ф. Лонаеву цыгане (имя Степан, слеп на левый глаз). Разыскиваемым оказался Николаев Петр Степанович, по кличке Степан-одноглазый, известный наркоторговец, проживающий в поселке недалеко от областного центра.

На следующий день после приезда в Оренбург мы получили дополнительные сведения о нем и организовали наружное наблюдение за его ближайшим окружением, так как Николаев был в отъезде. Через два дня он вернулся, и мы начали действовать по разработанному плану.

Рано утром оперативники окружили стоящий в отдалении от других строений большой двухэтажный дом Николаева, а мы приступили к обыску. Членов его семьи (10 или 11 человек) мы изолировали в разных комнатах. Не рассчитывая на успех обыска, я сразу же отправил Николаева в областное управление МВД, решив воспользоваться его неосведомленностью. В ходе обыска в одной из комнат обнаружили весы с набором гирек. На чашечках весов поблескивали частицы желтого металла. Такие же крупинки были на дне двух литровых банок, стоявших в шкафу рядом с весами. В одном из чуланов на первом этаже дома нашли небольшой мешок с марихуаной (анашой), самым распространенным в то время наркотиком. Когда мы заканчивали обыск, оперативники, контролировавшие территорию около дома, сообщили, что задержали автомобиль, в багажнике которого лежал большой мешок с марихуаной. За рулем оказался зять Николаева – Николай Королевский.

Смывы частиц желтого металла, обнаруженного на чашечках весов и банках, я направил на экспертизу. В тот же день получил заключение: частицы являются золотым песком. Экспертиза также подтвердила, что в мешках находится марихуана (общий вес – 22 килограмма).

В результате прекрасно организованной подполковником Мельчаковым оперативной разработки Николаева и некоторых его ближайших родственников удалось выяснить, что задержанный постоянно привозил марихуану из Ташкента от своего знакомого Рашида Камбарова. Однажды тот продал ему около 200 граммов золотого песка, из которого и было изготовлено несколько ювелирных украшений. Вооруженный столь серьезной доказательственной и оперативной информацией, я обрушил ее на подозреваемого. При этом мне удалось

создать у Николаева впечатление, что основная часть доказательств предоставлена его ташкентским поставщиком Камбаровым. Растерявшийся Николаев сразу же спросил, будет ли ему снисхождение в случае оказания помощи следствию. Получив утвердительный ответ и прочитав нормы о смягчении наказания при чистосердечном признании в Уголовном кодексе и постановлениях Верховных судов СССР и РСФСР, он начал подробно отвечать на мои вопросы. Оказалось, что в Ташкенте он за два раза купил 450 граммов золота, которое Камбаров приобрел у старинного друга, приехавшего к нему в гости из далекого Магадана. В конце допроса Николаев сообщил адрес Камбарова. На следующий день с санкции прокурора Оренбургской области Петра Николаева арестовали, и мы с ним отправились в Свердловск. С Николая Королевского взяли подписку о невыезде.

Изучая оперативные материалы, представленные нам оперативными сотрудниками Свердловского УБХСС, мы обратили внимание на неизвестный нам канал поставки золота семейству Оглы. Однако оба арестованных отрицали приобретение золота. На допросах, которые проводили Николай Павлович Овчинников и я, подозреваемые (обвинение им еще не предъявили) не только уходили от ответов на поставленные вопросы, но и вели себя агрессивно, отрицали уже установленные факты, угрожали, что если мы будем «копать» дальше, то они откажутся от данных ранее показаний. Столь странное поведение насторожило нас. Однако мы решили пока не искать ему объяснений, хотя у нас и появилась мысль о том, что мы нащупали новые каналы поступления похищенного золота из Магадана.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ:

УСПЕШНАЯ ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В ТАШКЕНТЕ

Вернувшись из Оренбурга в Свердловск, я сразу же допросил ювелиров Ф. М. Лонаева и П. Б. Сидельникова. Они подтвердили показания Петра Николаева, хотя и пытались уменьшить количество привезенного им золота. На очной ставке

признались, что золото из Оренбурга получали несколько раз, из Челябинска поступали самородки, а из неизвестного им источника – золотой песок, которого было значительно больше.

Пока я проводил допрос и очные ставки, подполковник Мельчаков попросил своих ташкентских коллег выяснить все данные о Рашиде Камбаровом и его связях, в том числе магаданских. Уже через трое суток нам пришел ответ, в котором сообщалось, что Р. Камбаров с семьей из восьми человек проживает в собственном двухэтажном доме на окраине Ташкента, работает рубщиком мяса в Центральном гастрономе. Ранее Камбаров был дважды судим за сбыт наркотиков, второй раз отбывал наказание в Магаданской области, а после освобождения три года работал на одном из приисков Магадана. После возвращения в Ташкент быстро устроился на хорошую и выгодную работу, купил большой дом. С оперативного учета снят два года назад. В результате негласного опроса соседей Камбарова ташкентские оперативники установили, что к нему часто на очень короткое время приезжают гости из Магадана, Челябинска и Свердловска. А. Мельчаков попросил узбекских коллег выяснить, не ожидает ли Камбаров в ближайшие дни очередных «гостей». Мы не сомневались, что «гости» и есть либо расхитители золота, либо оптовые сбытчики цветного металла. Нам повезло: вскоре из Ташкента пришло срочное сообщение о том, что по агентурным данным Камбаров готовится к приему «гостей» (на этот раз из столицы Урала).

А. Мельчаков, старший оперуполномоченный майор И. Морозов и я вылетели в столицу Узбекистана. Встретившие нас оперативные сотрудники Ташкентского ОБХСС рассказали, что за Камбаровым установлено наружное наблюдение, а опытный агент, внедренный в ближайшее окружение Камбарова, постоянно встречается с ним, но ожидаемые гости еще не появились. Пришлось ждать. После встречи с агентом у подполковника А. Мельчакова возникли сомнения в его информированности. Однако мы решили рискнуть и провести

обыск в доме Камбарова. Ташкентское ГУВД выделило нам в помощь нескольких оперативных сотрудников и эксперта-криминалиста.

Рано утром 24 октября мы приступили к обыску. Это сложное следственное действие длилось не менее шести часов, но кроме двух стеклянных однолитровых банок, в которых находилось несколько мельчайших крупиц желтого металла, мы ничего не обнаружили. Эксперт сделал смывы частиц и позднее установил, что они являются золотым песком. Несмотря на то что обыск закончился неудачей, я задержал Камбарова, основываясь на показаниях Николаева, двух свердловских ювелиров и положительном заключении эксперта. Мы решили продолжить наблюдение за домом Р. Камбарова и договорились с руководством УВД Ташкента об организации в нем круглосуточной засады.

Около пяти часов утра 25 октября в моем номере раздался настойчивый телефонный звонок. Оперуполномоченный, возглавлявший группу засады, сообщил, что ими задержаны двое: мужчина и его 16-летний сын, прилетевшие из Свердловска. Я разбудил своих коллег, на дежурной машине городского управления милиции мы быстро доехали по еще спящему городу до дома Камбарова и приступили к обыску подозреваемых. У М. С. Петухова-отца золота не оказалось, но вот у его сына вместо ожидаемого золотого песка или самородного золота в специально сшитом поясе я обнаружил около 5 килограммов рубинов. При допросе Дима Петухов показал, что вместе с отцом дважды летал в Ташкент, перевозя в поясе сначала золото, а затем рубиновые камни, откуда они у отца, он не знал. Допрашиваемый М. С. Петухов всю ответственность взял на себя, рассказав, кто ему передавал золото и камни, кому он отдавал вырученные за них деньги. Оказалось, что Петухов, будучи начальником отдела сбыта Свердловской ювелирно-гранильной фабрики, получал золото от задержанного в Челябинске Золотарева-Чирипанова. Показания М. С. Петухова были полностью подтверждены Камбаровым.

О результатах обыска и допроса я сообщил старшему следователю Свердловской областной прокуратуры Н. П. Овчинникову.

Прилетев в родной город вместе с оперативными сотрудниками и арестованным Камбаровым, я начал изучать протоколы допросов, проведенных Н. П. Овчинниковым. Выяснилось, что на Свердловской ювелирно-гранильной фабрике был организован новый цех по изготовлению искусственного рубина и изделий из него. Когда партия рубинов весом 4 килограмма 700 граммов оказалась нестандартной, заместитель начальника цеха Н. И. Дроздов распорядился ее списать, а затем Петухов отвез камни на продажу в Ташкент.

Из новых показаний совершенно растерявшегося Рашида Камбарова стало известно, что, во-первых, основной поток похищенного золота шел из Магаданской области, а не из Свердловской и Челябинской, во-вторых, золото сбывали главным образом в Баку через известного главаря организованной группы А. Басаева. Камбаров показал, что вместе с Хачатряном и А. Резниченко (еще одним магаданским похитителем золота) ездил в Баку, где они выгодно продали более 2,5 килограммов золота А. Басаеву. Там же они познакомились с Я. Хананьей, который скупал у Басаева золото для изготовления ювелирных изделий.

Это были очень важные сведения: преступная линия «Магадан – Баку» становилась главной в нашем расследовании. Начальник УБХСС Свердловского областного УВД полковник В. И. Верховский со своим коллегой из МВД Азербайджана составили план оперативной разработки преступной группировки А. Басаева. Одновременно подобный оперативный план (по просьбе В. И. Верховского) разработали его коллеги из Магаданского областного управления МВД.

Примерно через 10–12 дней нам пришла информация из Баку и Магадана. И мы с Овчинниковым поехали в командировки: он – в Магадан, а я – в Баку. К сожалению, полученные оперативные данные носили общий характер и касались лишь

характеристики Басаева, Хачатряна, Резниченко, Хананьи и их преступных связей. Однако и это позволило нам составить предварительные следственно-оперативные планы.

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ:

РАЗГРОМ БАКИНСКОЙ ПРЕСТУПНОЙ ГРУППИРОВКИ

К командировке в Баку мы готовились особенно тщательно: я несколько раз просил бакинских коллег уточнить оперативные данные об организационной группировке валютчиков и оптовых скупщиков магаданского золота, которую возглавлял неоднократно судимый Али Басаев. От магаданских оперативников нам поступили сведения о некоем Ахмедове, постоянно прилетающем из Баку в Магадан на один-два дня. Очевидно, именно он и являлся перевозчиком золота. Учитывая большой объем предстоящей работы и личность Басаева, я попросил руководство ГУВД области ввести в оперативно-следственную группу вместо двух (как обычно) трех оперативных сотрудников. Ими стали подполковник А. Мельчаков, майоры И. Морозов и А. Игнатъев.

В середине ноября мы вчетвером вылетели в Баку. По моему, Баку – один из красивейших и сказочных городов мира, в котором удивительно сочетаются горы и море, всегда оживленные улицы и площади. Когда мы покидали Свердловск, его окутывал снег, в Баку же светило солнце, было тепло и сухо. Из аэропорта мы сразу же приехали в горуправление милиции. Встретили нас доброжелательно, но тотчас огорчили: Басаев каким-то образом узнал об оперативной разработке своей группировки (видимо, произошла крайне нежелательная утечка информации). Начальник УБХСС Баку сообщил: «Басаев скрылся, ушел в горы, в какое-то селение, но мы выясним, где он прячется». Отправив Морозова и Игнатъева в гостиницу, я вместе с подполковником А. Мельчаковым и бакинскими коллегами занялся планированием работы в новых, более сложных условиях.

Через час-полтора мы составили план, в основу которого легла довольно простая идея: создать видимость того, что

«свердловские гости» проведут в Баку пять-семь дней, выполняя какие-то второстепенные следственные действия, а затем, не обнаружив Басаева, вернуться на Урал. До задержания Басаева (мы были уверены, что нам это удастся) решили не «работать» с ювелиром Я. Хананьей и перевозчиком магаданского золота Ш. Ахмедовым.

В последующие дни я допросил более 20 родственников Басаева: все они в один голос утверждали, что о его преступной деятельности ничего не знают, что последние месяцы он сильно болел, а потому уехал в далекий горный аул лечиться у какого-то народного целителя. Я делал вид, что верю им, и говорил, что через неделю нам придется покинуть Баку и передать материалы в республиканскую прокуратуру.

Бакинские оперативники внимательно следили за ближайшей родней Басаева. Вскоре им поступила информация о кончине дяди Басаева и его похоронах, на которые должен приехать разыскиваемый преступник. Мы договорились с руководством городского управления милиции о совместных действиях по задержанию А. Басаева. Нам выделили две автомашины, а в группу включили оперативника, хорошо знающего лидера преступной группировки, и еще троих милиционеров, вооруженных автоматами. На таких усиленных мерах предосторожности настояли наши бакинские коллеги: по их мнению, А. Басаев вооружен и очень агрессивен, не задумываясь, хватается за пистолет. Его кличка – «Кара», что в переводе означает «черный» (видимо, среди смуглых азербайджанцев он был самым смуглым).

Около четырех часов вечера нам позвонили и сообщили, что в доме дяди появился А. Басаев. Мы сразу же выехали и через 15–20 минут уже находились на месте. Оставив оба автомобиля у открытых ворот, вместе с оперативником вошли во двор. Следом въехала машина с автоматчиками. Перед нами стояла толпа мужчин, мне показалось, что некоторые из них были пьяны (хотя Коран категорически запрещает прием спиртных напитков). В соответствии с планом задержания я подошел к ним. Мой спутник подозвал Басаева и сказал ему,

что человек, приехавший из Магадана, хочет с ним переговорить. Замечу, что Басаев разочаровал меня: вместо мощного, атлетически сложенного мужчины я увидел высокого, худощавого (даже истощенного) человека. Он вежливо поздоровался со мной и спросил: «Вы от кого?». Я ответил: «Кара, тебе привет от Резниченко». Басаев приветливо улыбнулся, протянул мне руку и произнес: «О... Толя Резниченко... якши адам» (хороший человек. – *Л. Д.*). Я быстро схватил обеими руками его тонкую и длинную ладонь. Подбежавшие А. Мельчаков и И. Морозов надели на него наручники, а Игнатъев направил на Басаева пистолет и, перемежая свою речь крепкими словами, приказал: «Не двигайся. Иначе буду стрелять!». В то же время трое автоматчиков выскочили из своей автомашины и прикрыли нас от толпы.

Буквально на руках мы донесли Басаева до машины, втолкнули в нее и на большой скорости «рванули» к городскому управлению милиции. Все это время А. Басаев не проронил ни слова, только смотрел на меня и Мельчакова испуганными глазами. В управлении МВД нас встретил руководитель бакинской милиции, пожал мне руку, похвалил и добавил, что распорядился усилить охрану здания.

Я попросил коллег вместе с оперативниками УБХСС немедленно задержать Ш. Ахмедова и Я. Хананью, которые находились под круглосуточным наружным наблюдением. Сам же, пытаясь использовать фактор внезапности, приступил к допросу Басаева. Как мы и ожидали, он, тщательно подбирая слова, отрицал все обвинения: не только покупку золота у магаданских расхитителей, но и знакомство с ними. Он подтвердил, что знает Резниченко, но преступные связи с ним настойчиво опровергал. Басаев не стал отрицать связь с Яковом Хананьей, но, подумав, осторожно заявил, что она ограничивалась лишь тем, что ювелир несколько раз переделывал для его жены кольца, доставшиеся от матери. Растерялся Басаев только раз, когда я упрекнул его в том, что он плохо оплачивал опасную работу Ахмедова по доставке золота из Магадана в Баку. Он вскочил со стула и закричал: «Что вы мне лепи-

те! Мы с ним даже не знакомы». После этого он потребовал встречи с прокурором города, а также настойчиво повторял, что мы должны или предъявить ему обвинение, или же немедленно освободить его из-под стражи. Поняв, что фактор внезапности не сработал, я прекратил допрос и отправил Басаева в камеру предварительного заключения (КПЗ). Правда, отдыхать мне не пришлось. Минут через 40 сначала доставили Я. Хананью, а затем – Ш. Ахмедова, которого задержали во время тренировки в спортивном зале. Замечу, что обыски у задержанных результатов не дали.

На допросе Хананья отрицал все, включая знакомство с Басаевым. Он очень нервничал, кричал, даже плакал, требовал немедленного освобождения. Почувствовав бесполезность дальнейшего проведения допроса, я отправил Хананью в КПЗ и попросил обеспечить самую строгую изоляцию всех задержанных друг от друга.

Был уже поздний вечер, но я решил снять показания и с Ахмедова. Когда в кабинет ввели задержанного, я попросил освободить его от наручников и пригласил присесть. Напротив меня сидел красивый, атлетически сложенный, но очень растерянный и испуганный мужчина. Несмотря на серьезнейшие преступления, которые он совершил, я почувствовал к нему сочувствие, поскольку знал некоторые обстоятельства, связанные с вовлечением Ахмедова в преступную группу. Мы долго беседовали. Я рассказал ему о тяжести содеянного им и его сообщниками, о возможном наказании и о наиболее выгодной для него линии поведения. Я обратил его внимание на то, что у него нет ничего общего с группировкой Басаева, сказал, что надо рвать с ней, и первый шаг к этому разрыву – содействие следствию.

Мы говорили о любимом виде спорта Шунасива Ахмедова – вольной борьбе, об успехах и победах в соревнованиях. В конце беседы незаметно перешли к причинам, по которым он пошел «на службу» к преступникам. В конце нашего затянувшегося разговора Ахмедов попросил бланк протокола допроса и записал свои показания. Он полностью признал

участие в преступной деятельности группировки Басаева, рассказал, что занимался перевозкой золота из Магадана в Баку, перечислил все эпизоды этой перевозки. Золото ему передавал Хачатрян, который получал деньги за золото от А. Резниченко (последнему их давал сам Басаев). Таким образом, золото перевозил Ахмедов, а деньги – Резниченко. Такую систему придумал Басаев. Всего Ахмедов перевозил золото трижды: два раза по 2,5 килограммов и один раз 3 килограмма. В последнюю поездку его и задержал в аэропорту Баку капитан милиции Азизов, предложив сделку: он отпустит Ахмедова, если тот за оказанную «услугу» отдаст 1 килограмм золота. На переговоры с Азизовым пришлось вызывать Басаева. В результате длительного торга Азизов стал владельцем 1 килограмма золота, отпустил Ахмедова и согласился в дальнейшем сотрудничать с преступниками. Больше Ахмедов в перевозке золота не участвовал, так как Басаев отстранил его от этой «работы». На деньги, которые он получил за перевозку золота (примерно 5500 рублей), он приобрел мебель, отремонтировал квартиру и оплатил расходы на свадьбу. Два-три Басаев вызывал его для сопровождения на какие-то встречи, а один раз он ездил с Басаевым к известному бакинскому ювелиру Якову Хананью: Басаев передал ему два или три маленьких самородка золота. Спустя несколько дней по поручению Басаева Ахмедов вновь посетил Хананью и забрал у того изготовленные золотые кольца и цепочки. Деньги Я. Хананью он не передавал.

На следующий день я допросил Я. Хананью. Меня интересовали его отношения с Басаевым, получение от него золота и изготовление из него различных изделий. О показаниях Ш. Ахмедова я ему ничего не сказал, рассчитывая на фактор внезапности при производстве очной ставки. Так и произошло. Во время второго допроса Хананью я внезапно прервал следственное действие и попросил доставить Ахмедова. А так как тот находился в коридоре, около кабинета, его сразу же ввели в комнату, и я немедленно приступил к проведению очной ставки. Первым дал показания Ахмедов. При этом до-

полнительными вопросами удалось создать у Хананьи впечатление, что они встречались не два раза, а значительно больше. Ювелир был ошеломлен. Он не помнил, с кем приходил к нему Басаев, и потому, сломленный показаниями Ахмедова, подробно рассказал о золоте, которое ему систематически передавал Басаев, о порядке расчетов с ним. Разумеется, все это Хананья изложил уже в процессе продолжения прерванного мною допроса. Ювелирные изделия в основном продавал Я. Хананья, выручку он передавал Басаеву, оставляя себе часть денег за работу (в зависимости от ее сложности). Несколько раз он отдавал золотые изделия непосредственно Басаеву. Торговля шла хорошо, Басаеву он передал примерно 80–90 тысяч рублей, а сам заработал не менее 20 тысяч рублей. Воспользовавшись состоянием допрашиваемого, я попытался выяснить, где находится подпольная мастерская ювелира. Однако Хананья упорно отрицал ее существование. Прервав допрос и предложив ему подумать о своем дальнейшем поведении, я отправил Я. Хананью в камеру.

Было уже поздно. Быстро составив план работы на завтрашний день, я дал задание А. Мельчакову узнать все, что возможно, о начальнике оперпункта столичного аэропорта капитане Азизове, а И. Морозову поручил заняться оперативной разработкой задержанных. Майор Игнатьев помогал мне в проведении следственных действий.

Новый день начался с того, что многочисленные посетители иногда вежливо, а иногда почти грубо требовали освобождения задержанных. Их приемом почти до вечера занимался Игнатьев. Я же с помощью бакинских оперативников пытался установить лиц, входивших в организованную преступную группировку Басаева. Их оказалось восемь человек, все (кроме несовершеннолетнего Караева) ранее судимы. После задержания Басаева они перешли на нелегальное положение, и место их нахождения, несмотря на все усилия, выявить не удалось.

В середине дня я получил оперативные данные о поведении задержанных. Ш. Ахмедов был по-прежнему настроен

позитивно и готов подтвердить свои показания. А. Басаев намерен отрицать все обвинения, а Я. Хананья решил отказаться от прежних показаний. В столь сложной ситуации я решил не проводить очную ставку между Ахмедовым и Басаевым.

Вернувшийся с кипой документов А. Мельчаков рассказал, что за несколько месяцев до нашего прилета в Баку Азизова арестовали и осудили за получение взяток на восемь лет лишения свободы, в настоящее время он отбывает наказание в далеком Красноярском крае.

Ближе к вечеру мне передали новые оперативные данные о задержанных. Свое поведение частично изменил Яков Хананья: он не хочет давать правдивые показания по всем эпизодам и полностью признавать свою вину. Сокамернику он рассказал, что нелегальную работу по изготовлению ювелирных украшений он осуществлял в подпольной мастерской, которую организовал у надежного человека. Басаев не намерен менять свое негативное поведение, более того, он надеется на помощь высоких покровителей, среди которых якобы есть работники милиции и прокуратуры. Сотрудники бакинского городского управления МВД сообщили мне, что А. Басаев уже написал жалобы в прокуратуры республики и города.

В связи с тем что срок содержания подозреваемых под стражей истекал, на следующий день я предъявил обвинения всем задержанным и коротко допросил их согласно фавуле, изложенной в постановлениях. С ювелира Я. Хананьи я снял более подробные показания, чем с остальных обвиняемых, так как поставил перед собой важную цель – выявить местонахождение нелегальной ювелирной мастерской. Однако Хананья, признав получение от Басаева через Ахмедова двух-трех небольших партий самородков и золотого песка, отрицал наличие подпольной мастерской. Чтобы узнать расположение последней, мы решили провести небольшую оперативную операцию, используя просьбу Хананьи о свидании с женой. Специалисты оборудовали прослушивающей аппаратурой два

соседних кабинета: в одном из них установили прослушивающее устройство, в другом – записывающий аппарат.

Свидание длилось 30–40 минут. «Прослушка» действовала безотказно. Проанализировав полученную запись, мы выяснили, что подпольная мастерская находится в пристройке к дому сестры Я. Хананьи – Сони. Остальное было делом техники.

Обыск у сестры Якова Хананьи оказался успешным. В пристройке обнаружили полный набор ювелирных инструментов, несколько незаконченных изделий из золота, а также тетрадный лист с записью о 250 граммах одной из партий золота, полученного от Басаева через Ш. Ахмедова. Данные обыска я использовал при допросе Якова Хананьи, который признал, что получил от А. Басаева около 700 граммов золотого песка и самородного золота для изготовления колец, цепочек и браслетов. Некоторые изделия он передавал Ш. Ахмедову, а некоторые продавал сам, часть денег передавал Басаеву, а часть оставлял себе как плату за изготовление золотых украшений.

На четвертый день нашего пребывания в Баку меня вызвал прокурор города: от А. Басаева и Я. Хананьи поступили жалобы на якобы незаконный арест. Я изложил прокурору все обстоятельства дела, предъявил заверенные копии протоколов допросов и других следственных действий, проведенных в Свердловске, Ташкенте и Магаданской области. Ознакомившись с документами, прокурор сказал, что не находит никаких нарушений, что арест всех обвиняемых произведен в соответствии с законом.

Не дожидаясь задержания всех участников преступного формирования, мы начали готовиться к возвращению в Свердловск. Быстро подготовили документы на этапирование Якова Хананьи и Шунасива Ахмедова, а Басаева (с учетом его роли в преступном сообществе) решили взять с собой.

Прямого рейса из Баку в Свердловск в то время не было, поэтому нам пришлось делать пересадку в Москве. До столицы мы долетели быстро, а в ней начались проблемы. Во-

первых, из-за плохой погоды пришлось ждать вылета в Свердловск почти двое суток. Во-вторых, Басаев отошел от шока после внезапного задержания и, вспомнив о своем криминальном прошлом (три судимости за разбойные нападения, признанный преступный «авторитет»), стал предъявлять нам претензии. Пришлось надеть на него наручники и напомнить, что, ведя себя таким образом, он серьезно осложняет свое положение. Подполковник Мельчаков, обладавший исключительным терпением, пригрозил Басаеву, что напишет рапорт начальнику следственного изолятора и вместо обычной камеры он попадет в штрафной изолятор. А. Басаев, оценив ситуацию, изменил поведение.

С помощью дежурных сотрудников транспортной милиции мы удобно устроились в углу зала ожидания, отгородившись от других пассажиров скамейками. Среди ожидающих оказалось несколько знакомых свердловчан, в том числе известный уральский философ Лев Коган. Он подошел к нам и поинтересовался, как это нам удалось так комфортно устроиться в переполненном зале. Я объяснил ему ситуацию, и он, к моему удивлению, попросил разрешения поговорить с Басаевым. Я согласился, заранее определив тему разговора. Л. Коган, представившись Басаеву, минут 10–12 очень оживленно беседовал с ним о семье, детях, о прошлой и будущей жизни. Басаев как-то разговорился и даже расчувствовался, но не переставал утверждать, что его арестовали незаконно и что он «прочно завязал» с преступным прошлым. Через некоторое время растроганный услышанным ученый сходил в буфет аэропорта и с моего разрешения принес Басаеву несколько бутербродов с икрой.

Вскоре объявили посадку, и через два часа мы были в Свердловске. Нас встретили сотрудники УБХСС ГУВД области. Доставив А. Басаева в следственный изолятор, я простился с коллегами и заехал в прокуратуру области. О результатах командировки в Баку я доложил начальнику следственного отдела С. П. Лукину. После этого переговорил по телефону с Н. П. Овчинниковым, который еще находился в Магадане

и решал вопросы об этапировании задержанных расхитителей золота. Выяснив некоторые детали хорошо организованного хищения, я договорился с подполковником Мельчаковым о доставке в ГУВД области к 11 часам утра следующего дня с соблюдением строгой изоляции арестованных ранее в Оренбурге и Ташкенте троих обвиняемых, обличавших Басаева в скупке золота.

Басаева я попросил привезти для производства следственных действий к десяти часам и разместить в одном из кабинетов областного УВД так, чтобы он видел всех доставленных после него обвиняемых. Столь простой тактический прием оказал на А. Басаева сильнейшее воздействие. Когда около полудня я пришел в ГУВД и встретился с Басаевым, он был неузнаваем. Как только я стал ему объяснять, что сейчас будут проведены три очные ставки, он замахал руками и стал кричать, что проводить их не надо, что он все расскажет сам, и попросил бланк протокола. Писал он свои показания более часа, а затем передал протокол мне. Внимательно прочитав его, я понял, что, хотя А. Басаев и «попался» на элементарной тактической комбинации, но все же оказался не так прост. В показаниях он признал лишь те эпизоды, в которых его могли уличить увиденные им трое сообщников³. Стало ясно, что с Басаевым предстоит длительная и нелегкая тактическая борьба. На всякий случай я все же провел запланированные очные ставки, чтобы предотвратить возможный отказ их участников от своих показаний в судебном заседании.

К этому времени появилась новая проблема. Поскольку я требовал от руководства следственных изоляторов соблюдения строгой изоляции обвиняемых, проходивших по одному уголовному делу, возникла труднейшая ситуация с их размещением. Под стражей находилось уже более 40 человек, а, судя по масштабам уголовного дела, предстояли новые командировки, новые задержания и аресты. Посоветовавшись с руководством областной прокуратуры и ГУВД области, я решил помещать вновь арестованных обвиняемых в следственные изоляторы не только Свердловска, но и Нижнего Тагила, Камышлова, Первоуральска. Разумеется, это осложняло

производство следственных действий, но зато обеспечивало разобщенность обвиняемых и позволяло проводить оперативно-тактические комбинации и операции.

Несколько дней я интенсивно работал, допрашивая обвиняемых по различным эпизодам дела, назначая экспертизы изъятого золота для точного определения его происхождения (Урал, Восточная Сибирь или Магадан), анализировал оперативную информацию, непрерывно поступающую от сотрудников ОБХСС области. Новые оперативные данные уточняли и подтверждали официальные сведения о широкой преступной сети расхитителей и оптовых скупщиков золота, занимающихся криминальным бизнесом на протяжении нескольких лет.

Мы поняли, что предстоит серьезная, трудная и длительная (до нескольких месяцев) работа с многочисленными и продолжительными командировками в различные области и республики нашего необъятного Советского Союза. Однако ее основная часть была завершена, и это придавало нам уверенности в полном успехе расследования.

ЭПИЗОД ПЯТЫЙ:

НЕСТАНДАРТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЛОЖНОГО ОБЫСКА

Расследуя один из эпизодов оптовой скупки золота и проводя обыск у подозреваемого, мы обнаружили у него, кроме золота, две золотые монеты Великобритании – соверены. На воровском жаргоне их называли «жоржиками» из-за изображения на одной стороне английского короля Георга (в русской уменьшительной транскрипции – «жора», «жоржик»). В процессе допросов и оперативных мероприятий нам удалось установить, что подозреваемый выменял эти монеты на золотые украшения у некой бабы Мани – авторитетной цыганки из табора, ведущего оседлый образ жизни в одном из пригородов Саратова. Полученные случайно сведения оказались очень ценными, так как позволяли пресечь криминальную деятельность валютчиков, борьбе с которой в те годы руководство союзной прокуратуры придавало большое значение.

Так как я занимался узбекскими (Ташкент, Андижан) и кавказскими (Баку и Абхазия) эпизодами, то расследование валютных операций я поручил оперативным сотрудникам и дознавателям Свердловского областного УВД. Они сразу же связались со своими саратовскими коллегами, которые через несколько дней предоставили подробную справку о личности бабы Мани и ее деятельности. Оказалось, что это Мария Петровна Буртова, ей исполнилось 79 лет, но несмотря на свой почтенный возраст, она активно и весьма успешно трудится: гадает, делает заговоры (в первую очередь на любовь) и лечит любые, даже самые тяжелые, болезни. За свою длинную «трудовую» жизнь Мария Петровна, скопившая немало не очень честно заработанных денег, слыла богачейшим и самым полезным членом табора. В последнее время, опасаясь очередной девальвации, баба Маня начала скупать золото. По агентурным данным, не так давно она купила десять английских золотых монет у проезжего цыгана. По словам бабы Мани, он (его фамилия Коптун) ранее жил в Саратове, а после смерти жены переехал в Ригу к дочери. Позднее баба Маня обменяла два «жоржика» на золотые украшения.

После получения этих оперативных материалов в Саратов выехала группа сотрудников УБХСС и дознавателей областного УВД. Перед отъездом я тщательно проинструктировал их и попросил при проведении следственных действий учесть сплоченность цыганского табора и большой авторитет М. П. Буртовой.

Тем не менее работа прибывшей в Саратов группы сразу же пошла не по плану. Шаблонный подход к производству обыска привел к тому, что родственники бабы Мани призвали на помощь всех живущих в таборе, заблокировали нашу опергруппу и сопровождающих ее сотрудников управления МВД Саратова. Длительные переговоры ни к чему не привели. После возвращения опергруппы в Свердловск был устроен жесткий, но объективный «разбор полетов». Взяв под защиту своих друзей и товарищей по оружию, я выразил желание, отложив все текущие дела, съездить в гости к бабе Мане.

Выждав около двух недель, мы связались с прокуратурой Саратовской области и руководителем Саратовского областного УВД, объяснили сложившуюся по уголовному делу обстановку и попросили оказать помощь. Нам обещали полное содействие.

В середине февраля 1962 года я вместе с подполковником А. Мельчаковым и майором И. Морозовым вылетел в Саратов. В аэропорту нас встретили сотрудники областного УВД. Уточнив разработанный ранее план действий, мы на следующий же день приступили к его реализации. В плане была предусмотрена некая «изюминка»: все члены табора приглашались на общее собрание для обсуждения жалоб на некоторых сотрудников райотдела милиции, с которыми у цыган (особенно у цыганок) возникало множество недоразумений. Мы рассчитывали, что Буртова из-за возраста и состояния здоровья не придет на собрание и будет в доме одна, а потому мы проведем намеченные мероприятия без каких-либо помех. Правда, на всякий случай был предусмотрен и запасной вариант: если все-таки баба Маня пойдет на собрание, то по дороге ее перехватит молодая сотрудница УБХСС с просьбой за хорошую плату погадать ей (разумеется, на любовь). К счастью, этот вариант оказался нереализованным: баба Маня из-за плохого самочувствия осталась дома.

Наша группа вместе с двумя сотрудниками саратовского УБХСС и тремя понятыми вошла в большой (семь комнат, одна из них – обеденная, кухня и подсобное помещение) чисто убранный дом. Я представился, предъявил документы, и мы приступили к обыску. Мне досталась самая большая (обеденная) комната. Изредка я прерывал обыск и задавал вопросы Марии Петровне. Вначале баба Маня молчала, но поняв, что я знаю о продаже ею двух соверенов приезжему с Урала знакомому цыгану и отпираться бесполезно, разговорилась. Я, конечно, с радостью пошел ей навстречу, пообещав в случае чистосердечного раскаяния и помощи следствию не привлекать ее к уголовной ответственности. Тем не менее о покупке золотых монет она продолжала молчать.

Примерно через 30–40 минут после начала обыска я вместе с одним из понятых и бабой Маней вошел в кухню. Моё внимание сразу же привлек подоконник, плита которого лежала немного неровно. Подойдя к окну и легко выдвинув ее, я увидел в стене маленький тайник, в котором лежали восемь соверенов, несколько золотых колец, серебряные и золотые подковы. Баба Маня, заглянув в тайник, крепко выругалась и сказала, что, кроме обнаруженного, в нем было 200 рублей, полученных ею за гадание, но, видимо, их украла одна из ее внучек, уехавшая вчера со своим женихом в Ростов. Именно поэтому плита подоконника оказалось несколько сдвинутой. После того как Мария Петровна посетовала на современные нравы и успокоилась, она подробно рассказала о покупке десяти соверенов, пожаловалась, что продавец, ее хороший знакомый Николай Коптун, слегка обманул ее (рублей на 50–60), но она в ответ по дешевке выторговала у него золотые карманные часы для своего внука. «В общем мы в расчете», – закончила свой рассказ баба Маня.

Забегая вперед, скажу, что впоследствии в отношении М. П. Буртовой (как я и обещал) уголовное дело было прекращено в связи с ее возрастом (почти 80 лет) и состоянием здоровья, чистосердечным раскаянием и помощью следствию. Конечно, я понимал, что и ее признание, и помощь следствию – вынужденные, однако они (повторю) позволили нам вскрыть еще одно преступное направление – поступление и сбыт иностранной валюты.

ЭПИЗОД ШЕСТОЙ: ГАЗЕТНЫЙ ЛИСТ – ВАЖНЕЙШЕЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ВИНОВНОСТИ

После удачной командировки в Саратов мы приступили к расследованию «валютного дела». Я назначил сразу же несколько экспертиз, в том числе по определению подлинности изъятых соверенов и установлению их стоимости по официальному курсу и на «черном рынке». Поскольку некоторые вопросы государственные экспертные учреждения решить не могли, пришлось обратиться к коллекционеру. (Отмечу, что

выездная сессия Верховного Суда РСФСР признала доказательствами все экспертные заключения, находящиеся в уголовном деле.)

В начале марта 1962 года, получив все необходимые сведения о подозреваемом Н. С. Коптуне, я с подполковником А. Мельчаковым и майором И. Морозовым вылетел в Ригу.

Латвия встретила нас теплой погодой. Рижские коллеги из органов прокуратуры и МВД предоставили нам подробные материалы о Н. С. Коптуне, его родных, знакомых, даже список его поездок по стране. Они установили, что чаще всего Н. С. Коптун общается с семьей своей дочери Нины и неким Айваром – шеф-поваром одного из ресторанов столицы Латвии, расположенного вблизи морского порта. Конфиденциально нам сообщили, что в отношении Айвара в МВД Республики заведено дело оперативного учета в связи с данными о его участии в контрабандной деятельности.

Больше всего нас интересовали сам Н. С. Коптун, который находился под постоянным наружным наблюдением, и его приятель Айвар (информации о нем было очень мало). Чтобы проверить, как ведется наружное наблюдение, я попросил рижских коллег сказать, где сейчас находится подозреваемый. Начальник УБХСС Риги, подтянутый и очень спокойный подполковник, понимающе улыбнулся, вышел в другую комнату и минут через десять вернулся. Внимательно посмотрев на меня, вновь улыбнулся и произнес: «Не мог сразу дозвониться... В настоящее время интересующий Вас объект подходит к своему дому, из которого он вышел в 11 часов 40 минут, зашел в два продуктовых магазина, приобрел 300 граммов сыра, литр молока, пачку печенья „Аврора“ и коробку конфет „Мишка на Севере“. В разговоре с продавцом он обронил, что конфеты купил для внука. Подходя к своему дому, Коптун вынул из кармана ключи». Как только начальник УБХСС замолчал, я заметил: «Молодцы, хорошо работает ваша разведка, большое спасибо за помощь». Мы решили сразу же провести обыск в квартире Н. С. Коптуна и попросили выделить

нам двух оперативных сотрудников и эксперта-криминалиста с наборами поискового и фиксирующего оборудования. Квартира Коптуна находилась в нескольких кварталах от городского управления МВД, и мы быстро доехали до места назначения. Дом был трехэтажный.

Дверь в квартиру на втором этаже нам открыл хозяин – Николай Семенович Коптун – полный, хорошо одетый мужчина с приятными чертами смуглого лица. Я представился, предъявил необходимые документы. Н. С. Коптун вел себя спокойно: «Ну что же, проводите обыск... Но причем здесь Свердловск? В этом городе я никогда не был». Затем он попросил, чтобы понятых мы пригласили «с улицы, а не из дома». Мы выполнили его просьбу и приступили к обыску. Квартира включала три изолированные комнаты, кухню, отдельный туалет.

Распределив работу, я приступил к осмотру самой большой комнаты и балкона. В коротких перерывах я предлагал подозреваемому выдать валюту, советские деньги, вырученные за ее сбыт, а также импортные «шмотки» и прочую контрабанду. Коптун внимательно меня выслушивал и очень вежливо отвечал одно и то же: «Ничего подобного у меня нет. Золотые украшения я покупал в ювелирных магазинах для жены, а сейчас, после ее смерти, все украшения принадлежат дочери. Часть украшений она взяла домой, а часть хранит у меня».

Тщательно обыскав мебель, я начал исследовать стены комнаты, осторожно наблюдая за Коптуном. Вдруг я заметил, что его спокойное лицо изменилось: немного побледнело и стало каким-то напряженным. Я снял со стен четыре картины и, внимательно осмотрев места, где они висели, на одном из них увидел очень маленькие трещинки на штукатурке (такие обычно оставляют дверцы тайника). «Дайте ключ», – спокойно попросил я. Коптун так же спокойно достал связку ключей и указал на два самых маленьких. Одним из них я открыл дверцу тайника, в котором оказалась смятая газета, точнее, ее часть, неаккуратно оторванная. Коптун сразу же замкнулся, рассказывать о тайнике и обрывке газеты он отказался. Обыск

длился около четырех часов. Его ход и результаты были подробно описаны в протоколе и запечатлены на фотоснимках; эксперт-криминалист обнаружил на ключе, газете и крышке тайника следы пальцев рук, изъял их, а также снял оттиски пальцев рук Коптуна.

После обыска я допросил Н. С. Коптуна, особенно меня интересовали его поездки по стране, продажа валюты и покупка золотых изделий, но допрашиваемый все отрицал. Затем я вместе с начальником УБХСС и одной из его сотрудниц поехал на квартиру Нины Николаевны Золотаревой – дочери Коптуна.

Мы вошли в квартиру Золотаревых, когда семья ужинала. Представившись и показав документы, мы сначала провели личный досмотр всех членов семьи, включая 12-летнего сына Нины, а затем приступили к обыску квартиры – двух смежных комнат и на удивление большой кухни. Во время обыска я обратил внимание на то, что глава семьи Федор Степанович Золотарев, красивый молодой цыган, так и не вышел из-за стола, хотя ужин давно закончился. Он сидел, плотно прижавшись к висящему на спинке стула пиджаку. После окончания обыска я попросил Золотарева встать. Он подчинился с явным неудовольствием, после повторного досмотра мужчины я взял пиджак и тщательно осмотрел его. В боковом кармане пиджака обнаружил пачку денег, завернутую в обрывок газеты, часть которой мы нашли в тайнике Н. С. Коптуна. Пересчитали деньги – 15 тысяч рублей (150 ассигнаций достоинством 100 рублей каждая). Нашу находку, как и весь процесс обыска, подробно описали в протоколе и сфотографировали. Допрос членов семьи Золотаревых вновь не дал никаких результатов.

На обрывке газеты, в которую были завернуты деньги, и некоторых купюрах эксперт-криминалист выявил и изъял многочисленные следы пальцев рук, в том числе отпечатки пальцев рук супругов Золотаревых.

Забегая вперед, отмечу, что проведенная позднее дактилоскопическая экспертиза установила на обеих частях га-

зеты и на некоторых изъятых купюрах следы пальцев рук Н. С. Коптуна и супругов Золотаревых, а трасологическая экспертиза четко определила, что оба изъятых обрывка образуют единое целое – лист газеты. Доказательств виновности Н. С. Коптуна в продаже 80 соверенов оказалось достаточно. Мы распрощались с нашими рижскими коллегами и улетели в родной Свердловск, где нас ждали новые расследования других эпизодов большого уголовного дела.

В отношении супругов Золотаревых уголовное дело прекратили, а Н. С. Коптуна выездная сессия Верховного Суда РСФСР признала виновным в совершении валютных операций.

Что касается неуловимого Айвара, то вскоре его задержали и вместе с группой контрабандистов осудили. Часть его показаний, касающихся преступной сделки с Н. С. Коптуном, мы получили из Риги и приобщили к материалам уголовного дела.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Несмотря на большие организационные и тактические трудности, благодаря оптимальному взаимодействию следователей, оперативных сотрудников и экспертов различных ведомств, разных областей и республик Советского Союза уголовное дело о хищении золота с приисков Свердловской, Челябинской и Магаданской областей, его сбыте, а также спекуляции валютными ценностями закончилось в течение года.

Я рассказал лишь о некоторых эпизодах этого уникального во многих отношениях, сложного, но тем не менее успешного расследования.

Что касается описанных эпизодов по другим уголовным делам, то их выбор был обусловлен тем, что я столкнулся с острейшим психологическим противодействием, которое оказывали конфликтующие стороны (подозреваемые, обвиняемые, недобросовестные свидетели и даже некоторые потерпевшие), а также существенным недостатком исходной

информации, которую приходилось с большим трудом добывать, разрабатывая и проверяя, казалось бы, самые невероятные, но на деле удивительно простые версии.

Разумеется, мне (чаще всего совместно с оперативными сотрудниками органов дознания) приходилось раскрывать многие уголовные дела, расследование которых было не менее сложным и увлекательным процессом. Однако наиболее запоминающимися оказались именно те, которые я описал. В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что фамилии и отдельные обстоятельства уголовных дел я изменил по этическим соображениям.

---

¹ До принятия Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 г. понятие «следственная группа», т. е. группа, создаваемая для расследования сложных и больших по объему уголовных дел, в законе отсутствовало. В соответствии с ведомственными приказами и инструкциями использовалось понятие «следственно-оперативная бригада»

² Подобный тактический прием я неоднократно с успехом применял даже в тех ситуациях, когда демонстрируемые «конфликтующему субъекту» сообщники или свидетели не уличали его в тех или иных скрываемых обстоятельствах (фактах).

СТИХИ, ИДУЩИЕ ОТ СЕРДЦА

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Когда выносят Победы Знамя,
Я снова слышу: «Москва за нами!»
Я снова вижу: победным маршем
Войска на Одер выводит маршал,

А наши танки в обход Берлина
К Потсдаму рвутся сквозь рвы и мины,
И в бой последний идут солдаты,
В упор стреляя из автоматов.

В боях суровых друзей теряли,
Свою столицу мы отстояли.
От стен Кремлевских до стен Рейхстага
Врагов громили под красным стягом!

Святыня наша – Победы Знамя,
Ты в нашем сердце навеки с нами,
Как символ славы, как символ жизни
Для всех народов моей Отчизны!

ПАМЯТИ ДОРОГИХ ДРУЗЕЙ, ПАВШИХ ЗА РОДИНУ

Года идут, как с гор лавины,
Но будут в памяти всегда
Атаки, бомбы, танки, мины
И наша Красная Звезда.

Шли в бой безусые мальчишки
За нежность материнских рук,
За непрочитанные книжки
И нецелованных подруг.

Они погибли за свободу,
За честь своей родной страны,
Но вечно в памяти народа
Останутся его сыны.

Мои друзья, мои подруги
Сороковых далеких лет,
Земля вращается по кругу,
Земля вращается по кругу,
Земля вращается по кругу –
На острие наших побед!

НАШИ ВОЕННЫЕ ДАТЫ

Война оставляет шрамы
В памяти поколений,
Разыгрывая драмы
В реальности, а не на сцене.

Ломая истории ритмы,
Сжимая столетия в годы,
Бросает в сраженья и битвы
Без сожаленья народы.

Войны всегда – это горе и слезы,
Узел больших человеческих бед,
Шли над Россией военные грозы
Сотни кровавых лет.

Шли чередой суровые даты
В нашей истории непростой,
В тяжких сраженьях России солдаты
Родину-мать закрывали собой.

Снежный февраль, восемнадцатый год,
Выигран первый бой,
В атаку идут десяток рот
Под нашей Красной Звездой...

Жаркий июнь сорок первого года,
Мрачное двадцать второе число...
Много несчастий и бед для народа
Страшное это число принесло...

Мы прорывались из окружений,
Нас вновь окружали и так без конца,
Горечь проигранных тяжких сражений
Нам до сих пор разрывает сердца.

Но двадцать третьего февраля
Родилась Армия для побед
И, оттолкнувшись от стен Кремля,
Познала военных успехов секрет.

Мы помним весну сорок пятого года,
9 Мая – салюты везде,
Счастье народа, победа народа,
Вечная слава Красной Звезде!

Славные даты, суровые даты
В нашей истории рядом стоят...
Армия наша, России солдаты
С честью Отчизну свою защитят!

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Мы мальчишками были простыми,
Свято верили нашим вождям
И успехами боевыми
Восхищались по бойким статьям.

Осаждали военкоматы,
Умоляли: скорее в бой!
Скромные, надежные ребята
Патриоты Родины большой.

И наивно опасались очень,
Что войска управятся без нас,
А удар их будет тверд и точен –
За неделю выполнят приказ.

Но недели превращались в годы,
Долгие кровавые года:
Жертвы, окружения, отходы,
Сданные фашистам города...

Все мы пережили, было тяжело,
Было страшно за судьбу страны,
Но потом мы сделали «отмашку» –
Развернули колесо войны.

И пошли дивизии на запад,
Догоняя солнце по пути,
Всем погибшим отдавая рапорт
И стремясь скорей в Берлин войти.

Ворвались, дошли и победили,
Уничтожив нечисть навсегда,
И салютом славы озарились
Наши села, наши города.

И сейчас, спустя десятилетия,
Вспоминаю всех моих друзей,
Тех, кто сгинул в годы лихолетья,
Знаю – это Ваш, Ваш юбилей...

Юбилей солдат и офицеров,
Тех, кто жизнь за Родину отдал,
Тех, кто был всегда святым примером,
Даже пусть в штафбате побывал.

И когда фашистская зараза
Поднимает голову опять,
Я хочу без всякого приказа
Спусковой крючок сильнее нажать.

ПРАВИЛО ЖИЗНИ

Мне не забыть военных дней,
Вой пикировщиков, бомбежки,
Огонь зенитных батарей, –
К всему привыкнешь понемножку.

На фронт ушел в семнадцать лет,
Домой вернулся в двадцать пять.
За эти годы столько бед
Пришлось хлебнуть – не сосчитать.

Но вынес правило одно:
Нельзя позиции сдавать,
И если тяжко, все равно
Перед врагом не отступить!

КОГДА УХОДЯТ ВЕТЕРАНЫ

Когда уходят ветераны,
Окончив жизненный свой круг,
Все как-то сумрачно и странно
Для нас становится вокруг.

Все так же дождик хлещет рьяно,
И мелочь суеты вокруг...
А ты ушел в страну туманов,
Ушел наш милый, верный друг.

Прощай наш друг, прощай товарищ,
Ты в сердце каждого из нас.
И смерть твоя, как сто пожарищ,
Пронзила каждого из нас.

О РАБОТЕ, ДРУЗЬЯХ, УЧЕНИКАХ

ЛЮБИМАЯ МОЯ КРИМИНАЛИСТИКА

Между практикой и теорией,
Отразившись в томах и листиках,
Заняла свою нишу в истории
Моя славная криминалистика.

Соблюдая каноны логики,
Подчиняясь законам эвристики,
Создавала свои методики
Моя мудрая криминалистика.

Разработала операции
Выполняя запросы практики,
Подготовила рекомендации
Для методики, техники, тактики.

Познавала мир вероятностей,
Но без всякой ненужной мистики,
Прорвалась сквозь огонь неприятностей
Моя гордая криминалистика...

Создавали свои творения
Кибернетика, психолингвистика,
Их освоила с вдохновением
Моя чуткая криминалистика.

Шаг к успеху всегда чередуется с трудностью:
Нет в науке дороги без гроз,
Но помогут нам всем своей мудростью
Эйсман, Белкин, Потапов и Гросс.

ПРОКУРАТУРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Меняется природа и двадцать первый век,
Меняется погода и с нею человек,
Меняется политика, и в этом виден толк,
Но неизменен только прокуратуры долг.

Я помню задержание бандитов и убийц,
Допросы расхитителей и прочих алчных лиц,
Осмотры в дождь и стужу и поиски следов,
И экспертизы сложные срывали тайн покров.

Прокуратуре верят, прокуратуру знают,
Прокуратуре люди судьбу свою вверяют,
Я счастлив, что когда-то служил в ее структуре
И был простым солдатом родной Прокуратуры.

СЕГОДНЯ ОТКРЫВАЕТСЯ МУЗЕЙ ПРОКУРАТУРЫ...

Сегодня открывается Музей прокуратуры:
Везде родные лица, знакомые фигуры –
Ушедшие когда-то любимые друзья...
Хочу обнять их крепко – мне говорят: нельзя.
Мне объясняют – это игра воображения
И результат глубокого душевного волнения...

Нет! Просто я вернулся в далекие года,
Когда мы были молоды и веселы всегда,
Когда осмотры сложные мы проводили сутками,
Когда дела серьезные перемежались с шутками,
И задержанья смелые, и обыски успешные,
И прокуроры мудрые, и санкции неспешные.

В Музее с грустью вспомнились далекие года.
О! Как мы были веселы и молоды тогда.

ИНСТИТУТУ ПРОКУРАТУРЫ

Как готовить кадры для прокуратуры?
Надо взять парнишку, лучше из «пехтуры»,
Или из десанта, или из «погранки»,
Довести до высшей степени огранки,
Научить парнишку уважать Законы
И любить Россию, ее горы, склоны,
Рисковать разумно, разрешать конфликты,
Профессионально раскрывать деликты,
Проводить осмотры в дождь, и в снег, и в стужу...
И в семье, конечно, быть примерным мужем.
И не пить ни грамма до конца работы,
А не то возникнут лишние заботы.
И трудиться страстно до седьмого пота,
Но зато какая нужная работа!

ИНСТИТУТУ ЮСТИЦИИ

Институт юстиции очень многогранен,
Он готовит кадры для центра и окраин.
И идут выпускники в органы милиции,
ФСБ, таможню и наркополицию.
Трудятся ребята без всяких замечаний
В службе исполнения разных наказаний,
Трудятся старательно, с честью – там и тут,
Институт юстиции – надежный Институт!
Непростое время вам, друзья, досталось,
И преград немало на пути осталось.
Но всегда помогут знания и труд
И родной навечно славный Институт.
Умножая каждый год мудрые традиции,
Пусть мужает и растет Институт юстиции!

ВЫПУСКНИКАМ СЮИ ДАЛЕКОГО 1953 ГОДА

Нас собралось совсем немного,
И в сердце радость и печаль.
Ушло от нас друзей так много...
Ушли в мерцающую даль...

Мы помним о ребятах все,
Друзей своих мы помним всех.
Жизнь, как в рулетке колесо,
Сегодня вниз, а завтра вверх.

Стремительно прошло полвека,
Как мы окончили СЮИ,
Полсотни лет – большая вежа,
Подруги и друзья мои!

Мы все учились, слава Богу,
Не в МГУ и не в ХЮИ,
И на широкую дорогу
Любовно вывел нас СЮИ.

СЮИ, а ныне УрГЮА,
Родная наша Alma mater,
Надежно, точно навсегда
Определила наш фарватер.

Наш курс был лучшим в целом свете
По всем критериям Минвуза,
Мы разлетелись тем же летом
По территории Союза.

И если б снова жизнь начать
И сделать выбор как всегда,
Я вновь пошел бы поступать
В наш вуз любимый – УрГЮА.

И сквозь туманы и ненастья
Пусть ярко светит нам всегда
Звезда студенческого счастья,
Звезда СЮИ и УрГЮА.

Екатеринбург, 2003 г.

ДОРОГИМ ВЫПУСКНИКАМ ДАЛЕКОГО 1976 ГОДА

Люблю всех Вас, ребята, по-отечески
И больше государственных наград
Я встрече просто так, по-человечески,
Безмерно счастлив и безмерно рад!

Пусть в этом зале курс не весь,
Где друг-сокурсник? Отзовись!
Как это здорово, что здесь
Сегодня вместе собрались...

Прошли года, все стали взрослыми,
Уже у многих седина,
Делами занимались Вы серьезными
И нахлебались трудностей сполна.

И кем бы ни был твой сокурсник:
Хоть прокурор, хоть адвокат,
Хоть в бизнесе большой искусник,
Он твой надежный друг и брат.

И снова ждет вас славный путь,
Минуйте смело перекрестки...
Вам дал путевку Институт,
Наш Юридический Свердловский!

ВЫПУСКНИКАМ 1986 ГОДА

Пятнадцать лет – большая дата.
Кто потолстел, кто польсел...
Но выпить двести грамм на брата
Нам сам Всевышний повелел.

А ваши милые подруги,
Перечеркнув пятнадцать лет,
Отпляшут «рок» и «буги-вуги»,
Послав из прошлого привет.

Нас всех взрастила Alma mater,
Любимая вторая мать,
Наметила прямой фарватер
И научила побеждать!

ЛЮБИМЫМ ЖЕНЩИНАМ

ДОРОГОЙ ЖАННЕ

Случайно в тихий майский вечер
Ты мне впервые улыбнулась,
В моей судьбе от этой встречи
Мгновенно все перевернулось.

И пусть не дарят мне алмазы,
Сапфиры и бриллиантов рой,
Я это все отброшу сразу,
Лишь бы владеть одной тобой.

Лишь бы любить тебя всегда
И губы целовать твои...
Пусть чередой идут года,
Года счастливые мои.

19 декабря 1959 г.

МОЕЙ ЛЮБИМОЙ ЖАННЕ

Я не знаю, чего в тебе было больше –
Милой нежности, гордости или мечты.
Я прошел всю Румынию, Венгрию, Польшу,
Но не встретил нигде таких женщин, как ты!

Я любил тебя, Жанна, как жену и как друга
И как мать моих милых детей.
Я скорблю, что не выполнил долг свой супруга
И не вырвал тебя из смертельных когтей.

Я уверен, что движется мир по окружности,
И надеюсь, с тобою мы встретимся вновь...
Смерть сильна в своей дикой, безумной бездушности,
Но останется в сердце Святая любовь!

15 июля 2003 г.

ИРИНЕ, ЖЕНЕ И ДРУГУ, В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Ты не шатенка, не блондинка,
Твоих волос неясен цвет...
А для меня ты – как картинка
Студенческих, далеких лет.

Такая нежная и стройная,
И непреступно гордый вид,
И только челка непокорная
Из-под беретика манит.

Слегка с годами постаревшая,
Но тот же горделивый вид,
А прядь волос чуть поседевшая
Меня по-прежнему манит.

Так пожелаем же Ирине
Здоровья, счастья и побед,
Пусть ездит на своей машине
До ста пятидесяти лет.

25 марта 2007 г.

ДОРОГОЙ ИРИНЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я не верю странным датам,
Я не верю паспортам,
Ты назло всем бюрократам
Мадемуазель, а не мадам.

Молодежная походка,
А осанка – как мисс Мира...
Богом данная находка
Для меня – родная Ира!

Дети, правнуки и внуки
Для тебя – любовь и счастье,
Золотые твои руки
Отведут от них ненастье!

Управляй своим авто
И живи еще лет сто,
Улыбайся по пути
Всем инспекторам ГАИ.

Живи, родная, много лет
На радость всем родным и близким,
Так выпьем за тебя, мой свет,
Кто водку, кто вино, кто виски!

В честь зрелой женской красоты
Дарю тебе мои цветы,
И в знак мужского преклоненья
К ним небольшое приложенье.

25 марта 2012 г.

НАШИМ ЖЕНЩИНАМ В ДЕНЬ 8 МАРТА

Какой прекрасный женский праздник,
И как чудесен месяц март,
А ветер, он такой проказник,
Дает весне победный старт.

У женщин – моды по погоде,
Помолодели разом все:
Иные лет на десять вроде,
А остальные – так вообще...

Короче сразу стали юбки.
Походка – легче и смелей,
Слегка подкрашенные губки,
Духи «Диор» или «Шанель».

Так пожелаем много счастья
Для наших милых, нежных дам,
Пускай минуют их ненастья
И будет жизнь без всяких драм!

ДРУЗЬЯМ И ТОВАРИЩАМ

ГЕННАДИЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ ИГНАТЕНКО

Ты по жизни шагаешь уверенно,
С чувством долга, достойно, без лести.
Это я говорю совершенно намеренно –
Ты для всех образец благородства и чести.
Ты крупнейший ученый и лектор от Бога
И в тебя влюблены все студентки немного,
Но ты любишь одну, по-русски, без мудрости,
Ту, с которой делил и успехи, и трудности.
Если вдруг загрустишь, опечалишься вроде,
То взгляни поскорее на сына Володю...

Я желаю успехов, здоровья и счастья,
Пусть пройдут стороной холода и ненастья...
Ну а чтобы болеть перестала коленка,
Выпьем вместе с тобой, мой родной Игнатенко!

ВАЛЕРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ КАРАГОДИНУ

У тебя за спиной шесть десятков
Замечательно пройденных лет.
Ты все силы науке отдал без остатка
И добился блестящих побед.

Ты профессор, и доктор, и лектор от Бога,
И заслуженный очень юрист...
Но теперь ты шагаешь по новой дороге,
Приоткрыв до конца не прочитанный лист.

И по новой дороге вперед продвигайся,
Но всегда и везде оставайся собой
И в любой ситуации не прогибайся,
Жизнь прогнется сама пред тобой!

Тебе желаем крепкого здоровья,
Больших семейных радостей и мира,
Счастливой, яркой жизни полнокровья,
Целуем крепко – Леонид и Ира.

ВЛАДИМИРУ МАИРОВИЧУ БОЗРОВУ

Тебе всего лишь шестьдесят...
Ну что за возраст, что за годы.
Ты от кавказской взял природы
Отвагу и орлиный взгляд!

А ум, достоинство и честь
В тебя родители вложили.
Они тебя благословили
России предано служить.

И ты служил почти полвека,
Любил жену и прочих дам...
Пью за здоровье человека,
Который сделал себя сам!

И пожелаю по-кавказски:
Лет двести жить, здоровым быть,
Рассказывать подружкам сказки,
Но лишь одну жену любить,

Идти дорогою прямой,
Быть верным дружбе, слову чести
И Академии родной.
И будет все тогда на месте!

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ БЕЛЯКОВУ

Полсотни лет совсем немного,
Когда в науке путь открыт,
А в голове талант от Бога,
А не от задницы сидит.

Когда в семье надежный тыл, —
Я в этом убежден воочью, —
Тогда в душе любовный пыл
И днем, и вечером, и ночью.

Так будь удачлив и здоров,
Родной, любимый Беляков.

ВЫБОР

(ПОУТИ ПО Ю. ЛЕВИТАНСКОМУ)

«Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу»,
И какой бы ни была судьба,
Он о лучшей доле просит Бога.

Выбор – вероятностный исход:
Далеко не каждому везет.
Кто всю жизнь до счастья не дойдет,
А другой дойдет, но не поймет.

В жизни я нередко счастлив был,
Всю войну прошел – Бог сохранил,
Женщин восхитительных любил,
А в работе радость находил.

У мужчины – четкий идеал:
Верность долгу, Родине, семье,
Если это ты не осознал,
Значит, ты – мужчина «не вполне»...

Принимай решения смелей,
Если надо, то рискуй с умом,
Нет на свете ничего милей,
Чем твоя любовь и отчий дом.

ЖЕЛАНИЕ

Не хочется из жизни уходить
И оставлять друзей, родных, работу...
Какую все же маленькую квоту
Нам выделил Всевышний, чтобы жить.

Я не ропщу, мне ровно девяносто —
Почти предел для человечьих лет.
Никто не сможет избежать погоста,
Но хочется подольше видеть свет.

Свет наших дней стремительных и чудных,
Наполненных тревогой и заботой,
Решением задач простых и трудных,
Любовью, встречами, разлукой и работой.

Так хочется еще чуть-чуть пожить
И осенью, и летом, и зимой,
Тем более так хочется весной
Смотреть в глаза любимой и любить...

24 октября 2014 г.

ЛИСТКИ КАЛЕНДАРЯ

Когда на жизненном пути
До финиша совсем немного,
То с предстоящим не шути
И чаще обращайся к Богу.

Как листики календаря,
Мы перелистываем годы...
Иные пролетели зря,
Но большинство дают нам восходы.

И эти всходы – благодать:
В учениках, друзьях и детях
Находим молодость опять,
И это – лучшее на свете.

Благодарю свою судьбу
За то, что жизнь прожил не зря,
За трудности и за борьбу,
И за листки календаря.

За милых внуков, за любовь
И за надежду, что опять
Все это повторится вновь
И повернется время вспять.

И если б снова жизнь начать,
Я б выбрал тот же самый путь,
И пусть пришлось бы «наступать
На те же грабли», ну и пусть.

Но никогда не унывай,
Знай, что ты жизнь прожил не зря,
Но с грустью иногда считай
Листочки от календаря...

24 октября 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Будни следователя	9
Страница первая. «Настоящее дело»	11
Страница вторая. «Загадочная история»	21
Страница третья. «До чего же соблазнительны эти яблоки»	32
Страница четвертая. «Нетрадиционная профилактика»	36
Страница пятая. «Совсем не скучная работа»	42
Страница шестая. «Старые дела об убийствах можно успешно раскрывать...»	52
Страница седьмая. «Маленький ключик к большому и сложному делу»	63
Страница восьмая. «При вспышке молнии...»	76
Страница девятая. «Никогда не теряй бдительность...»	87
Страница десятая. «Логика следствия и поиск доказательств»	94
Страница одиннадцатая. «По кровавым следам серийного убийцы...»	101
Страница двенадцатая. «Раскрытие убийства следственным путем (хотя это и нежелательно)...»	119
Страница тринадцатая. «Поисковая функция судебных экспертиз»	129
Страница четырнадцатая. «Поиск и доказывание – главное содержание работы следователя»	140
Страница пятнадцатая. «Ликвидация бандгруппы»	151
Страница шестнадцатая. «Маленькие эпизоды большого уголовного дела»	164

СТИХИ, ИДУЩИЕ ОТ СЕРДЦА

Память войны	192
О работе, друзьях, учениках	198
Любимым женщинам	204
Друзьям и товарищам	208
Листки календаря	211

Литературно-художественное издание

Леонид Яковлевич Дранкин

*Страницы
из дневника следователя*

Главный редактор Издательского дома
Уральского государственного юридического университета
А. Н. Митин

Редакторы *О. Ю. Петрова, Т. А. Шиловских*
Компьютерная верстка *М. Ю. Зайкова*
Дизайн обложки *Е. И. Ушакова*

Подписано в печать 05.11.16. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,32. Уч.-изд. л. 13,51.
Тираж 300 экз. Заказ № 44

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит

Уральский государственный юридический университет.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

Отдел дизайна и полиграфии
Издательского дома
Уральского государственного юридического университета.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru